Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/druhisvtnadhrobn00unse

ДРУГІЙ СВѢТЪ.

НАДГРОБНЫЯ СЛОВА

СВЯЩЕННИКА УРІИЛА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Съ одобреніемъ Его Преосвященства Юлія, Епископа Мукачевскаго, со дня 30-го сентября, года 1895. подъ числомъ 5845.

ВЪ УНГВАРѢ,
КНИГОПЕЧАТНЯ СЕЙКЕЛЯ И ИЛЛЕЙША.
1898.

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ ГОСПОДИНУ ГОСПОДИНУ

ЮЛІЮ ФИРЦАКЪ,

ЕПИСКОПУ МУКАЧЕВСКОМУ,

АРХИМАНДРИТУ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛОВЪ ПЕТРА И ПАВЛА ОТЪ ТЕПЛИЦЫ,

РЫЦАРЮ ОРДЕНА ЛЕОПОЛЬДА И ПРОЧ.

ОТЦУ И ПОКРОВИТЕЛЮ

ВЪ ЗАСВИДѢТЕЛЬСТВОВАНІЕ СВОЕГО ПОЧИТАНІЯ, ЛЮБВИ И ПРЕДАННОСТИ

ПОСВЯЩАЕТЪ

СОЧИНИТЕЛЬ.

Преосвященный Владыка,
Милостивѣйшій Государь и Отецъ!

КОРМЧІЙ, которому повѣрено управленіе корабля, нагруженнаго цѣнными сокровищами, всегда бываетъ много озадаченъ, чтобы благополучно доставити корабль къ цѣли желанной пристани. Онъ совершая плаваніе, зоркимъ окомъ наблюдаетъ за путеводными звѣздами, неусыпно прилагаетъ старательство, чтобы непопасти на подводныя скалы, или на мель, и не пострадати крушеніе. По избранію Провидѣнія Божіяго рукѣ Вашего Преосвященства повѣрено управленіе корабля-церкви, на которомъ неоцѣнимымъ сокровищемъ представляется судьба больше стотысячей душъ, долженствующихъ совершити плаваніе чрезъ обуреваемую житейскую пучину къ берегамъ вѣчнаго домовства, въ небесный Іерусалимъ.

Въ такомъ великомъ дѣлѣ, Ваше Преосвященство, будучи первымъ споспѣшникомъ небеснаго Кормчаго, Господа Искупителя, неусыпно руководствуется путеводною звѣздою живаго слова Божіяго, глаголющаго изъ составленнаго Духомъ Святымъ священнаго писанія. Онъ велъ руки евангелистовъ, приводилъ въ движеніе языки апостоловъ, Онъ былъ перомъ и языкомъ, Онъ далъ на уста пророку такія слова: **Язы́къ мо́й тро́сть кни́жника скоропи́сца.** (Псал. 44. 2.) Его тростію и языкомъ были и свѣтила церкви святые отцы, въ ихъ твореніяхъ какъ образъ въ образѣ отражается небесный свѣтъ, исходящій отъ самаго источника Свѣта. Подъ благодатнымъ вліяніемъ сего Свѣта,

управляетъ Ваше Преосвященство повѣренную паству чрезъ подвѣдомственныхъ служителей церкви, которые состоятъ споспѣшниками Вашего Преосвященства, и по преимуществу споспѣшниками Божіими. **Бо́гъ бо є́смы споспѣ́шницы.** (I. Кор. III. 9.) Званіе наше состоитъ въ томъ, чтобы взоры плавающихъ на житейскомъ морѣ направити къ источнику Свѣта, слухъ и сердце сдѣлати воспріимчивымъ къ божественнымъ повелѣніямъ Искупителя, чтобы Его слова у всѣхъ перешли въ дѣла, чтобы благодатная церковь Его составила **є́дино тѣ́ло и̑ є́дино́ дх҃ъ.** (Ефес. IV. 4.), и въ единеніи святыхъ слилася въ одно блаженствующее живое сердце въ божественномъ Сердцѣ Его.

Вѣрно, для сего соединенія изволилъ Онъ воплотится, чтобы обожествити человѣческое естество. Упояется душа отъ наставленія блаж. Августина, направленнаго къ священникамъ, но удобопримѣнимаго ко всѣмъ чадамъ церкви, когда онъ такъ воззываетъ: „О священники! если душа всякаго праведника есть престоломъ Божіимъ, тѣмъ болѣе должны быти вы престоломъ и церковью Божіею чистою и непорочною. Если гробъ Его славенъ, въ которомъ лежало тѣло мертвое: болѣе славны и достойны имутъ быти наши тѣла, въ которыя воскресый изъ мертвыхъ, по вся дни благоволитъ вселятися. Если блаженно чрево, за девять мѣсяцей носивше Христа: равно, если и въ нетакой мѣрѣ, однакожъ блаженны должны быти наши сердца, въ которыхъ по вся дни избераетъ себѣ обитель Сынъ Божій. Если блаженны сосцы, которыя Онъ ссалъ будучи отрокомъ: такъ должны быти блаженны уста, ядущія Его тѣло и піющія Его кровь“. (Слово 77 къ братіямъ въ пустынѣ.)

Вѣрно блаженны уста, ядущія Его тѣло, и піющія Его кровь, неизреченный и неоцѣнимый это даръ! но самъ Спаситель поставилъ на равную степень и слово свое. Когда нѣкая жена воздвигши гласъ свой отъ народа, воз-

звала: **Блаженно чрево носившее тя, и сосца, яже еси сала, Он речѣ: Тѣмже убо блаженни слышащіи слово Божіе и хранящіи е.** (Лук. XI. 27—28.) Обожествляется естество человѣческое причастіемъ тѣла и крови Спасителя, но обожествляется и духовнымъ млекомъ словъ, исходящихъ изъ устъ Его, потому что блаженство единенія зиждется на основаніи и началѣ слышанія Слова Божіяго и храненіи его.

Содрогнется сердце при самой мысли, что Спаситель духовное млеко слова изъ устъ своихъ передалъ на уста апостоловъ и ихъ преемниковъ, служителей церковныхъ. Предъ вознесеніемъ своимъ на небеса далъ Онъ ту завѣтную заповѣдь: **Шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари.** (Марк. XVI. 15.) И у Матѳея: **Научите вся языки.** (XXVIII. 19.) Изшедшая изъ устъ Христовыхъ наука и проповѣдь была тѣмъ божественнымъ источникомъ животворной воды, которая подъ вліяніемъ Св. Духа перешедши на уста апостоловъ разлилася рѣкою до послѣднихъ предѣловъ земли, и протекаетъ чрезъ вѣки и времена въ безконечную вѣчность. Святому Іоанну тайновѣдцу, въ явленномъ ему небесномъ Іерусалимѣ **показа** ангелъ **чистъ рѣку воды животныя свѣтлу яко кристалъ, исходящу отъ престола Божія и Агнца. Посреди стогны его и по обаполы рѣки древо животное, еже творитъ плодовъ дванадесате, на кійждо мѣсацъ воздаа плодъ свой: и листвіе древа во исцѣленіе языкомъ.** (Апок. XXII. 1—2.) Апостолъ языковъ, сообразуясь съ завѣтною заповѣдію Спасителя, никогда, о ничемъ невоздвигалъ такъ настоятельно своего голоса, какъ о проповѣди. Такъ говоритъ онъ: **Засвидѣтельствую убо азъ предъ Богомъ и Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, хотящимъ судити живымъ и мертвымъ въ явленіи его и царствіи его: Проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, уличи, запрети, умоли, со всякимъ долготерпѣніемъ, и ученіемъ.** (II. Тім. IV. 1—2.) Еще болѣе

грозны слова Господа, возглаголавшаго устами пророка: **И ты сы́не человѣ́чь, вх страа́жа да́хх тѧ̀ до́мꙋ Ізра́йлевꙋ, и̂ ꙋ̑слы́шиши ѿ̀тх ꙋ̑стх мои́хх сло́во, и̂ проповѣ́си и̑̀мх ѿ̀тх менѐ. Е̂гда̀ реку̀ грѣ́шнику: грѣ́шниче, сме́ртію ꙋ̑мреши, и̂ не вꙋ̀деши глаго́лати (грѣ́шнику), е̂́же сохрани́тисѧ нечести́вомꙋ (е̂́же ѿ̀братѝтисѧ е̂мꙋ̀) ѿ̀тх пꙋ́ти своегѡ̀, и̂ жи́вꙋ бы́ти е̂мꙋ̀, то́й беззако́нникх вх беззако́нїи свое́мх ꙋ̑мретх, а̂ кро́ве е̂гѡ̀ ѿ̀тх рꙋ́кꙋ твоеѧ̀ взы́щꙋ.** (Iезек. XXXIII. 7—8.)

Поелику церковь Христова никогда не была свободна отъ напора враждебной силы, потому у стражей церкви, въ сознаніи своего званія, и не было большаго попеченія, какъ проповѣдь слова Божіяго. Она съ самаго начала раздавалася безпрерывнымъ отзывомъ апостольской проповѣди. Въ новѣйшее время стало замѣтнымъ ожесточенное нападеніе супротивъ церкви, пуще всѣхъ прежнихъ нападеній, требующее отъ стражей церкви усиленной бодрости и дѣятельности, чтобы защитити паству отъ напасти, возбудити чада отъ тлетворнаго спа, разогнати тму заблужденій, водворити въ сердцахъ самосознаніе о достоинствѣ и высокомъ назначеніи человѣка. Кажется, какъ-разъ приходитъ въ исполненіе предсказаніе св. апостола Павла: **Бꙋ́детх вре́ма, е̂гда̀ здра́ваго ꙋ̑че́нїа не послꙋ́шаютх, но по свои́хх по́хотехх и̂зберꙋ́тх себѣ̀ ꙋ̑чи́тели, че́шеми слꙋ́хомх: И ѿ̀тх и̑́стины слꙋ́хх ѿ̀вратя́тх, и̂ кх ба́снемх ꙋ̑клоня́тсѧ.** (II. Тім. IV. 3—4.) Извѣстно, съ распространеніемъ заблужденій, требовалося бы столько проповѣдническихъ устъ, сколько есть заблудшихъ отъ пути истины, сколько колеблющихся въ вѣрѣ, сколько нуждающихся въ просвѣщеніи, и сколько подверженныхъ опасности отторженія отъ церкви.

Въ виду сихъ обстоятельствъ, совѣстно мнѣ сказати, что у насъ развитіе церковнаго витійства настоящихъ поръ находится въ застоѣ. Въ теченіе сего исходящаго столѣтія, появилося въ печати всего три-четыре сочиненія цер-

ковныхъ проповѣдей на русскомъ языкѣ, о которыхъ слѣдуетъ сказати, что они хоть и сослужили во время своего появленія извѣстную задачу, но перестали давно стояти на высотѣ современныхъ требованій. Духовенство, неимѣя подъ руками другого пособія, принуждено обращатися за нимъ къ иноязычнымъ литературамъ, по своему умѣнію переводити проповѣди на скорую руку, и такъ произносити оныя предъ народомъ. Неподлежитъ сомнѣнію, что у поодинокихъ ученыхъ людей были межь тѣмъ и самостоятельныя сочиненія, но они неиздаваясь печатно, затерялися, и неперешли въ общее достояніе.

Принуждаемъ общимъ недостаткомъ, я издавна принялся за составленіе праздничныхъ и воскресныхъ проповѣдей, сперва съ цѣлію собственнаго употребленія, теперь онѣ возросли въ значительное собраніе, нужно бы только пополнити, и приготовити къ печати, въ случаѣ изданія почивающій подъ спудомъ трудъ становился бы ручнымъ пособіемъ всего духовенства. Увѣнчается-ли мое предпріятіе когда-нибудь желаннымъ успѣхомъ? За неимѣніемъ средствъ, зависитъ отъ того, дождется-ли оно издателя. Покамѣстъ я остановился на изданіи надгробныхъ проповѣдей, въ которыхъ чувствуется самая большая нужда. Смерть, сама по себѣ, производитъ на душу потрясающее впечатлѣніе, потому душпастырю не представляется болѣе удобнаго случая для воздѣйствій на самыхъ закоснѣлыхъ людей, нежели въ случаяхъ смерти, когда уязвленныя горемъ сердца дѣлаются всего болѣе воспріимчивыми, умѣстное слово способно подѣйствовати, чтобы взоръ направленъ и привязанъ къ другому свѣту, совѣсть наклонена къ сознанію и раскаянію. Въ составленіи настоящихъ надгробныхъ словъ, подъ заглавіемъ **Другій свѣтъ,** въ двухъ томахъ, я руководствовался предположенною цѣлью: впервыхъ, дати въ руки душпастырю пособіе, недостатокъ котораго давно чувство-

вался; во вторыхъ, по возможности во сжатомъ объемѣ обняти предизбранные предметы, съ тѣмъ, чтобы теченіе мыслей производило новыя мысли у читателя, пополненіе которыхъ я желалъ предоставити вкусу, учености, и даровитости, желающимъ пользоватися этимъ моимъ скромнымъ трудомъ.

Се и подношу мое сочиненіе, съ сыновнею преданностью посвящая оное Вашему Преосвященству. Святительское одобреніе будетъ мнѣ пріятною наградою, потому что если проповѣдники слова Божіяго примутъ сію книгу изъ рукъ Вашего Преосвященства, съ тѣмъ она получитъ уваженіе отъ Святительскаго свѣтлаго имени и достоинства, недостатки становятся менѣе замѣтными, нравственная польза болѣе обезпеченною, и уже проповѣдники будутъ произносити настоящія слова не моимъ слабымъ голосомъ, и не своими устами, но устами и важностію Вашего Преосвященства.

Впрочемъ препоручаясь высокой родительской благосклонности, съ лобзаніемъ св. десницы, остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ

Въ *Турьянскихъ-Реметахъ*, въ день Рождества Пречистой Дѣвы Богородицы, года 1897.

Вашего Преосвященства

покорнѣйшимъ сыномъ:

СВЯЩЕННИКЪ УРІИЛЪ.

Христо́съ воскре́се и҃зъ мёртвыхъ, смёртію смёрть попра́въ, и҃ сы́мъ во гробѣ́хъ живо́тъ дарова́въ.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ СМЕРТИ ЦАРЯ, ВО ВРЕМЯ ЗАУПОКОЙНОЙ СВ. ЛИТУРГІИ.

Содержаніе: О сокровищахъ небесныхъ.

Бога бо́йтесѧ, царѧ чти́те.
I. Петр. II. 17.

Одинокое въ началѣ древо, когда приходитъ въ силу плодородія, изъ его сѣмени вокругъ являются новые ростки, которые современемъ и сами приходятъ въ составъ производительности, и разрастаются пространнымъ лѣсомъ. Такъ и жизнь народовъ, въ началѣ исходитъ одъ одного родоначальника, современемъ они населяютъ великія пространства земли, и вмѣстѣ въ могуществѣ соперничаютъ съ умножившимися такимъ же образомъ другими народами.

Естественно, и начало власти исходитъ изъ семейнаго круга родительскаго. Отецъ состоитъ повелителемъ надъ домомъ своимъ, и надъ всѣми, рожденными имъ потомками. Богъ создавши перваго человѣка, поставилъ его царемъ твари; и по естественному ходу дѣлъ, первый человѣкъ былъ вмѣстѣ и первымъ царемъ, независимымъ ни отъ кого кромѣ своего Создателя. Немноголюдное его въ началѣ царство, когда онъ на 930-омъ году приближался къ своей кончинѣ, оставлялъ за собою осемь поколѣній, для многолюдности которыхъ, требовалося немалое пространство земли, потому что по его смерти, послѣ истеченія 727 годовъ слѣдовалъ уже всемірный потопъ.

Поставляя Адама, въ образъ всѣхъ царей земныхъ, отличимъ въ немъ три свойства: человѣка, отца, и царя. Онъ созданъ человѣкомъ со всѣми преимуществами и *недостатками* человѣка. Какъ отецъ своего семейства — на-

рода, носитъ на себѣ обязанность родительской любви. Какъ царь, получившій свое царство отъ Создателя, прежде всего подлежитъ божескому закону, а распростирая власть свою на подданныхъ, у нихъ, водворяетъ на первомъ мѣстѣ силу божескаго закона, которому подлежитъ и самъ; охраняетъ жизнь и имущество, покровительствуетъ добрымъ, и наказуетъ беззаконныхъ. И такъ онъ, соединяя въ себѣ эти три свойства, дѣлается по волѣ Божіей, олицетворителемъ власти божеской на землѣ.

Возводимъ въ свое высокое достоинство, глава его помазываема бываетъ елеемъ, съ торжествомъ возлагается на него царскій вѣнецъ, посемъ восходитъ на престолъ, и держа въ десной рукѣ жезлъ, какъ знаменіе своей власти, а въ лѣвой золотое яблоко, какъ знаменіе своего царства, принимаетъ поклонъ отъ вѣрноподданныхъ, и вступаетъ въ полное обладаніе своею царскою властію. Притомъ весь народъ торжественно восклицаетъ: **Да живе́тъ ца́рь!** (IV. Царствъ XI. 12.)

Сама высочайшая степень власти царской, относится не къ подданнымъ, но къ самому себѣ. Прежде всего, онъ долженъ побѣдити самаго себя — свои недостатки, въ противномъ случаѣ, онъ надъ собою долженъ признати другую власть — власть грѣховъ.

Управленіе благочестиваго Помазанника Божіяго, отличается благодѣтельнымъ вліяніемъ на всѣ слои подвѣдомственныхъ, до послѣднихъ предѣловъ государства, какъ на высокопоставленныхъ, такъ и самыхъ нижайшихъ, даже до послѣдняго нищаго. Дѣйствія его можно сравнити — съ благодѣтельнымъ дѣйствіемъ всеоживляющаго солнца, потому св. апостолъ Павелъ воззываетъ молитвы творити: **За царя́, и́ за всѣ́хъ и́же во вла́сти сѫ́ть, да ти́хое и́ безмо́лвное житіе́ поживе́мъ во вса́комъ благоче́стіи и́ чистотѣ́. Сіе́ бо добро́ и́ прія́тно предъ Спаси́телемъ на́шимъ Бо́гомъ.** (I. Тімоѳ. II. 2. 3.) а св. апостолъ Петръ приказуетъ: **Бо́га бо́йтеся, царя́ чти́те. . . Се́ бо е́сть оу҃го́дно предъ Бо́гомъ.** (I. Петр. II. 17. 19.)

Съ почитаніемъ должны таже относитися подданные къ увѣнчанному царскимъ вѣнцемъ Помазаннику Божіему. Но есть у царя еще другій вѣнецъ, дороже того, который

украшаетъ голову его, — и это, любовь народа, любовь дѣтей къ *отцу* своему. Почитаніе относится къ властвующему, а любовъ сопровождаетъ отца и въ загробную жизнь, и память его дѣлаетъ безсмертною и у потомковъ. Кто измѣритъ море печали у дѣтей, когда перестанетъ біеніе родительскаго сердца — того сердца, которое любовію обнимало всѣхъ, и которое любили всѣ?

Съ наступленіемъ смерти, помазанникъ Божій, является въ первомъ своемъ составѣ — составѣ *человѣка*. Долженъ оставити власть, воинство, совѣтниковъ, вельможъ, царство. Предстаетъ предъ престолъ Царя царей, — несопровождаемъ тѣлохранителями и царедворцами, — съ нимъ только его дѣла. Блаженъ, если онъ, по своимъ богатымъ средствамъ, успѣлъ земными сокровищами снискати себѣ сокровища небесныя.

Святое преданіе сохранило для насъ слѣдующую повѣсть о царѣ Индійскомъ Гундафорѣ и св. апостолѣ Ѳомѣ:

— Индійскій царь захотѣлъ устроити себѣ великолѣпныя царскія палаты, и обрадовался, когда св. апостолъ Ѳома представилъ себя предъ нимъ искуснымъ зодчимъ. Для постройки далъ ему царь много золота и сребра, указалъ мѣсто, размѣрилъ основаніе зданій, а самъ отправился въ другую страну. Получивъ золото св. апостолъ, предпринялъ для царя устроити палаты не тлѣнныя на земли, но нерукотворенныя вѣчныя на небесахъ. Съ сею цѣлію онъ раздалъ нищимъ все золото и сребро, а самъ трудился въ проповѣди Евангелія, и многихъ къ Христовой вѣрѣ обратилъ и крестилъ.

Вѣсть о поступкахъ св. апостола достигла вконецъ и до царя. Царь считая себя обманутымъ про расточеніе золота, послалъ слугъ привести къ себѣ св. Ѳому, чтобы истязати его о золотѣ и предати смерти.

— Устроенны-ли палаты? — былъ первый вопросъ царя св. Ѳомѣ, когда сей былъ приведенъ къ нему.

— Устроены со всѣмъ великолѣпіемъ, — отвѣчалъ Ѳома.

— Гдѣ же онѣ? — спросилъ далѣе царь; — пойдемъ, покажи ихъ мнѣ!

— Палатъ тѣхъ — отвѣчалъ Ѳома — ты не можешь видѣти въ настоящей жизни, но ты увидишь ихъ, когда отойдешь отсюду: тогда поселившися въ нихъ, съ радостію будешь жити въ нихъ во вѣки.

Въ первомъ гнѣвѣ своемъ царь велѣлъ апостола заключити въ темницу, пока придумаетъ для него нѣкоторый жестокій образъ смерти. Въ ту же ночь заболѣлъ жестоко братъ царевъ, и немного страдая, умеръ отъ тяжкаго недуга. Между тѣмъ, душа умершаго была вознесена Ангеломъ въ обители отца небеснаго, и узрѣла тамъ многія предивныя красныя и свѣтлыя палаты, и одну изъ нихъ болѣе другихъ блестящую.

— О еслибы мнѣ дано было поселитися хотя въ одномъ углѣ сей палаты! — воскликнула душа къ ведущему её Ангелу, пораженная великолѣпіемъ зданія.

— Невозможно сіе, — отвѣчалъ Ангелъ, — палата сія принадлежитъ не тебѣ, а брату твоему; ему создалъ иностранецъ Ѳома на данное имъ злато.

— Молюся тебѣ! — продолжала душа умершаго — отпусти меня къ брату моему, онъ незнаетъ красоты сей палаты; я выкуплю отъ него, а потомъ опять возвращуся сюда!

Тогда Ангелъ возвратилъ душу въ тѣло, и умершій тотчасъ ожилъ. Кто въ состояніи изобразити радость, обрѣтшаго для себя небесное сокровище? Первою мыслію, и первымъ желаніемъ его сердца было, призвати брата своего. и выкупити у него драгоцѣнную, видѣнную имъ на небесахъ палату его.

Ужаснулся, и вмѣстѣ обрадовался царь, узнавши, что ожилъ братъ его. Но неменѣе обрадовался, когда услышалъ изъ устъ брата, о видѣнныхъ имъ на другомъ свѣтѣ. Немедля приказалъ освободити апостола, и обученные въ вѣрѣ вскорѣ крестилися оба братья, а по примѣру ихъ множество подданныхъ. Потомъ уже у обоихъ братьевъ и не было большаго старательства, какъ созидати себѣ на небесахъ палаты вѣчныя. Вконцѣ оба благочестиво скончалися.*)

*) См. чет. мин. въ жизни св. апост. Ѳомы п. 6. ч. октября. Воскр. чтен. Кіевъ 1852. 1853.

По случаю твоей благочестивой кончины, приводя повѣсть о святомъ апостолѣ Ѳомѣ, въ соотношеніе съ твоею жизнію великій Царь! несомнѣваюся о томъ, что ты, твоими богатыми щедротами, сооружая церкви въ престольныхъ городахъ, споможествуя множество другихъ церквей по всему государству, покровительствуя богоугодныя заведенія, облагодѣтельствуя всѣхъ нищихъ и требующихъ богатыми милостынями, — ты сооружилъ себѣ нерукотворенныя палаты на небесахъ.

Удивительно согласіе твоего великаго духа, что въ твоей личности, три твои свойства: царь, отецъ, и человѣкъ, слилися равномѣрно въ одинъ великолѣпный составъ. Безсомнѣнно, ты какъ царь принадлежишь исторіи, какъ апостольскій царь въ воинствующей церкви занималъ мѣсто перваго военачальника. Какъ отецъ, ты любовію дѣтей — народа безсмертенъ, потому что и противниковъ, — и распри ихъ между собою — примирялъ своею любовью. Какъ человѣкъ, по присущему тебѣ добродушію, твоими дѣйствіями руководствовала одна благотворительность; отъ себя самаго, какъ отъ чистаго источника, исходило все твое къ добру одушевленіе, потому было такъ дѣйствительно.

Благодарность твоего сердца — прирастила наши сердца къ тебѣ, и какъ дорогое наслѣдіе будетъ переходити безсмертно и къ нашимъ позднимъ потомкамъ. Они послѣ вѣковъ слыша повѣсть твоей добродѣтельной жизни, воздвигнутъ тебѣ въ сердцахъ своихъ вѣчный памятникъ, и будетъ тебѣ вѣчная память, а къ потомкамъ твоего царственнаго дома одна у всѣхъ вѣрность и завѣщаніе отъ рода въ родъ: **Бога бойтеся, царя чтите. . . Сіе бо есть оугодно предъ Богомъ.** Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

надъ Епископомъ.

Содержаніе: О церкви.

Дх҃ъ сватꙑ́й постáви є҆пи́скопы пасти́ це́рковь Господа и҆ Бо́га, ѿ҆же стꙗжа́ кро́вію свое́ю.
Дѣ҆ній апост. XX. 28.

Святые отцы уподобляютъ церковь, плывшему среди всемірнаго потопа ковчегу Ноя, внѣ котораго несуществовало спасенія. По ученію ихъ — въ составъ церкви входятъ всѣ вѣровавшіе и вѣрующіе въ Іисуса Христа, какъ тѣ, которые жили до пришествія Спасителя, такъ и тѣ, которые жили и живутъ по Его пришествіи. Посему начало Христовой церкви полагается еще въ раю, и продолженіе ея распростирается чрезъ весь рядъ вѣковъ до скончанія міра.

Самъ Спаситель, положившій своею кровію основаніе церкви, для освѣщенія разныхъ ея сторонъ, уподоблялъ церковь: зерну горушничну,[1]) сокровищу сокровенну,[2]) неводу вверженну въ море,[3]) десяти дѣвамъ,[4]) человѣку сѣявшу доброе сѣмя на селѣ своемъ,[5]) винограду,[6]) вечери великій,[7]) царю сотворившему бракъ сыну своему.[8]) О семъ бракѣ упоминая пророкъ Осіа, словами сына къ невѣстѣ такъ восклицаетъ: **Ѡ҆бру́чу тꙗ себѣ̀ во вѣ́ки: и҆ ѡ҆бру́чу тꙗ себѣ̀ въ пра́вдѣ, и҆ въ сⷭ́дѣ, и҆ въ ми́лости, и҆ въ щедро́тахъ: И҆ ѡ҆бру́чу тꙗ себѣ̀ въ вѣ́рѣ, и҆ оу҆вѣ́си Господа.** (Осіи II. 19. 20.)

---

[1]) Матѳ. XIII. 31. [2]) XIII. 44. [3]) XIII. 47. [4]) XXV. 1. и слѣд. [5]) XIII. 24. [6]) 33—41. [7]) Лук. XIV. 16. и слѣд. [8]) Матѳ. XXII. 1—4.

Этотъ духовный бракъ состоялся, когда Іисусъ Христосъ избралъ себѣ первыхъ двенадцать учениковъ, которые вѣруя въ Него, находясь подъ Его властію, составляли едино общество, подъ единою главою, и образовали первую церковь. Спаситель, предъ страстію своею, опредѣлилъ и цѣль церкви, глаголя: **Да вси̑ є̑ди́но бу̑дутъ: ꙗ̆коже ты, О̑тче, во мнѣ, и̑ а̑зъ въ тебѣ, да и̑ ти̑ въ на́съ є̑ди́но бу̑дутъ... А̑зъ въ ни́хъ, и̑ ты̀ во мнѣ, да бу̑дутъ соверше́ни во є̑ди́но.** (Іоан. XVII. 21. 24.), и обращая взоръ къ Отцу, заключилъ: **О̑тче, ꙗ̆́хже да́лъ еси̑ мнѣ, хощу̑, да и̑дѣ́же є̑смь а̑зъ, и̑ ти̑и бу̑дутъ со мно́ю: да ви́дятъ сла́ву мою̀, ю̆́же да́лъ еси̑ мнѣ, ꙗ̆́кw возлюби́лъ мѧ̀ еси̑ пре́жде сложе́нїа мі́ра.** (Іоан. XVII. 24.)

Св. апостолъ Петръ назвалъ церковь **стадомъ Божі́имъ.** (I. Петр. V. 2.), члены котораго св. апостолъ Павелъ величаетъ **сожителѧ́ми сва́тымъ и присны́ми Бо́гу. Назда́ни бывше на ꙋ̑снова́нїи А̑по́стwлъ и̑ проро́къ, сущу̑ краеуго́лну̑ самому̑ Іису̑ Христу̑, ꙋ̑ не́мже вса́ко созда́нїе составля́емо расте́тъ въ це́рковь сва́тую ꙋ̑ Го́споде̑.** (Ефес. II. 19—21.) И въ довершеніе восклицаетъ: **Такова̀ и̑́мамы первосвѧще́нника, и̑́же сѣ́де ꙋ̑десну̑ю престо́ла вели́чествїа на небеса́хъ.** (Евр. XIII. 1.)

Благодатію св. Духа преемниками апостоловъ состоятъ Епископы, къ которымъ относятся слова апостола языковъ: **Внима́йте оу̑бо себѣ̀ и̑ всему̑ ста́ду, въ не́мже ва́съ Ду̑хъ сва́тый поста́ви е̑пи́скопы, пасти̑ це́рковь Господа и̑ Бо́га, ю̆́же стяжа̀ кро́вїю свое́ю.** (Дѣян. апост. XX. 28.) А ко стаду св. апостолъ Петръ обращается съ такими словами: **Вы̀ же ро́дъ и̑збра́нъ, ца́рское свѧще́нїе, ꙗ̆зы́къ сва́тъ, лю́ди ꙋ̑бновле́нїа.** (I. Петр. II. 9.) **И са́ми ꙗ̆́кw ка́менїе жи́во зижди́тесѧ, въ хра́мъ ду̑хо́венъ, сва́ти́тельство сва́то, возноси́ти же́ртвы ду̑хо́вны благопрїа́тны Бо́гови Іису̑съ Христо́мъ.** (I. Петр. II. 5.)

Съ распространеніемъ церкви Христовой до послѣднихъ предѣловъ земли, — стадо всякаго Епископа, ограничается предѣлами, до которыхъ достигаетъ мѣсто жительства, подвѣдомственныхъ ему вѣрниковъ; но всѣ они, и порознь, и въ совокупности, состоятъ членами церкви, и въ живомъ союзѣ съ нею составляютъ **є̑ди́но тѣ́ло, є̑ди́нъ**

д8хъ. (Ефес. IV. 4.) Поелику же церковь зиждется на краеуголномъ камнѣ — самомъ Іисусѣ Христѣ, то она неограничается временнымъ существованіемъ на землѣ, но распростирается на другомъ свѣтѣ до нескончаемой вѣчности. Такимъ образомъ, церковь Іисуса Христа раздѣляется на три части, именно: на церковь воинствующую, торжествующую, и страждущую. Воинствующая церковь состоитъ изъ Христіанъ, въ настоящее время живущихъ, и находящихся въ подвигѣ за свое спасеніе. Въ составѣ церкви торжествующей — вмѣстѣ съ чинами ангельскими — находятся души всѣхъ праведниковъ, переселившихся отъ земли въ небесныя обители, и пріявшія вѣнцы спасенія. Страждущая церковь состоитъ изъ тѣхъ, души которыхъ находятся на мытарствахъ. Видимо, всѣ три части Христовой церкви находятся въ союзѣ между собою, изъ отцовъ — праотцовъ нашихъ одни находятся въ славѣ небесной, въ торжествующей церкви, другіе на мытарствахъ въ страждущей церкви, а мы воинствуемъ за вѣнецъ славы вѣчной. Есть кромѣ сихъ частей, еще одна часть, которая могла принадлежати къ церкви, но по своему невѣрству, и нераскаянности въ грѣхахъ, отпала отъ ней, и подвержена заслуженной участи вѣчнаго осужденія.

Позволи теперь, душа покойнаго Святителя! отодвинути занавѣсъ, закрывающій отъ насъ загробную жизнь, рукою твоего предшественника, богодухновеннаго св. Кирилла Александрійскаго, да увидимъ судьбу души по смерти. Богодухновенный св. Отецъ такъ наставляетъ насъ:

„При разлученіи души нашей съ тѣломъ, предстанутъ предъ нами, съ одной стороны, воинства и силы небесныя, съ другой — власти тмы, злые міродержители, воздушные мытареначальники, истязатели и обличители нашихъ дѣлъ... Узрѣвъ ихъ, душа возмутится, содрогнется, вострепещетъ, и въ смятеніи и въ ужасѣ будетъ искати себѣ защиты у ангеловъ Божіихъ; но и будучи принята святыми ангелами, и подъ кровомъ ихъ протекая воздушное пространство и возносяся на высоту, она встрѣтитъ различныя мытарства, кои будутъ преграждати ей путь въ царствіе, будутъ останавливати и удерживати ея стремленіе къ оному. На каждомъ изъ сихъ мытарствъ востребуется отчетъ въ особен-

ныхъ грѣхахъ. Первое мытарство — грѣховъ, совершаемыхъ посредствомъ устъ и языка. . . Второе мытарство — грѣховъ слуха. . . Четвертое мытарство — обонянія. . . Пятое мытарство — всѣхъ беззаконій и мерзкихъ дѣлъ, учиненныхъ посредствомъ рукъ. Къ дальнѣйшимъ мытарствамъ относятся прочіе грѣхи, какъ то: злоба, ненависть, зависть, тщеславіе и гордость. . . Кратко сказати, каждая страсть души, всякій грѣхъ подобнымъ образомъ будутъ имѣти своихъ мытарей и истязателей. . . При этомъ будутъ присутствовати и божественныя силы, и сонмъ нечистыхъ духовъ; и какъ первыя будутъ представляти добродѣтели души, такъ послѣдніе обличати ея грѣхи, учиненные словомъ или дѣломъ, мыслію или намѣреніемъ. Между тѣмъ душа, находясь среди ихъ, будетъ, въ страхѣ и трепетѣ, волноватися мыслями, пока, наконецъ, по своимъ поступкамъ, дѣламъ и словамъ, или бывъ осужденна, заключится въ оковы, или, бывъ оправдана, освободится, (ибо всякій связывается узами собственныхъ грѣховъ). И если за благочестивую и богоугодную жизнь свою она окажется достойною, то её воспріимутъ ангелы, и тогда уже она небоязненно потечетъ къ царствію, сопровождаемая святыми силами. . . Напротивъ, если окажется, что она проводила жизнь въ нерадѣніи и невоздержаніи: то услышитъ оный страшный гласъ: **да возмется нечестивый, да не видитъ славы Господней.** (Ис. 26. 10.) Тогда оставлятъ её ангелы Божіи, и возмутъ страшные демоны . . ., и душа связанная неразрѣшимыми узами, низвергнется въ страну мрачную и темную, въ мѣста преисподнія, и узилища подземныя и темницы адскія.“ (*Λόγος περὶ ἐξόδου ψυχῆς.*)

Но неостановляемся при мытарствахъ. Я желаю еще произнести твои слова богодухновенный св. Григорій Богословъ! когда ты въ надгробномъ словѣ брату твоему Кесарію такъ взывалъ: „*Ты божественная и священная глава, вниди въ небеса, упокойся въ нѣдрахъ Авраамовыхъ, узри ликъ ангеловъ, славу и великолѣпіе блаженныхъ, или лучше, составь съ ними одинъ ликъ и возвеселися!* . . .“ Можно-ли далѣе обойти молчаніемъ, что ты сказалъ въ надгробномъ словѣ св. Василію великому — праведникъ праведнику — святитель святителю: *И теперь онъ на небесахъ, тамъ, какъ*

думаю, приноситъ за насъ жертвы и молится за народъ, — ибо и оставивъ насъ, не вовсе оставилъ... Возможно-ли съ тобою невоскликнути св. апостолъ Павелъ, что **Такова имамы первосвященника, иже сѣде одесную престола величествія на небесѣхъ!** (Евр. VIII. 1.)

И ты Преосвященный Архи-іерей! вслѣдствіе твоего благочестиваго исхода, оставляешь твое стадо, по молитвы твои о насъ, надѣемся, будутъ продолжатися и по семъ предъ престоломъ Всевышняго. И ты будешь свыше наблюдати за плодами посѣянныхъ тобою сѣменъ благочестія. Св. апостолъ Павелъ церкви Солунской писалъ: **Вы есте слава наша и радость.** (I. Сол. II. 20.) А къ Філіпписіемъ писалъ такъ: **Радосте и вѣнче мой!** (Гл. 4. ст. 1.) Что же? Воистину, у апостоловъ, и ихъ преемниковъ — епископовъ, цѣннѣйшаго вѣнца нѣтъ, какъ благочестіе ихъ стада. Иногда, въ послѣдней трубѣ, когда явится Господь во славѣ со тмами темъ ангеловъ: Тамъ будетъ предводительствовати со стадомъ своего апостольства Петръ съ Іудеею, Павелъ съ языческими народами, Андрей будетъ вести за собою Ахаю и Скиѳію, Іоаннъ Асію, Ѳома Индію, прочіе апостолы народы своего жребія. Слѣдуютъ за ними св. Отцы, епископы, будешь слѣдовати съ своимъ стадомъ и ты Преосвященный Архи-іерей! Оно будетъ твоею славою, твоимъ вѣнцемъ.

Но теперь неоставляй насъ безъ твоего Архи-іерейскаго благословенія. Благослови на дальніе успѣхи и пастырей церкви, и пасомое ими стадо. Подними твою священную десницу. Приступите таже пастыри подъ Архи-іерейское благословеніе, да будутъ для васъ благословеніемъ слова Спасителя: **Такw да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, якw да видятъ ваша добрая дѣла: и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ.** (Матѳ. V. 16.) Чѣмъ началъ поприще мое, тѣмъ и кончу: **Да благословитъ васъ Господь, и сохранитъ васъ: Да просвѣтитъ Господь лице свое на васъ, и помилуетъ васъ.** (Числа VI. 24. 25.)

Приступите и вы члены стада: „Да возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ нетлѣнный свѣтъ богоразумія Божіяго, да отверзутся ваши мысленныя очи, да вкоренится въ васъ страхъ заповѣдей Божіихъ, чтобы вы плотскія похоти по-

правше, духовнымъ жительствомъ могли шествовати къ вѣчности, вся ко благоугожденію Божіему и мудрствующе и дѣюще. Да благословитъ васъ Господь.“

Вконецъ, въ сознаніи счастія, что мы и живые и мертвые, находимся въ числѣ милліоновъ, участниковъ заслугъ Іисусъ Христовыхъ, и входимъ въ составъ живой церкви Божіей — которой и врата адова неодолѣютъ — съ утѣшеніемъ прославимъ любовь небесную, и неизмѣримое Бога къ намъ снисхожденіе, сопроводимъ нашего Архіерея въ блаженный покой вѣчной жизни. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ СТАРШИМЪ СВЯЩЕННИКОМЪ.

Содержаніе: Олицетвореніе добраго пастыря.

Прослезйсѧ Іисѣсъ. Глаго́лахѫ оу҃бѡ жи́дове: ви́ждь ка́кѡ люблѧ́ше е҆гѡ̀.

Іоан. XI. 35. 36.

Отъ источника святѣйшаго сердца Іисуса Христа, источника любви, откуду произошли слезы, которыми Онъ почтилъ возлюбленнаго Лазаря предъ его воскрешеніемъ — желаю получити разрѣшеніе вопроса: что было причиною святѣйшихъ Его слезъ? Могъ-ли Онъ прослезитися про смерть Лазаря, имущаго вскорѣ воскреснути? Извѣстно слезы Спасителя, были слезы любви, но относилися не къ самому Лазарю. Предъ Его всевидящимъ взоромъ, въ ту минуту, пронеслося паденіе человѣка, вся держава смерти, искупляемый Имъ родъ человѣческій, царство церкви, побѣда надъ смертію, будущее всеобщее воскресеніе, — и представился вмѣстѣ образъ невѣрныхъ, и ихъ потомковъ, для увѣренія которыхъ, вскорѣ хотѣлъ воскресити Лазаря.

Подъ вліяніемъ такихъ чувствъ Тотъ, Кто видѣлъ часъ смерти нашей, когда мы зачалися въ утробахъ матерей нашихъ, по свѣдѣнію Кого и душа Лазаря была отозвана, изливалъ на самомъ дѣлѣ слезы — слезы любви, справедливо сказали жидове: **Ви́ждь ка́кѡ люблѧ́ше е҆гѡ̀!** Но слезы любви Его, относившіяся на первомъ мѣстѣ къ Лазарю, касалися всего рода человѣческаго.

Господи Боже! ничего не можетъ быти болѣе цѣннаго отъ слезъ Твоихъ, только кровь твоя. И кровь изошла изъ

твоего копіемъ прободеннаго сердца, и слезы лилися изъ тогоже святѣйшаго источника. Кровь твоя жертва, а слезы жертвенная молитва. Позволи Господи! единственную слезу твою, пролитую предъ воскрешеніемъ Лазаря, перенести на всѣхъ насъ искупленныхъ твоею кровію, а преимущественно на брата нашего упокоившагося Іерея N. N. Ты вызвалъ его въ твои селенія, неумѣстно-ли намъ воззвати: **Ви́ждь ка́кѡ люблѧ́ше е҆гѡ̀!**

Много лѣтъ работалъ онъ съ прилѣжаніемъ и вѣрностію въ винограде Твоемъ, и когда онъ исполнилъ мѣру трудовъ своихъ, Ты Господи по благости Твоей, оцѣнилъ трудъ его, и позвалъ къ Себѣ на покой. Теперь осиротѣло повѣренное ему стадо; олтарь, гдѣ онъ еще недавно возносилъ жертвы, представляетъ образъ сѣтованія; неразда-ются его пламенныя проповѣди слова Божіяго, которыми приводилъ вѣрниковъ ко спасенію, грѣшниковъ къ покаянію; не одинъ разъ было свидѣтелемъ сіе святое мѣсто вызванныхъ его словами въ очахъ слезъ, и сердечнаго умиленія. Звонъ церковныхъ колоколовъ, разнесся по окрестности, и возвѣстилъ грустную вѣсть, о кончинѣ общелюбимаго Отца N. N.

Печальная вѣсть поразила меня, поразила всѣхъ. Всѣ мы привыкли были къ его предупредительному, любезному обхожденію, ученой разумной бесѣдѣ, твердому характеру, безупречной нравственности, снисхожденію къ молодшимъ, братолюбію къ равнымъ, скромности въ разсужденіяхъ, опытности, зрѣлости, и прочимъ прекраснымъ свойствамъ его личности. Но главнымъ двигателемъ его благороднаго духа была любовь къ Богу, и любовь къ людямъ. Видя его, всѣ мы помышляли о немъ, что видимъ предъ собою олицетвореніе пастыря по сердцу Господа Іисуса Христа.

Ахъ! болѣе ты непривѣтствуешь насъ съ распростертыми на объятіе руками, неугождаешь намъ твоимъ гостепріимствомъ, ненаслаждаемся искренностію твоихъ очей, въ которыхъ свѣтилъ необыкновенный умъ, и благочестіе твоего сердца. Добродушіе въ словахъ и дѣлахъ, добрый совѣтъ, утѣшеніе на каждомъ поступку, соучастіе въ противностяхъ, смиренномудріе, соединенное съ невинною веселостію, заставляло насъ забывати злополучія тернистаго

нашего поприща, побуждало къ самоотверженію, давало силу къ высокимъ подвигамъ. Мы удивлялися той неуязвимости твоего духа, что житейскія непріязни, никогда неоставляли никакого слѣда въ твоемъ расположеніи душевномъ, потому жизнь твоя равнялась рѣкѣ, воду которой, невозмущала никаковая буря, — равнялась безоблачному небу, которое незатягивалося тучами. Смотря на обликъ твоего лица, и священную голову, намъ казалось, что мы видимъ предъ собою образъ одного — изъ праведниковъ Божіихъ. Ты служилъ намъ для подражанія примѣромъ, которымъ мы одушевлялись.

И мы одолжены тебѣ Преподобный братъ нашъ Іерей N. N.! но въ большей мѣрѣ одолжены тебѣ твои вѣрники. Сколько трудовъ принялъ ты за нихъ, когда они совершали тайну покаянія? Какъ обливалося кровью твое сердце, когда ты немогъ приклонити нераскаянныхъ къ покаянію? Страдалъ ты всѣми муками о развращенныхъ, о богохульныхъ, гордыхъ, гнѣвливыхъ, немилосердыхъ, непримиримыхъ, завистливыхъ, и всѣхъ, и всѣхъ грѣшникахъ Страдалъ ты, когда вся твоя пріязнь, вся любовь, все самоотверженіе, всѣ труды пропадали по напрасну.

И всѣ тѣ непріязни не могли сломити, или хоть поколебати тебя въ сознаніи твоего душпастырскаго долга. Приглашали тебя къ больнымъ въ ночи, въ непогодѣ, въ поразительныхъ недугахъ, ты всегда появлялся съ напутствіемъ святыхъ таинъ и съ утѣшеніемъ; на чертахъ твоего лица никто не могъ отличити, что исполненіе твоего долга, составляетъ для тебя трудъ, или опасность жизни.

Но были у тебя и ясные дни, когда тебѣ удавалося заблудшихъ овецъ снова пріобрѣсти Христу, и ихъ присоединити благочестивому стаду, пока изо-дня въ день, съ года въ годъ, съ помощію благодати святаго Духа кругъ богоугоднаго стада увеличался, и онъ могъ пріити въ настоящій составъ, въ которомъ ты его оставляешь.

Теперь вы благочестивые вѣрники, обращаете взоры ваши за звѣздою, которая еще недавно сіяла надъ вами. Обращаете взоры ваши съ полною скорбію про утрату вашу. Звѣзда сіяла, но ей уже нѣтъ. Нестану я васъ побуждати къ слезамъ, когда сердца ваши и безъ того страдаютъ,

чувствуя утрату во всемъ величіи своемъ. Въ теченіе времени, не то, что вы привыкли къ вашему благочестивому пастырю, но безъ изъятія всѣ любили его, и чтоже? слезы, при самомъ воспоминаніи доброты пастыря вашего и невольно вырываются изъ очей вашихъ. Но если вы искренно любили пастыря вашего, если вы въ состояніи оцѣнити его труды, самопожертвованіе за васъ, его любовь, его искренность, если вы почитаете его память, — вмѣните себѣ въ должность исполнити все то, что онъ въ жизни своей вамъ проповѣдалъ.

Онъ васъ любилъ, онъ для васъ жилъ, онъ былъ вашимъ отцемъ. На отходѣ отца въ долгое отсутствіе, дѣти сопровождаютъ его и прощаются съ нимъ, принимая отъ него увѣреніе родительской любви и благословеніе, — взаимно увѣряя его о своемъ дѣтскомъ почитаніи и благодарности. Когда онъ говорилъ къ вамъ свою послѣднюю проповѣдь — ахъ! исполнилъ бы безсомнѣнно, и свое съ вами прощаніе, если бы былъ предполагалъ столь скорую съ вами разлуку.

Съ дерзновеніемъ спрошаю тебя душа отшедшая въ вѣчность: позволишь-ли мнѣ, связанному съ тобою въ земномъ житіи узами пріятельства, заняти твое мѣсто, и твоими другосвѣтними словами дати выраженіе задушевнымъ твоимъ чувствамъ къ твоимъ вѣрникамъ?

Да будетъ. Предстоитъ мнѣ говорити вмѣсто пастыря, который готовъ былъ душу свою положити за овцы свои, который глашалъ всѣхъ по имени, голосъ его всѣ познавали, и слѣдовали по немъ; предстоитъ мнѣ таже говорити тѣмъ, всѣмъ вамъ знакомымъ голосомъ, который сердца ваши столькоразъ приводилъ во движеніе.

Прежде всѣхъ, приступи ты возлюбленная молодежь, духовный твой отецъ завѣщаетъ тебѣ заповѣдь: сохранити непорочность твоего сердца, почитаніе къ родителямъ, уваженіе ко старшимъ, но прежде всего всѣ мысли твои, всѣ чувства твои, да осѣняетъ постоянно страхъ Божій. Такимъ образомъ ты сдѣлаешься живымъ цвѣточнымъ садомъ церкви Христовой. Приступите мужи и жены, Богъ славою и честію вѣнчалъ васъ въ неразрывный союзъ, соблюдайте между собою вѣрность и согласіе, и другъ ко другу уваженіе.

Вы отцы и матери, воспитайте дѣти ваши во страсѣ Божіемъ въ заповѣдяхъ Господа, помните, что воспитаніе ваше тогда принесетъ плоды, если сами будете служити имъ живымъ примѣромъ. Обнимаю васъ духовно все мое стадо, которое было повѣрено моему пастырству, поминайте мои поученія, и соблюдайте ихъ въ сердцахъ вашихъ, чтобы посѣянное мною доброе сѣмя принесло сторичный плодъ. Повинуйтеся будущему вашему наставнику, а меня поминайте въ вашихъ молитвахъ. Примите мое благословеніе: да благословитъ васъ Господь Богъ всѣхъ отъ мала до велика!

Обнимаю и васъ Преподобные отцы и братія, труженики церкви Христовой, помяните мою душу въ вашихъ безкровныхъ жертвахъ, а сами въ подвигахъ высокаго званія вашего неунывайте, держа предъ очами, что Спаситель съ вами будетъ до скончанія вѣка. **Пасíте є҃же въ васѣ ста́до Бо́жіе. . . И ѓ҃вльшѕ҃ся пастыренача́льникѕ҃, прі́ймете нєѕ҃вда́емый сла́вы вѣне́цъ.** (I. Петр. V. 2. 4.)

———

Прощай и ты прешедшій въ вѣчность, многоуважаемый Преподобный отецъ и братъ нашъ! Несомнѣваемся, что ты за твои благочестивыя труды получишь неувядаемый славы вѣнецъ. Память твоя будетъ благословенною у насъ, и наши молитвы сопровождаютъ тебя. Благодать Господа нашего Іисуса Христа да будетъ съ тобою. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ СЕМЕЙНЫМЪ СВЯЩЕННИКОМЪ.

Содержаніе: Пастырь и паства.

Гдѣ стáдо дáное тебѣ, ѻ҃вцы слáвы твоеѧ? Что̀ речéши, ѥ҃гдá посѣтúтъ тѧ?... Ѥ҃дá не ѻ҃бúмѹтъ тѧ болѣзни, ꙗ҃кѡ женѫ родѧщ҃ю?

Іерем. XIII. 20. 21.

Спаситель, пастырей, по божественному своему избранію, сдѣлалъ соучастниками вѣчнаго своего священства по чину Мельхиседекову, и чтобы ихъ чѣмъ совершеннѣе соединити съ собою: общниками сдѣлалъ своего посланія, власти, и достоинства. Цѣль избранія ихъ есть слава Божія, а ближайшая спасеніе душъ, которымъ такъ высоко дорожилъ Богъ, что хотя въ своемъ распоряженіи имѣлъ тмы темъ ангеловъ, однакожъ единороднаго своего Сына избралъ для искупленія ихъ, который принявъ на себя плоть человѣческую, пострадати изволилъ за нихъ.

Онъ сказалъ о себѣ: **Ꙗ҃зъ ѥ҃смь пáстырь дóбрый... и҃ дѹшѫ̀ мою̀ полагáю за ѻ҃вцы.** (Іоан. X. 14. 15.) По воскресеніи своемъ, обращаясь къ апостоламъ сказалъ: **Ꙗ҃коже послá мѧ̀ Ѻ҃тéцъ и҃ ꙗ҃зъ посылáю вы.** (Іоан. XX. 21.) И предъ вознесеніемъ своимъ на небеса, послѣдними Его словами были: **И҃ сé ꙗ҃зъ съ вáми ѥ҃смь во всѧ̀ днѝ до скончáнія вѣка.** (Матѳ. XXVIII. 20.)

Пастырьское таже избраніе и посланіе исходитъ отъ самаго Пастыреначальника Господа нашего Іисуса Христа. Онъ избралъ и послалъ Апостоловъ, и по преемству отъ нихъ, благодатію св. Духа избираются и посылаются епи-

скопы и священники. **Тóй дáлъ ѐсть** — говоритъ св. апостолъ Павелъ — **ѻ҃вы оу҃бw а҃пóстолы, ѻ҃вы же Пророки, ѻ҃вы же благовѣ́стники, ѻ҃вы же пáстыри, и оу҃чи́тели.** (Ефес. IV. 11.) **Бóгъ по есмы̀ спосп҃ѣ́шницы.** (I. Кор. III. 9.) Какъ высоко это званіе, такъ восклицаетъ св. Діонисій: *Изо всѣхъ божественныхъ, само божественнѣйше есть, содѣйствовати Богу въ спасеніи душъ.* (De coelesti Hier. cap. 3.) и св. Іоаннъ Златоустъ: *Нѣтъ ничего столь непріятнаго Богу, и столь радѣтельнаго, какъ спасеніе душъ.* (Hom. 3 in Gen.) и опять: *Хоть неисчетныя сокровища расточишь между нищими, болье сдѣлаешь, если одну пріобрѣтешь душу.* (Hom. 3 in I. Cor.)

Св. мати церковь, равняясь одному многочисленному семейству, составляетъ божественное стадо, пасомое навлащенными благодатію св. Духа пастырями, подъ главнымъ начальствомъ Спасителя. **Такова́ и҃мамы первосвщ҃е́нника** — говоритъ св. апостолъ Павелъ — **и҃же сѣ́де ѻ҃десн҃ю престо́ла велѝчествіа на небесѣ́хъ.** (Евр. VIII. 1.) Невольно страхъ пронимаетъ насъ, при мысли, что каждый душпастырь, долженъ представляти образъ добраго Пастыря-Спасителя, и собственно пасетъ стадо, принадлежащее Ему. Ясно, Пастыреначальникъ, предъ которымъ найменьшая лѣность и небреженіе пастырей свѣдомы, востребуетъ отвѣтъ за каждую овцу, принадлежащую Ему нетолько совзоромъ створенія, но и совзоромъ искупленія ея такою высокою цѣною. Иногда страшенъ будетъ вопросъ: **Гдѣ ста́до да́ное тебѣ́, ѻ҃вцы сла́вы твоеѧ̀?** (Іерем. XIII. 20.) **Сѐ а҃зъ на пáстыри, и взыщ҃ѹ̀ ѻ҃вцѣ́хъ мои́хъ ѿ҃ръ р҃ѣкъ и҃хъ.** (Іезек. XXXIV. 10.)

Слѣдуетъ сообразити душпастырю, что онъ прежде всего пастырь самому себѣ, потомъ, одновременно онъ пастырь семейству своего дома, и большему семейству своего стада. Въ ветхомъ завѣтѣ совзоромъ священниковъ было такое предписаніе закона: **Я҃ко кóемѹ̀ вн҃детъ на нѐмъ поро́къ, да не прист҃питъ приноси́ти да́ры Бóга своегѡ̀.** (Левитъ XXI. 17.)

Если по закону воспрещаемы были отъ священства, одержимые нѣкоторымъ тѣлеснымъ недостаткомъ, откуда взяти слова для одержимыхъ душевными недостатками пасты-

рей, званіе которыхъ налагаетъ имъ должность вести къ пристанищу спасенія множество душъ. *Увы, мы несчастные и бѣдные!* — восклицаетъ блаженный Августинъ, — *которые чрезъ волны сего великаго моря, и бурныя бездны влечемъ корабль, незная, возможемъ-ли дойти къ берегу спасенія! Управляй Господи нашъ корабль твоею десницею, кормиломъ креста твоего, да не погибнемъ въ волнахъ, да насъ неутопитъ буря водъ, да не прожретъ бездна.* (Soliloqu cap. 35.)

Домъ священника, его семейство, должно служити образомъ всему пасомому имъ стаду. Подобаетъ убо ему быти непорочну: **Свóй дóмъ дóбрѣ прáвящѝ, чáда ймѣющѝ въ послушáніи со всѣкою чистотóю: Ѡ҃ще кто̀ своегѡ̀ дóмѣ не оумѣетъ прáвити, кáкѡ ѡ̀ цéркви Бóжіей прилѣжáти возмóжетъ?** (I. Тімоѳ. III. 4. 5.)

Поелику всѣ взоры направлены на пастыря, и на домъ его, скоро замѣчаемъ бываетъ и найменьшій недостатокъ; вліяніе его примѣра отражается и на паствѣ. Какъ свѣтъ отражается въ зеркалѣ, такъ свѣтъ благонравія долженъ свѣтити въ пастырѣ, и нравы паствы должны соображатися съ нимъ, при одномъ взорѣ на него. Нѣтъ ничего болѣе легкаго, какъ на свѣтлой одеждѣ замѣтити и незначительныя пятна. Потому апостолъ предписуетъ священнику: **Ѻ҃бразъ бѫ̀ди вѣ́рнымъ: слóвомъ, жúтіемъ, любóвію, дѫ̀хомъ, вѣ́рою, чистотóю... сіѧ̀ по творѧ̀, и̇̀ сáмъ спасéшисѧ и̇̀ послѫ̀шающіи тебѣ̀.** (I. Тімоѳ. IV. 12. 16.)

И чтоже слѣдуетъ? если пастырь служилъ своему стаду зеркаломъ благочестія? во всю жизнь свою прилагалъ всѣ усилія для обезпеченія спасенія его? Что? если наперекоръ его усиліямъ отторгнутся въ гибель души? Не ужасно-ли подумати: что изъ его руки взыщется каждая погибшая овца? Конечно, страшно подумати. Но на вѣсахъ мѣрила праведнаго судіи, въ заслугу пастыря поставится и его добрая сторона, именно: пріобрѣтеніе спасенія заблудшихъ овецъ, высвобожденныхъ имъ изъ пасти погибели. Онъ исполняя пасеніе овецъ, исполнялъ служеніе Богу, и Его сыну Іисусу Христу, кому принадлежитъ все стадо церкви, потому обильно будетъ милосердіе Его ко священнику, если онъ усерднымъ ревнованіемъ исполнялъ

свою должность во славу Божію, и въ пользу церкви. Составъ таже священника стоитъ въ общности съ самымъ Спасителемъ. Трудъ священника составляетъ попеченіе Спасителя, совершается при Его благодати, помощи, покровительствѣ, потому что къ господину принадлежитъ нетолько давати повелѣнія, но исполняющаго эти повелѣнія священника подпирати, защищати, преимущественно если по рвенію служителя вся польза возвращаема бываетъ къ господину.

Такимъ образомъ ужасна отвѣтственность священника, но еще болѣе ублажающе покровительство, исходящее свыше. Самъ Спаситель сказалъ: **Сѣ а҃зъ съ вами ѥ҆смь во всѧ дни до скончанія вѣка.** (Матѳ. XXVIII. 20.) Но сказано и больше: **Иже сотвористъ и҆ наоучитъ, сей велій наречѣтсѧ въ царствіи небеснѣмъ.** (Матѳ. V. 19.) **Смыслящіи просвѣтятсѧ ѧ҆ки свѣтлость тверди, и҆ отъ праведныхъ многихъ ѧ҆ки звѣзды во вѣки, и҆ ѥ҆щѐ.** (Даніил. XII. 9.) Вконецъ: **Касайсѧ васъ, ѩ҆коу касайсѧ въ зѣницѫ, о҆ка Ѥго҆.** (Захар. II. 8.)

Благотворная дѣятельность покойнаго душпастыря, исходила отъ примѣра его благочестиваго житія, и имѣла отразитися на всѣхъ. Вся ревность его была направлена угождати желанію Господа Іисуса Христа, чтобы сохранити повѣренное ему стадо въ цѣлости. Когда онъ острымъ своимъ взоромъ замѣчалъ среди овецъ своихъ заблужденіе отъ здоровой душевной пажити, наклонялъ ихъ къ возвращенію; когда замѣчалъ, что у иныхъ явилися нравственныя недостатки, болѣзни, раны, незамедлилъ принести врачебныя средства для излѣченія ихъ; хранилъ отъ нападенія звѣрей, хранилъ отъ всякаго вреднаго вліянія. Естественно, если онъ невозмогъ произвести такого плода, какого желалъ, и какого плода заслужила бы его ревная дѣятельность, тому не онъ виною, но то обстоятельство, что его добрая воля, при всѣхъ усиліяхъ претерпѣла про упорство сердецъ крушеніе. Богъ вѣдущій глубину нашихъ сердецъ, оцѣнитъ и ревный трудъ пастыря, и безполезность его труда по достоинству, когда спроситъ: **Гдѣ стадо данное тебѣ, о҆вцы славы твоеѧ?** Справедливый судія, пастырскую ревность вмѣнитъ пастырю, равно какъ упорство неисправимыхъ вмѣнитъ упорствовавшимъ, лукавство лукавымъ.

Онъ сказалъ: Слышай васъ, мене слышаетъ: и отметаяйся васъ мене отметается. (Лук. X. 16.)

Въ предсмертные часы, такія мысли проносилися предъ духовнымъ взоромъ покойнаго душпастыря. Представилося ему все поприще его дѣятельности, потому что настало время: отдати въ руки Господа повѣренное для попеченія цѣнное достояніе — паству свою. Въ послѣдній разъ находится теперь тѣло пастыря вашего въ той церкви, въ которой онъ приносилъ жертвы за спасеніе ваше. Поелику человѣкъ, никогда неоцѣняетъ *настоящее добро* по достоинству, теперь съ исходомъ его, вѣроятно впервыйразъ стали вы чувствовати величіе утраты вашей. Въ часъ разлуки вамъ кажется, что слышите еще его голосъ, кажется слышите его поученія, которыми онъ укоренялъ въ сердцахъ вашихъ благочестіе и нравственность, тѣ неоцѣнимыя сокровища, которыми для васъ обезпечивалъ вѣчное блаженство. Извѣстно родительское его къ вамъ отношеніе заслуживаетъ благодарность и слезы у всѣхъ добрыхъ его дѣтей. Разлука его равняется разлукѣ отца отъ многочисленнаго семейства, дающаго единокаждому въ завѣщаніе добрый примѣръ своего благочестиваго житія, и свое благословеніе.

Св. сія церковь собирала всѣхъ васъ въ одно священное семейство, которого онъ былъ духовнымъ главою, и родоначальникомъ въ единеніи любви Господа нашего Іисуса Христа. Всѣ вы состоите печатію его апостольства предъ Спасителемъ, освятите его память непорочностію житія вашего, имущею переходити изъ рода въ родъ. Но живыми памятниками надъ своею могилою оставляетъ онъ семейство своего дома. Тебѣ-ли несказати живыхъ прощальныхъ словъ, помощь моихъ трудовъ, любезная супруга? и проч. (прощаніе по семейнымъ обстоятельствамъ.) *Заключеніе:*

Господи силъ, скорбящимъ радость, и плачущимъ утѣшеніе! до того возлюбивый созданіе свое, что необиновался сшедый съ небесъ покоритися закону естества человѣческаго, изволивый избрати во служеніе свое покойнаго пастыря, самъ и исходъ житія его въ воходѣ святыхъ твоихъ праведныхъ вчини, и духъ его со всѣми отъ вѣка благоугодившими тебѣ сочисли. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ СВЯЩЕННИКОМЪ, УМЕРШИМЪ ВСЛѢДСТВІЕ ХОЛЕРЫ, ИЛИ ДРУГОЙ ЗАРАЗЫ.

Содержаніе: О перстѣ Божіемъ.

Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы.
Іоанн. X. 11.

Знаменія гнѣва Божіяго, которыя повременно проявляются въ разныхъ видахъ, настоящій вѣкъ обыкъ приписывати естественнымъ причинамъ, нимало независящимъ отъ сверхественной Власти. Такъ и причину губительныхъ заразъ, моровой язвы, и холеры, ищетъ не въ истощеніи долготерпѣнія Божіяго, но въ ничтожныхъ обстоятельствахъ, которыя зависятъ отъ другихъ также ничтожныхъ обстоятельствъ.

Представлю изъ священнаго писанія живый примѣръ наказующаго перста Божіяго, который удобно можно сопоставити съ посѣщеніемъ нашей страны холерою, пожирающею столько жертвъ ежедневно. Во время четыредесятилѣтняго странствованія народа Израильскаго чрезъ пустыню, про неблагодарное роптаніе, напустилъ Богъ ядовитыхъ зміевъ, отъ угрызенія которыхъ люди умирали въ множествѣ. Видя грозу гибели, вскорѣ слѣдовало раскаяніе, стали сокрушатися предъ Мойсеемъ, чтобы просилъ Бога о помилованіи. Вслѣдствіе молитвы, Богъ умилосердился надъ жестокосердымъ народомъ, повелѣлъ сотворити мѣдяную змію, и поставити высоко, чтобы угрызенные зміями могли видѣти знамя, и получити отъ него жизнь.

Очевидно сходство между тогдашнимъ перстомъ Божіимъ и нынѣшнимъ. Куда ни поглянетъ роптатель, а тамъ откуду-то взялся змѣй, нападаетъ, и наноситъ смертную язву. Нынѣ зараза холеры невидимо виситъ надъ головою, преслѣдуетъ созади, ожидаетъ спереди, нѣтъ покоя дома, нѣтъ на улицѣ, нѣтъ между чуждыми, нѣтъ въ кругѣ семейномъ. Должно быти велики наши преступленія, что изъ среды нашей столько падаетъ жертвъ; извѣстно, нѣтъ спасенія развѣ надежды на всеисцѣляющее знаменіе нашего искупленія, — развѣ воззрѣнія на крестъ, предзнаменованный въ пустынѣ воздвиженіемъ змѣя.

Страшное слово заразы на всѣхъ устахъ, оно предъ очами, оно въ сердцѣ, оно повсюду. Къ кому обратится за врачебствомъ? къ кому за утѣшеніемъ? къ кому за возстановленіемъ Божіяго милосердія? Всѣ отчуждаются другъ-друга, всякій убѣгаетъ чѣмъ далѣе отъ сообщенія съ больными; водворилося такое состояніе, что искоренено изъ сердецъ соболѣзнованіе къ другимъ, болѣе никто никого неуважаетъ развѣ себе. Зараженъ домъ, зараженъ воздухъ, одежда, кажется еще и солнечные лучи, пробивающіеся сквозь окна на впалыя глубоко очи умирающаго. Кто-то издалека съ болѣзнію присматриваясь зараженному, вконецъ побуждаемъ милосердіемъ, рѣшается пригласити священника.

Священнику, Пастыреначальникъ непозволилъ задуматися ни на одну минуту. Онъ предшествуя своимъ примѣромъ сказалъ: **Па҃стырь до҃брый дш҃ю̀ свою̀ полага҃етъ за о҃вцы.** Перекрестися добрый пастырь, и ступай, твое званіе по примѣру Спасителя таково, что ты долженъ положити душу свою за овцы твои. Помни, когда тебе царь удостояетъ вѣнца небеснаго, съ готовностію послушайся божественнаго зова Его. Земля остается за тобою, ты въ тѣлѣ шествуешь къ духовному предѣлу: смотри, блестающія несегосвѣтнимъ блескомъ очи умирающаго, которыя съ такимъ довѣріемъ встремилися въ твою душу, умоляютъ тебе, чтобы ты спасъ его отъ вѣчной гибели; душа твоя уже предъ Искупителемъ-Пастыреначальникомъ, въ эту минуту благодать небесная съ тобою: едва ты напутствовалъ отходящаго, уже и самъ заразился его недугомъ, но Господь исцѣлитъ тебе заслуженнаго вѣнца славы.

На возвратномъ пути съ довѣреннымъ видомъ встрѣчаютъ тебе нѣкоторые твои вѣрники съ поздравленіемъ: „Слава Іисусу Христу“, никто изъ нихъ непредполагаетъ, что ты съ заходомъ солнца испустишь послѣднее дыханіе, и домъ твой огласится отъ плача и рыданій. Ты ласково отвѣчаешь на поздравленіе вѣрниковъ: „Во вѣки аминь“, въ самомъ дѣлѣ, сіи слова никогда незвучали въ твоемъ слухѣ такъ чудесно какъ теперь; слово *аминь* останется послѣднимъ словомъ, которое отъ тебе слышали твои вѣрники. Ты уже чувствуешь въ тѣлѣ жало смерти, очи твои смотрятъ на земный міръ тѣмъ взоромъ, которымъ смотрѣли римскіе потѣшные борцы (гладіаторы), когда произносили слова: Кесарь! умирающіе поздравляютъ тебе, Caesar! morituri te salutant, и ты произнесъ сіи слова, не къ земному повелителю, но къ Царю небесному.

Благочестивое собраніе! вы видите откуду беру я свое одушевленіе, и сіе одушевленіе желаю сообщити всѣмъ вамъ, не по силѣ моего слова, по по силѣ благодати Іисуса Христа, и Святаго Духа, который одушевляетъ и мене недостойнаго, и сообщитъ свою благодать и сердцамъ вашимъ. Зараза смерти невидимо виситъ надъ головою нашею, часъ за часомъ, минута за минутою, и сразу можетъ становитися перстъ Божій на насъ самыхъ. Откройте очи: Все, что происходитъ предъ нами съ жертвами смерти тѣлесной, то само происходитъ и съ жертвами смерти душевной, про которую причину и истощилося долготерпѣніе Божіе, и послалъ ангела смерти, чтобы спасти души неотверженныхъ отъ своей благодати, могущихъ еще принести достойные плоды покаянія. Нестану многими словами доказывати вамъ, что свидѣтствующая надъ тѣлами многихъ людей зараза, у многихъ свирѣпствуетъ и надъ душевною жизнію ихъ.

Ахъ! нетребуйте отъ мене полнаго выраженія того смертоноснаго состоянія; ваша собственная совѣсть скажетъ вамъ, и взнайдетъ лучшее выраженіе того: откуду происходитъ причина зла? и почему почиваетъ на насъ наказующій перстъ Божій? Вѣдь всякій человѣкъ можетъ легко сообразити, что насупротивъ той заразы, которая похищаетъ нашу тѣлесную жизнь, существуетъ нравственная зараза, которая похищаетъ на вѣки нашу нравственную жизнь, то есть,

наше вѣчное спасеніе. Если холера есть положительно перстъ Божій, то что скажете о нравственной холерѣ? что о послѣдствіяхъ ея?

Несомнѣваюся, что мы всѣ, въ сію пролетающую минуту, подъ страхомъ Божіимъ одушевляемся одною мыслію, однимъ предположеніемъ исправленія житія нашего, Господи! дай, чтобы та мысль навѣки окаменѣла и въ памяти и въ сердцахъ нашихъ. Господи! дай въ сердца наши нестерпимость корня зла, дай сокрушеніе, дай воздыханія, дай слезы, дай печаль, дай чтобы мы возненавидѣли самыхъ себе. А потомъ, уже да будетъ воля твоя, располагай съ нами не по твоему гнѣву, но по твоему безпредѣльному милосердію, по твоей до вѣка неисчерпаемой любви къ намъ недостойнымъ. Дай, чтобы мы, въ жертвѣ, принесенной служителемъ твоимъ въ ревномъ служеніи Твоемъ узнали, наказаніе за наши собственныя преступленія. Онъ вполнѣ исполнилъ свой долгъ, по твоимъ бо Господи собственнымъ словамъ: **Па́стырь до́брый дш҃ю свою́ полага́етъ за о҃вцы.**

Онъ умирая напрасно, оставляетъ за собою супругу, семейство, судьбу котораго на семъ свѣтѣ неуспѣлъ устроити по желанію своему, но питаемся надеждою, что Пастыреначальникъ вмѣсто покойнаго Самъ позаботится устроити благополучіе оставляемаго въ непорядкѣ семейнаго круга. Мы полагаемся на Его неоскудѣваемую крѣпкую помощь, что Онъ изліетъ свою благодать обильно въ такой мѣрѣ, что мы земнородные нашимъ ограниченнымъ умомъ и неосмѣливаемся домогатися Его святѣйшихъ, для насъ недовѣдомыхъ судебъ.

Правда, велико твое горе, утопающая въ слезахъ супруга! но полагайся на Господа, который нелишитъ тебе своей помощи снести печальное состояніе твоего вдовства, да несорвется съ устъ твоихъ слово роптанія про величіе твоего посѣщенія. Непринимаюся утѣшати тебе, непринимаюся утѣшати васъ осиротѣвшіе дѣти, родственники, пріятели, осиротѣвшая паства. Нѣтъ у человѣка такихъ словъ, которыя своею силою могли бы преодолѣти величіе вашей скорби, способныхъ для остановленія вашихъ слезъ, и раздирающихъ душу рыданій, но есть выше насъ Сила, могущая утѣшити и помиловати насъ. Съ полною въ сердцѣ

вѣрою на Провидѣніе Божіе приступи ты опечаленная вдова! ко гробу возлюбленнаго друга твоего, подведи осиротѣвшія дѣти подъ родительское благословеніе, и прочая. (Примѣненіе.)

Вконецъ, ты Господи, помилуй насъ всѣхъ! Еще твой справедливый перстъ тяготится надъ нами, непозволи погибнути намъ, искупленнымъ твоею дражайшею кровію, недай похищеннымъ быти змѣемъ древнимъ, смотри слезы нашего раскаянія, внемли воздыханіямъ нашимъ, уважи Самъ кровь твою святѣйшую, что она проливалася за насъ попапрасну. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ МОЛОДЫМЪ СВЯЩЕННИКОМЪ.

Содержаніе: Жизнь умирающаго въ молодости священника равняется начатой, но неоконченной проповѣди.

Глáсъ копію́щаго, глаголи́й! и рекóхъ: что̀ глаго́лю? всѧ́ка плоть сѣ́но, и всѧ́ка слáва человѣ́ча ꙗ́кw цвѣ́тъ трáвный.

Исáіи XL. 6.

Скоро угасъ свѣтильникъ твоей жизни молодый священникъ! Смотря на твои прекрасныя способности, казалося, что ты для того только и созданъ, чтобы свѣтити своимъ благочестіемъ долго предъ человѣки, и безъ усталости, до послѣдняго вздохновенія, съ назиданіемъ работати въ винограде Христовомъ. Съ блестящими надеждами, и святою ревностію вступилъ ты въ виноградъ, разсмотрѣлъ пространство, измѣрилъ предѣлы предстоящей дѣятельности, сердце у тебя громко застучало, духъ воспламенился ублажающимъ сознаніемъ, что предъ тобою открылося въ лучезарномъ сіяніи поприще служенія Богу, и предъ очами красовался обѣтованный вѣнецъ славы.

Межь тѣмъ, при первыхъ же впечатлѣніяхъ твоего званія, среди первыхъ, принесенныхъ въ жертву Спасителю полезныхъ трудовъ, неизслѣдимому Провидѣнію Божіему угодно было допустити, чтобы ты въ самомъ началѣ твоего служенія принесъ въ жертву свое здоровье. Разумъ человѣческій недостоинъ, и несмѣетъ вглубитися въ изслѣдованіе причины таковыхъ судебъ Божіихъ, но одно всетаки ясно, что ты навлекъ на себя недугъ среди трудовъ твоего званія, ясно что ты одержимъ недугомъ тлѣлъ — дотлѣ-

валъ, страдалъ, и вконецъ скончался. Слѣдовательно, можемъ изъ того заключати, что Провидѣніе Божіе избрало тебя для примѣра терпѣнія и предапности волѣ Божіей, и что ты послѣ краткаго твоего служенія заслужилъ благодать страдати ради Христа. Не признакъ-ли то Божіяго благоволенія къ тебѣ? не залогъ-ли вѣнца твоей небесной награды?

Позволи молодый священникъ, сравнити твое прекращенное смертію душпастырское житіе съ главною твоею должностію — съ начатою но неокончепною проповѣдію слова Божіяго, въ самомъ дѣлѣ твое житіе и кончина есть начатая но псоконченная проповѣдь для живыхъ. Продолжай твое слово языкомъ другосвѣтнимъ, который сильнѣе языка тѣлеснаго, да приведетъ въ движеніе сердца, и да опомнится живый человѣкъ среди своего житейскаго самозабвенія. Примѣни къ себѣ повелѣніе Божіе: **Гла́съ вопію́щаго въ пусты́ни**: — **Что́ возопію́**? спрошаешь ты со страхомъ Господа, **Возопій**: — повелѣваетъ Господь — **Вся́ка плоть сѣ́но, и вся́ка сла́ва челове́ча ꙗ́кω цвѣ́тъ травны́й.**

Слышите таже земные жители начатую на землѣ проповѣдь, которую я съ другосвѣтней державы продолжаю:

Просвѣтитель умовъ человѣческихъ, Господь Богъ, предложилъ человѣку для чтенія двѣ книги, изъ которыхъ легко можно прійти къ познанію божественныхъ дѣлъ, далеко отстоящихъ отъ смертныхъ очей, двѣ книги: міръ, и священное писаніе. Обѣ книги написаны перстомъ Божіимъ. Міръ бо есть дѣло руки Божіей, украшенный чудеснымъ разнообразіемъ тварей, которыя всѣ, какъ величественныя письмена, показуютъ изумительную премудрость, могущество, и совершенство своего Творца. Дѣло руки Божіей есть и священное писаніе, писанно божественнымъ перстомъ, т. е. Духомъ Святымъ, величіемъ конечно меньшее отъ міра, но гораздо большее превосходствомъ содержимаго въ немъ свѣта.

Какъ св. писаніе, такъ и міръ раздѣляется на двѣ части, на міръ вещественный, и небесный, и содержитъ ни больше, какъ науку для живущихъ на землѣ о вѣрѣ, надеждѣ, и любви. Но послѣ исхода души отъ тѣла, душа

болѣе ненуждается въ вѣрѣ и надеждѣ, потому что уже видитъ лице-на-лице другій свѣтъ, остается для ней одна вѣчная любовь. Со страхомъ обращаю я освободившійся отъ тѣлесныхъ оковъ взоръ мой ко всевидящему Оку — къ тому небесному Солнцу, отъ котораго и земное солнце получаетъ свѣтъ свой, и отъ котораго получаетъ свѣтъ и разумъ человѣкъ, получаютъ свѣтъ и славу всѣ духи и чины небесныя. Смотрите, этотъ неизреченный свѣтъ всевидящаго Ока Провидѣнія Божіяго разлилъ свои лучи и на міръ и на священное писаніе, симъ всепросвѣщающимъ свѣтомъ написано: что домовство человѣка не на землѣ, но на другомъ вѣчномъ свѣтѣ. Потому я и возопію: **Всѧ́ка плоть сѣ́но, и̑ всѧ́ка слава́ человѣ́ка ꙗ̀кѡ цвѣ́тъ травны́й.**

Можетъ-ли кто-нибудь требовати лучшаго доказательства, какъ то, что мое тѣло бездыханно лежитъ во гробѣ? И надо мною еще недавно свѣтило солнце, и я съ увлеченіемъ юности наслаждался велелѣпіемъ окружавшей меня природы, неизмѣримостію звѣздами усѣяннаго неба, и подобно прочимъ людямъ чувствовалъ побужденіе радоватися жизни. Сверхъ того чрезмѣрно радовало меня и священническое званіе, потому что я въ полномъ сознаніи присущей сему чину должности принялся къ воздѣлыванію орошеннаго Христовою кровію винограда. Кто исповѣстъ мое счастіе, когда въ рукахъ съ евангеліемъ, среди совершенія св. таинъ, чувствовалъ въ сердцѣ прикосновеніе благодати Св. Духа, когда я принимался въ проповѣданіи слова Божіяго за исправленіе нравовъ, за назиданіе церкви и царства небеснаго. Какій образъ представлялся моему духу въ имущемъ воцаритися, вслѣдствіе моей дѣятельности, всеобщемъ богоугодномъ благочестіи!

Но непомышляйте впрочемъ, будьтобы я надѣялся пройти житіе застланною цвѣтами дорогою. Я зналъ, что священнику необходимо придется встрѣчати и множество трудностей, иногда проходити и терновымъ путемъ. Или не терновый-ли то путь для священника, когда нравы паствы его дотого неисправимы, что несмотря на добрый примѣръ и ревную дѣятельность свою, онъ съ утраченною на успѣхъ надеждою, въ печали и воздыханіяхъ долженъ взирати на безплодность своихъ тщетныхъ усилій. Конечно, сердце у

него обливается кровію, но мужаясь помощію высшей благодати неперестаетъ трудитися далѣе, неустрашается страданій, потому что солодко страдати ради Христа. Подобныя впечатлѣнія непремѣнно переживаетъ всякій священникъ.

Подвигъ моей душпастырьской дѣятельности, какъ видите, скоро ограничился, и ограничился симъ малымъ кружкомъ, потрудившимся на похороненіе моего тѣла. Примите отъ меня щирое спасибо! Но пользуюся и симъ для меня послѣднимъ случаемъ, чтобы въ сердцахъ вашихъ запечатлѣти мое душпастырьское завѣщаніе. Помните мои послѣднія слова, они будутъ полезны для исправленія житія вашего.

Внимайте моимъ словамъ: *Добрый нравственный человѣкъ уже тѣмъ однимъ приноситъ неизвѣримую пользу обществу и Христовой церкви, что живетъ въ обществѣ.* Кругомъ него на всѣхъ, имѣющихъ къ нему болѣе, или менѣе близкія отношенія, распространяется вліяніе его нравственности, добрыхъ чувствъ, добрыхъ привычекъ, — и трудно сказати, гдѣ будетъ граница распространенію этого добраго вліянія.

Насупротивъ: *Безнравственный человѣкъ, уже тѣмъ однимъ приноситъ неизмѣримый вредъ обществу, что живетъ въ обществѣ.* Кругомъ него на всѣхъ, имѣющихъ къ нему болѣе, или менѣе близкія отношенія, распространяется вліяніе его безнравственности, — и еще болѣе трудно сказати, гдѣ будетъ граница распространенію его гнилаго растлѣвающаго вліянія, потому что *сила зла, такъ глубоко вошедшая въ природу человѣка, и имѣющая такую власть надъ нимъ, всячески отвращаетъ человѣка отъ свѣта и добра подъ разными благовидными и неблаговидными предлогами.*

Безсомнѣнно вы уже сами пришли къ такому заключенію: что для таковыхъ лучше было бы неродитися, лучше бы не жити, лучше бы нерастлѣвати — неосквернятi церковь Божію. Конечно, вы вѣрно разсуждаете, но съ любовію прошу васъ, прежде всего возмите подъ разсужденіе ваше собственное житіе, и если окажется, что оно въ одномъ или другомъ отношеніи подлежитъ необходимости исправленія, ни на минуту неотлагайте. Не спрашивайте себя:

Когда долженъ я исправится? На этотъ вопросъ одинъ мудрецъ отвѣчалъ: *Однимъ днемъ прежде твоей смерти.* Ему возразили: *Ну добро, да день смерти неизвѣстенъ.* Мудрецъ отвѣчалъ: *Исправься таже сегодня, потому что можетъ статися, что завтра неуспѣешь.* И я вамъ съ любовью вопію: Сегодня, сегодня, когда слышите голосъ вопіющаго, неожесточите сердецъ вашихъ. Потому что: **Всѧ́ка плоть сѣ́но, и̑ всѧ́ка слáва человѣ́ка ꙗ̑кw цвѣ́тъ травны́й.**

А впрочемъ неоплакивайте мою разлуку отъ васъ. Правда, я васъ возлюбилъ, и желалъ дати безсомнѣнное засвидѣтельствованіе моей къ вамъ любви, какъ приказалъ сладчайшій нашъ Господь Іисусъ Христосъ; но сердце человѣка создано для принятія на первомъ мѣстѣ полноты любви къ Богу, который сердце для себя и создалъ.

Вамъ родители послѣ Бога слѣдуетъ въ моемъ сердцѣ начальное мѣсто, потому что вы одарили меня жизнію, вы образъ Отца небеснаго. Будите благословенны за вашу родительскую ко мнѣ любовь, за ваши труды, воспитаніе, за все, за все. Моя судьба исполнила сердце ваше безпредѣльною по мнѣ скорбію, вы испили — вмѣсто возложенныхъ на меня надеждъ — полную чашу горя. Непроливайте по мнѣ слезы, видите, любовь Іисуса Христа выше вашей, да святится имя Его, Онъ вызвалъ меня въ свои селенія. Да наградитъ васъ Богъ сторицею за вашу любовь, находите утѣшеніе въ живущихъ моихъ братьяхъ и сестрахъ.

Прощáніе примѣняется къ семейнымъ обстоятельствамъ.

Заключеніе.

Оканчиваю мою проповѣдь и прощаніе. **Врéмя моегѡ отшéствіѧ настá: Подвигомъ дóбрымъ подвизáхсѧ, теченіе скончáхъ, вѣрꙋ̀ сохранихъ; Прóчее ꙋ̑бо сохранáется мнѣ вѣнéцъ прáвды, ёгѡ́же воздáстъ мн Господь въ дéнь ѻ̑нъ, прáведный Сꙋ́дія, не тóкмо же мнѣ, но и̑ всѣ́мъ возлю́бившимъ ꙗ̑вленіе Ёгѡ́.** Аминь. (2. Тімоѳ. 4. 6—8.)

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

надъ Іеромонахомъ.

Содержаніе: О жизни пустынниковъ.

Нáше житіѣ на небесѣ́хъ ёсть.
Філіппис. III. 20.

Всѣ свѣтила, которыя съ высоты тверди небесной освѣщаютъ темноту ночную, получаютъ свой свѣтъ отъ одного источника — солнца, безъ него они, остались бы для насъ на вѣки невидимыми. Очи человѣка и животныхъ безъ свѣта остались бы темными; всѣ древа и растѣнія, съ жаждою обращаются за свѣтомъ и теплотою къ солнцу, безъ вліянія его утратили бы плодородіе, жизнь, и существованіе. Такимъ же образомъ, безсмертная душа человѣка, влечется къ источнику своего безсмертія — къ Богу, безъ Него нѣтъ для ней свѣта, нѣтъ жизни, нѣтъ пристанища, нѣтъ покоя.

Сей всеоживляющій Свѣтъ, направляетъ душу человѣка къ Богомыслію, къ жизни, и сознанію: что быти съ Богомъ, значитъ: *имѣти все;* отпасти отъ Бога, значитъ: *утратити все.* Съ первой минуты, когда благодатію Святаго Духа, почувствуетъ сердце предъизбранниковъ прикосновеніе лучей небесныхъ, сразу отверзаются очи, и станутъ видѣти, что **Нáше житіѣ на небесѣ́хъ ёсть.**

Міръ, его сладости, и увлеченія, представляются въ видѣ препятствій, которыя путаютъ человѣка въ стремленіи къ соединенію съ Богомъ, и даже составляютъ опасности отпаденія отъ Него. Потому чѣмъ болѣе удаляется человѣкъ отъ суетъ міра, тѣмъ болѣе приближается къ Богу, и разомъ пріобрѣтаетъ способность чувствовати благодать

близости Его. Въ святомъ уединеніи начинаетъ понимати увѣщаніе Бога. Раждается въ глубинѣ сердца такій тайный разговоръ по словамъ блаженнаго Августина: (in Psalm. 93.) *У меня есть продажнее*, — увѣщаетъ Богъ. „Что такое Господи?“ *Царство небесное.* „Чѣмъ можно оное купити?“ *Нищетою царство, печалію радость, работою покой, и смертію жизнь.* Чудесно отверзаются душевныя очи, сердце воспламеняется блаженнымъ упоеніемъ, и человѣкъ со святымъ Ефремомъ невольно восклицаетъ: *Люблю и цѣлую Господи твое евангеліе, потому что ты меня голоднаго питаешь имъ, жажду бесѣды твои, ибо когда жажду, вмѣсто источника мнѣ суть.* (Св. Ефремъ. De margarita pretiosa.)

Какъ голодъ есть знакъ тѣлеснаго здоровья, такъ любовь божественнаго голоса есть знакъ умственнаго здоровья. (Св. Іоаннъ Златоустъ hom. 14. in Gen.) Въ первые вѣки христіанства, когда по всему мiру свирѣпствовали преслѣдователія за вѣру Христовую, когда многіе тысячи мучениковъ жертвовали жизнію за вѣнецъ небесной славы, — — иные, внемля внутреннему увѣщанію благодати небесной, удалялися въ пустынное уединеніе, чтобы на землѣ вести небесное житіе. Руководствуяся примѣрами св. пророковъ Иліи и Елисея, ведшихъ отшельническое житіе на горѣ Кармильской, св. Іоанна крестителя въ пустынѣ Іорданской, и даже примѣромъ самаго Спасителя, уединившагося въ пустынѣ во время сорокодневнаго своего поста, — вскорѣ населили пустыни Египта, Сирій, и Понта, и упражняяся въ наукѣ святыхъ — *въ единеніи съ Богомъ*, были гражданами небеснаго Іерусалима.

У святыхъ подвижниковъ подъ палящимъ солнцемъ, среди раскаленныхъ песчаныхъ пустынь, въ пещерахъ дикихъ скалъ и гробовъ, въ непроходимыхъ дебряхъ, — всю житейскую роскошь, пышныя блюда и напитки — замѣнилъ подвигъ неусыпной молитвы, рукодѣльнаго труда, и изнурительнаго поста. Сладко было имъ питатися одними кореньми и травами, плодами смоковничнаго и пальмоваго деревъ, омоченнымъ въ водѣ — или просто сухимъ хлѣбомъ, зернами растѣній, и чистою водою, чтобы чрезъ умерщвленіе тѣла сохранити преобладаніе души надъ тѣ-

ломъ. Умѣренность ихъ доходила до того, что воздерживался даже отъ самыхъ невинныхъ удовольствій.

Уединеніе было для нихъ пріютнымъ домовствомъ городомъ, державою, потому что пребывали въ единеніи съ Богомъ. Въ пустыняхъ Египта для св. Павла, Антонія, и Макарія, для Симеона столпника въ Антіохіи, для Саввы освященнаго вблизи мертваго моря, для Пахомія въ Ѳивахъ, и для многихъ тысячей ихъ сподвижниковъ, въ сердцѣ которыхъ принесли обильный плодъ слова Спасителя: **Всѧкъ, и҆же ѡ҆ста́витъ до́мъ. и҆лѝ бра́тіе, и҆лѝ сестры̀, и҆лѝ о҆́тца̀, и҆лѝ ма́терь, и҆лѝ жены̀, и҆лѝ ча́да, и҆лѝ се́ла, и҆́мене моегѡ̀ ра́ди, стори́цею прі́имета҆, и҆ живо́та҆ вѣ́чный наслѣ́дита҆.** (Матѳ. XIX. 29.) О нихъ выражается св. апостолъ Павелъ: **И҆́хже не бѣ̀ досто́инъ** (вѣ́сь) **мі́ръ.** (Евр. XI. 38.)

Въ семъ небесномъ училищѣ подвизалися великія свѣтила святой церкви: св. Василій великій, Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій, Кириллъ, Григорій, Ефремъ, Іеронимъ, св. Николай чудотворецъ, и много столповъ церкви Христовой, всѣ получали на дальшій подвигъ силу, удостоивалися любви отца небеснаго, и были благословеніемъ для всего рода человѣческаго.

Живя въ тѣлѣ, вели жизнь ангельскую. Примѣры ихъ любви другъ ко другу, способны привести въ умиленіе всякое сердце. Такъ, одинразъ, св. Макарій получилъ въ даръ виноградную кисть, но онъ неприкоснулся къ ней, зная что одинъ изъ братіи боленъ, скоро взялъ виноградный плодъ, и отнесъ его въ цѣлости больному, но и тотъ некоснулся его, но послалъ другому брату. Такимъ образомъ переходилъ плодъ отъ брата ко брату, и когда перешелъ чрезъ всѣ руки, снова принесли его къ святому Макарію. Какъ изумился святый мужъ, когда узналъ о такой цѣни ангельской любви, и съ утѣшеніемъ всѣ восхвалили Господа.*)

Но и око отца небеснаго съ любовью почивало на святыхъ угодникахъ. Многіе изъ нихъ, по степени своей святости, получали чудотворную силу, молитвою исцѣляли разныя недухи, заставляли проговорити мертвыхъ, безвред-

*) Ruffinus de vitis Patrum. L. II. c. 29.

ними сдѣлали звѣрей; многіе изъ нихъ были одарены прозорливымъ духомъ, предвидѣли часъ своей кончины, и кончину другихъ. Св. Павлу — какъ иногда пророку Иліи — за 60 годовъ Богъ посылалъ чрезъ вороновъ ежедневно одну половину хлѣба, и когда предъ кончиною посѣщенъ былъ св. Антоніемъ, смотри, воронъ принесъ цѣлый хлѣбъ.*) О сладкій хлѣбъ! блаженны земнородные, удостоившіеся такого небеснаго посланія!

Духовное житіе, создало для нихъ духовный міръ. Дни ихъ — какъ тихая рѣка — текли мирно, свободно отъ волненія страстей. въ безсознательномъ блаженномъ самозабвеніи. Въ такомъ состояніи рѣка житія ихъ, протекала съ незамѣтною для нихъ быстротою, и они вообще доживали глубокой старости. Образъ такого безмятежнаго — незамѣтно быстро текущаго житія можно изобразити слѣдующею прекрасною повѣстью: Одинъ благочестивый подвижникъ находяся въ пѣніи псалмовъ, прійдя къ словамъ: **Тысѧща лѣтъ предъ о҃чима твоима Господи ꙗ҆кѡ день вчерашній, и҆же мимѡ и҆де, и҆ стража нощна**, (Псаломъ 89. 5.) просилъ отъ Бога, чтобы ему показалъ, какъ это возможно? Межь тѣмъ, смотри, является прекрасная птица, стала такъ плѣнительно пѣти, что онъ въ самозабвеніи слѣдуетъ за нею до ближайшаго лѣса. Его упоенію и не было бы конца, но сразу птица улетѣла невѣдомо куда и утихла. Въ слухѣ его еще отзывается сладость пѣсни, жалѣетъ что неможетъ далѣе наслаждатися ею, и такъ возвращается въ обитель. Прійдя къ обители, видитъ все перемѣнилося, обращается ко встрѣчнымъ, смотри, никто непознаетъ его, ни онъ непознаетъ никого. Спрошаютъ его кто онъ таковъ? и откуду? Онъ назвалъ себя по имени, его непознаютъ, его недоумѣнію нѣтъ предѣла. Сталъ называти начальниковъ, увѣряетъ всѣхъ, что онъ только-что удалился про сладкопѣніе птицы, и возвратился съ тѣмъ, чтобы служити св. литургію. Удивляются его разсказу, вконецъ — въ предположеніи необыкновеннаго случая — стали искати въ лѣтописяхъ обители имена названныхъ имъ на-

*) Св. Аѳанасій. Описаніе жизни св. Антонія. Св. Іеронимъ. Описаніе жизни св. Павла.

чальниковъ, и его имя, и оказалося, что отъ его удаленія протекло много лѣтъ.*)

Впрочемъ, степень такого высокаго духовнаго совершенства достигалася немалыми трудами, немалыми подвигами. Не одному подвижнику предстояло испытати много искушеній, исходящихъ изъ присущей человѣческой натурѣ наклонности ко злу, много искушеній отъ желанія возвратитися къ удовольствіямъ житейскимъ, моого перенести искушеній отъ напастей діавольскихъ. Борьба необходилася и безъ паденій, но избранники, цѣною многихъ страданій и испытаній выходили вконецъ побѣдителями.

Разсадниками сего пустыннаго цвѣточнаго сада Христоваго, со временемъ, явилися общежительныя лавры и монастыри — вблизи и среди мірскихъ обществъ, даже многолюдныхъ городовъ. Но цѣль ископной, созерцательной жизни, сохранилась предписаніемъ строгихъ правилъ, до новѣйшаго времени. И этотъ благочестивый монастырь основанъ на правилахъ св. Василія великаго своими праотцами считаетъ св. первыхъ пустынниковъ, съ ихъ безчисленными сподвижниками. Члены его слѣдуя по святымъ стезямъ предковъ, по ихъ духовному рожденію, состоятъ ихъ потомками.

И ты окончившій твое подвижническое поприще Преподобный Отецъ, одинъ изъ ихъ потомковъ. И тебя для избранія сего многотруднаго поприща побудило то сознаніе, что **нашe житіе на небесѣхъ ѣсть**. Давно, прежде твоей кончины, отказался ты отъ мірскихъ увлеченій, ты самовольно возжелалъ быти для міра мертвымъ, а для вѣчнаго царства живымъ, твое житіе истекло въ наукѣ святыхъ — *въ единеніи съ Богомъ*. Се, достигъ ты къ желанной цѣли, *воинствовалъ ты доброе воинство*, да даруетъ тебѣ Господь молитвами твоихъ предшественниковъ вѣнецъ небесной славы.

А мы на пути къ цѣли, какъ томимые жаждою странники, изъ добраго воинствованія предшествовавшихъ под-

*) Granelus d. 9. c. 65. Sebastian. D'Abreu. Instit. paroch. Agrice. 1748. pag. 281.

вижниковъ, изъ ихъ благочестія, какъ отъ святаго источника, почерпнемъ новую силу, спомоществуемые благодатію святаго Духа продолжимъ наше странствованіе, пока угодно будетъ Божіему повелѣнію вызвати насъ отсюду въ животъ вѣчный. Тлѣнные останки брата отшедшаго отдадимъ родной землѣ, и проліемъ молитву о спасеніи души его. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ ИНОКИНЕЮ.

Содержаніе: Любовь тѣлесная, и любовь душевная.

Є҃гóже возлюбѝ дⷭ҇шà мо҆ѧ҇: ѡ҆держáхъ є҃гѡҀ, и҆ неостáвихъ є҃гѡҀ, дóндеже введóхъ є҃гѡҀ въ дóмъ мáтере мое҆ѧ҇.

Пѣсни пѣсней III. 4.

Жизнь, подвизавшейся добрымъ подвигомъ инокини, въ томъ сходна со смертію, что она изъ большаго гроба переложена въ меньшій. Но что за разница между жизнію и смертію! Борьба, постоянная борьба, отлучится отъ міра, быти мертвымъ для міра, составляетъ самый благороднѣйшій, но самый многотрудный подвигъ. Благороднѣйшій потому, что въ замѣнъ всѣхъ удовольствій житейскихъ, предпочтеніе дается любви къ Іисусу Христу, и предъ такою любовью всѣ земноградные должны почувствовати уваженіе. Многотрудный потому, что человѣку предстоитъ постоянно боротися съ найбольшимъ своимъ непріятелемъ — съ самымъ собою, всегда приклоннымъ къ увлеченіямъ міра. Но Спаситель неоставляетъ безъ благодати, помощи, и утѣшенія борющихся за пріобрѣтеніе Его любви, награждаетъ ихъ своею любовью. **Ѩкоже рáдⷭ҇ется женúхъ ѡ҆ невѣ́стѣ, тáкѡ возрáдⷭ҇ется Господь ѡ҆ тебѣ́.** (Исаія LXII. 5.), сказалъ пророкъ о Сіонѣ, и его слова можно удобно примѣнити къ живымъ Сіонамъ — къ сердцамъ любящимъ Господа.

Съ достойнымъ уваженіемъ окружаемъ мы гробъ преподобной инокини, окончившей свою благородную борьбу съ

міромъ, благочестивая кончина ея даетъ намъ поводъ, отличити разницу: между любовію тѣлесною, и любовію душевною. Человѣкъ такъ привязанъ ко всему земному, что во всѣхъ своихъ соображеніяхъ, забывая о высокой своей цѣли, оцѣняетъ все земною, взоръ его затемняется, и вмѣсто красоты душевной, видитъ одну тѣлесную.

Природа привила къ сердцу человѣка необходимость любви. По вліянію небесной благодати благородное сердце избираетъ высшую степень — любовь Бога; иныя — нечувствуя въ себѣ довольно силы для полнаго отреченія отъ міра, желаютъ привести въ согласіе любовь Бога съ присущею ихъ сердцу любовію міра, и поступаютъ въ супружескій составъ, хотя въ сердцѣ своемъ составъ дѣвства далеко выше цѣнятъ состава брачнаго. Удивительно-ли? Начало любви — грустно сказати — начинается отъ красоты тѣла, еще грустнѣе поставити вопросъ: что такое тѣло? Что иное? Земля. Сегодня еще красиво, а завтра отцвѣтетъ, и будетъ снова земля.

Къ сей то землѣ — къ угожденію ея привязанъ человѣкъ, до того, что иногда всѣмъ жертвуетъ, чтобъ увлекатися довольствіями ея, жертвуетъ душею, жертвуетъ Богомъ. Въ самообольщающемъ увлеченіи, или лучше ослѣпленіи своемъ, забываетъ о существованіи душевнаго совершенства, и наперекоръ души — увлекается любовію тѣлесною — любовію земли — суетной — мимоидущей — увядаемой.

Страсти, тѣлесныя страсти, какъ вы суетны! какъ ничтожны! иногда какъ унизительны! Увлекаемый ими человѣкъ, предполагаетъ, что тѣлесная любовь однозначуща съ уваженіемъ? Нимало. Особенно, если таковая любовь преступна, и соключена съ грѣхомъ. Преступленіе съ первой минуты, послѣ удовлетворенія страсти, имѣетъ слѣдствіемъ презрѣніе, и затѣмъ вскорѣ слѣдуетъ и отвращеніе. Таковъ конецъ любви тѣлесной. Каковая разница между небомъ и землею, таковая разница между любовію тѣлесною и душевною.

Сердце человѣка служитъ тѣмъ пространнымъ вмѣстилищемъ, въ которомъ можетъ пріютитися множество жителей, и если всякій домъ получаетъ честь или нечестіе

отъ главнаго жителя своего, то и сердце можетъ становиться или храмомъ святости, или пріютомъ нечестія.

Въ земныхъ отношеніяхъ, однихъ уважаемъ мы по приличію, иныхъ по должности, иныхъ по искреннему къ нимъ уваженію. Такъ мы вступая въ домъ общепочитаемаго человѣка, или принимая его у себя, относимся къ нему съ достойнымъ почтеніемъ; представляясь царю, являемся предъ лицемъ его, какъ слѣдуетъ явитися предъ помазанникомъ Божіимъ. Если случается принимати его въ гостяхъ въ нашей нищетѣ, прилагаемъ всѣ усилія, чтобы по достаточности нашей приняти его достойно. Все это относится къ людямъ,и уваженіе къ людямъ завершается принятіемъ земнаго царя.

Впрочемъ эти виды и правила тѣже, которымъ подлежитъ, и съ ними долженъ соображатися, и сообразуется и земный царь, встрѣчался съ равными съ нимъ людьми. Такое почтеніе отдается людямъ по степени занимаемаго ими въ обществѣ достоинства, иное почтеніе слѣдуетъ святости. Если мы вступимъ въ саму бѣднѣйшую хижину, замѣтя, что на стѣнахъ ея находится святая икона, или распятіе Христово, тотчасъ остепенимся, и невольно происходитъ въ насъ благочестивое чувство. Благочестивое чувство усиливается, если предъ распятіемъ встрѣчаемъ молящихся, но еще болѣе усилится когда мы вступаемъ во храмъ, зная, что входимъ въ мѣсто присутствія Божіяго. Кто несчитаетъ освященными мѣста, гдѣ находилася иногда скинія завѣта? или домъ Закхеевъ, удостоившійся посѣщенія Спасителя? Кто выразитъ радость Закхея, когда ему сказаны слова: **Днесь спасéніе дому̀ сему̀ бысть.** (Лук. XIX. 9.)

Живымъ храмомъ считаемъ мы всякое чистое сердце, самъ Спаситель сказалъ: **Блаженіи чи́стіи се́рдцемъ: я̀ко тіи Бо́га у̑зрятъ.** (Матѳ. V. 8.) Блаженными считаемъ уготовившихъ свое сердце для жилища Господа, въ которомъ горитъ жертва любви къ Нему. **Красу̀йся и весели́ся дщи́ Сіѡ́нѧ, занѐ сѐ а̑зъ гра̀ду̀, и̑ всели́ся посредѣ тебѣ̀, глаго́летъ Госпо́дь.** (Захар. II. 10.) **Я̀коже ра́дуетсѧ жени́хъ ѡ̑ неве́стѣ, та́кѡ возра́дуетсѧ Господь ѡ̑ тебѣ̀.** (Исаія LXII. 5.)

Чтобы сердце сдѣлалося живымъ храмомъ Божіимъ, чтобы въ немъ возгорѣлася жертва любви небесной, необусловливается преимуществами общественнаго положенія. Равно открыта возможность для царственныхъ особъ, какъ и для самыхъ бѣднѣйшихъ людей; несоключена со степенью образованности мірской, силы, славы, богатства, доступна всѣмъ чистымъ. Отъ славы царя небеснаго сердце дѣлается царственнымъ домомъ.

Какъ невѣста небеснаго Жениха, съ желаніемъ пламенною любовію угождати Ему, вступила ты въ уединеніе монастырскихъ стѣнъ, покойная инокиня. Что происходило? что должно было происходити въ твоемъ душевномъ мірѣ послѣ рѣшенія на великій подвигъ, когда ты очутилася впервыйразъ въ твоемъ уединеніи? Новый міръ былъ вполнѣ противоположенъ тому, который ты оставила, и съ которымъ прервала всякій союзъ, всякое соотношеніе. Сперва ты не была въ состояніи конечно отвязатися отъ него; впечатлѣнія его вольно-невольно сопровождали тебя, навязывалися, докучали, насилывали расположеніе духа, но въ помощь тебѣ являлся твой нѣбесный покровитель, побудившій тебя своею благостію навеликій подвигъ, и внушалъ сердцу твоему такія слова: **Ѩзъ вѣдѣ стѣна ѻгнена ѻкрестъ, и въ славѣ вѣдѣ посредѣ тебѣ.** (Захар. II. 5.)

Послѣ прикосновенія огня небеснаго ко твоему сердцу, получивъ новую силу, стала ты сживатися съ новымъ твоимъ положеніемъ. Разомъ стала сличати суетность житейскихъ радостей съ блаженствомъ небеснымъ. Въ одну благодатную минуту, сердце твое сдѣлалося живымъ храмомъ, и на жертвенникѣ его воспламенилася — несограемая жертва любви небесной. Блаженству твоему не было предѣловъ. Сердце сдѣлалося храмомъ, готовымъ для принятія Жениха — Іисуса Христа, возлюбленнаго святою духовною любовію. Облагороднилися, возвысилися, освятилися чувства, для выраженія которыхъ, можно пользоватися только словами пѣсни пѣсней:

На ложи моемъ въ нощехъ, искахъ, егоже возлюби дѹша моя, искахъ его, и не обрѣтохъ его: воззвахъ его, и не послѹша мене: Востанѹ оубо, и обыдѹ во градѣ, и на торжищахъ, и на стогнахъ, и поищѹ, егоже возлюби

дш҃а моа̀: поискáхъ є҃гѡ, и҆ не послш҃а менѐ. Ѡбрѣтóша мя̀ стрегущіи, ѡ҆бходя́щіе во грáдѣ: видѣсте ли, є҃гóже возлюбѝ дш҃а моа̀? Ꙗ҆кѡ мáло є҃гда̀ прендóхъ ѿ нúхъ, дóндеже ѡ҆брѣтóхъ, є҃гóже возлюбѝ дш҃а моа̀: оу҆держáхъ є҃гѡ, и҆ не ѡ҆стáвилъ є҃гѡ, дóндеже введóхъ є҃гѡ въ дóмъ мáтере моеѧ̀, и҆ въ чертóгъ зачéншіѧ мѧ̀. (Гл. III. 1—4.)

Пришло время вконецъ, когда ты удостоилася пріяти плодъ твоего дѣвства, въ увѣреніи: **Всѧ̀ добрà є҆сѝ блúжнѧѧ моа̀, и҆ порóка нѣ́сть въ тебѣ̀.** (Пѣсни пѣсней IV. 7.) — Слова Пѣсни Пѣсней изображаютъ союзъ Жениха — Христа съ церковію, но могутъ изображати и союзъ любви непорочной — дѣвственной души съ Нимъ.

Хотя ты, покойная инокиня, въ минуты благодати, и предвкусила часть сладости чаши любви небесной, но это было удовлетвореніемъ только на время въ жизни земной никогда неудовлетворимой жажды, которая до твоей кончины всегда обновлялася съ новыми порывами за достиженіемъ полноты любви Желаннаго. Теперь ты въ самомъ дѣлѣ удержала Его, и неоставишь Его: Міръ земный ты оставила, и тѣло, съ которымъ ты вела борьбу лежитъ въ развалинахъ. Какъ бы слышалися слова торжествующей церкви:

Рáдѹимсѧ и҆ весели́мсѧ, и҆ дади́мъ слáвѹ є҃мѹ̀: ꙗ҆кѡ прі́йде брáкъ а҃гнчій, и҆ жена̀ є҃гѡ оу҆готови́ла е҆́сть себѣ̀. И҆ дано̀ бы́сть е҆́й ѡ҆блечи́сѧ въ вúссóнъ чúстъ и҆ свѣ́телъ: вúссóнъ бо ѡ҆правда́нія свáтыхъ е҆́сть. . . . Блаже́ни зва́нніи на вéчерю брáка а҃гнча. (Апок. XIX. 7. 8.)

. . . . . Человѣчество не иное есть, какъ держава умирающихъ, а міръ, величественный надгробный памятникъ, съ своимъ надгробнымъ свѣтильникомъ — солнцемъ, вконцѣ и земля въ послѣдней трубѣ мимоидетъ, свѣтильникъ солнца угаснетъ, и взойдетъ другое незаходимое — другосвѣтнее солнце. Испоконъ вѣковъ много милліоновъ людей почиваетъ въ нѣдрѣ земли, прахъ ихъ давнымъ — давно перешелъ въ первобытный составъ, межь тѣмъ поздніе ихъ потомки беззаботно ходятъ сверху праха предковъ, и одержимы житейскими страстями враждуютъ другъ со другомъ, ведутъ войны, отбиваютъ другъ отъ друга кусокъ той земли, который неодолга придется оставити въ посѣданіе

другимъ, суетятся, трудятся, величаются ничтожествомъ — пустотою. Видимо, всѣ происходящія настоящаго времени подъ небомъ суеты — мимолетны. Все, что ни видимъ предъ тобою, побуждаетъ насъ къ памяти смерти и воскресенія. Пшеница сѣется въ землю, умираетъ, весною всходитъ и потомъ плодъ приноситъ. Древеса осенью свергаютъ съ себя листвіе, умираютъ, и съ наступленіемъ весны снова развиваются. Подъ величественнымъ надгробнымъ памятникомъ міра, и тѣло всѣхъ насъ отдѣлно не иное есть, какъ гробъ души, чѣмъ возвращается въ первобытный свой составъ — земли, душа исходитъ, и продолжаетъ жизнь въ безсмертности.

Такимъ образомъ вы, сопровождающія вашу покойную сестру на довоскресное покоище, благочестивыя инокини, погребшися отъ суетъ житейскихъ въ стѣнахъ вашего уединенія, избрали благую часть, которая неотимется отъ васъ. Неотимется отъ васъ, потому что она основана на любви къ Жениху вашего дѣвства, — сладчайшему нашему Искупителю Господу Іисусу Христу. Охранены уединеніемъ нечувствуете вы бурь житейскихъ треволненій, которыя въ мірѣ поглощаютъ безчисленныя челны, одержимыхъ многоразными страстями жизней, и съ собою спасеніе душъ ихъ. Жертву за жертвою пожираетъ бездна, и ахъ! кто скажетъ по какимъ маловажнымъ увлеченіямъ. Да будетъ успѣяніе ваше въ душевномъ совершенствѣ изо-дня-въ день плодотворнѣе, изливайте молитвы ваши и за міръ внѣшній, за его нравственныя бѣдствія, за успѣніе св. церкви, а преимущественно, что бы вы, побѣдоносно окончивши благородное поприще святости, съ неувядаемымъ вѣнцемъ на главѣ, и въ рукахъ съ лавромъ непорочности могли встрѣтити часъ кончины вашей, и бракъ желаннаго Жениха вашего. Благодать и любовь Господа Іисуса Христа да пребываетъ съ вами. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ ПРИЧЕТНИКОМЪ.

Содержаніе: О званіи и предъизбраніи.

Ѝзбрà нáсъ (Бóгъ) прéжде сложéніѧ мíра, бы́ти нáмъ свѧты́мъ и̑ непорóчнымъ предъ ни́мъ въ любвѝ.

Ефес. I. 4.

Преждевременное прекращеніе всякой юной жизни исполняетъ сердца наши сожалѣніемъ благочестивое собраніе! а кончина причетника, на котораго возлагалося много свѣтлыхъ надеждъ, производитъ сѣтовное впечатлѣніе сломанной масличной вѣтви, сорванной съ древа прежде чѣмъ бы она успѣла обогатитися плодами. Скоро сорвала его смерть отъ благословеннаго древа церкви, питающагося божественнымъ сокомъ корня — Спасителя нашего Іисуса Христа. **Ѧ̀ще кóрень свѧ́тъ, то и̑ вѣ́тви,** — говоритъ апостолъ (Римл. XI. 16.), потому нимало несомнѣваемся, что Отецъ небесный возглавившій всяческая о возлюбленномъ единородномъ Сынѣ своемъ, по богатству благоволенія своего, всѣхъ насъ усыновленныхъ звалъ для вѣчнаго спасенія, а служителей своихъ преимущественно **и̑збрà прéжде сложéніѧ мíра, бы́ти свѧты́мъ и̑ непорóчнымъ предъ ни́мъ въ любвѝ.**

Благословенно древо церкви, животворящій корень котораго есть самъ Первосвященникъ по чину Мельхиседекову; благословенны вѣтви, и вѣтви вѣтвей, званіе и предъизбраніе которыхъ имѣетъ свой исходъ отъ предвѣчнаго Слова. Свято было въ прообразовательномъ завѣтѣ священство сыновъ Левіиныхъ, потому что учреждено Богомъ для приношенія жертвъ и служенія храму, но въ какой мѣрѣ

превосходитъ правдивая жертва жертву прообразовательную, въ такой мѣрѣ превосходитъ священство новой благодати священство сыновъ Левіинныхъ. Высоко утѣшительно чувство для служителей церкви Христовой, что они по званію и предъизбранію благодати Св. Духа, состоятъ потомками избранныхъ Спасителемъ апостоловъ, по непрерывному преемству состоятъ потомками апостольскихъ потомковъ, вѣтвьями вѣтвей.

Такою вѣтвію былъ и покойный причетникъ съ того времени, когда преемникъ апостоловъ — епископъ возложилъ на главу его руки свои, и испросилъ для готовящагося къ священству благодать Св. Духа, произнося ко Всевышнему молитвы: чтобы избралъ и освятилъ раба своего, даровалъ ему благодать Св. Духа, успѣяніе въ святости во вся дни живота своего, дабы благоугоденъ былъ предъ Господемъ; чтобы украсилъ его одеждою чистоты, дабы въ будущемъ вѣку встрѣчая Его въ свѣтлости, получилъ нетлѣнный вѣнецъ жизни, сорадуяся съ избранными въ вѣчномъ блаженствѣ. Въ тотъ часъ благодати почувствовалъ ты причетникъ! важность предстоявшаго предъ тобою высокаго званія, душа твоя увлекалася образами желанной дѣятельности, стоявшей напереди въ недалекомъ отстояніи, ты предъуготовлялъ себе, одушевлялся тѣмъ сознаніемъ, что тебе Провидѣніе Божіе избрало быти свѣтильникомъ, и достойнымъ работникомъ въ мысленномъ винограднѣ Христовомъ. Предстояли предъ тобою три круги дѣятельности; первый кругъ учителя, другій священника, третій пастыря; во всѣхъ трехъ кругахъ ты надѣялся съ помощію небесной благодати заслужити себѣ вѣнецъ славы, . . . но увы! твои надежды пересѣчены смертію, и ты самъ склонилъ голову равно сломанная надежда.

Кто изслѣдитъ неизслѣдимыя судьбы Божія, по которымъ тебѣ небыло суждено вступити на поприще желанной дѣятельности? . . Пророкъ Езекіилъ представляетъ намъ рѣку жизни, исходившую изъ храма Божіяго сначала малымъ потокомъ; ангелъ проводившій пророка измѣрилъ тысячь мѣръ мѣрою которую имѣлъ въ рукѣ по направленію потока, и глубина воды была только до глезнъ; послѣ другихъ тысячь мѣръ вода возросла до колѣнъ; послѣ

третьихъ тысячь мѣръ глубина воды взошла до чреслъ; послѣ новыхъ тысячь мѣръ уже неоказалося возможности прейти рѣку, **ѩкѡ кишѧше вода**, и пророкъ принужденъ былъ возвратитися на берегъ рѣчный. (Езек. 47.) Если представленный пророкомъ образъ рѣки жизни возьмемъ въ значеніи теченія къ другому свѣту, когда при четвертой мѣрѣ ангела, уже и для пророка неоказалося возможности ни прейти рѣку, тѣмъ менѣе слѣдовати по теченію ея, предположительно потому, что тамъ начинался предѣлъ другосвѣтняго царства: сдѣлаемъ примѣненіе образа рѣки къ твоему земному теченію причетникъ! для тебе слѣдовалъ предѣлъ земнаго теченія послѣ первой мѣры ангела, гдѣ глубина потока была только до глезнъ, теченіе преграждено прежде, чѣмъ бы ты могъ вступити на поле желанной дѣятельности твоего званія; но предъизбравшій тебе на свое служеніе Господь вмѣнитъ тебѣ въ заслугу неисполнившіяся твои пламенныя желанія и готовность, равно такъ, какъ оцѣняетъ и награждаетъ долгую многотрудную дѣятельность своихъ служителей. Свѣтильникъ земнаго твоего житія угасъ, но мы исполнены святою вѣрою, знаемъ, что угасъ только для того, чтобы воспламенился за гробомъ новымъ пламенемъ. Какъ съ приближеніемъ утренней заризвѣзды утрачаютъ свой свѣтъ, потомъ является солнце во всей царственной славѣ своей, такъ за предѣломъ гроба возсіяетъ и уже возсіялъ свѣтъ твоего безсмертія, и слѣдовало воспріятіе награды отъ незаходимаго солнца правды.

Послѣ сего можно бы сказати словами священнаго писанія: **Пѫтіе пра҃ведныхъ подо҃бно свѣтѫ свѣтѧтсѧ: предхо҃дѧтъ и҆ просвѣща҃ютъ до҃ндеже и҆спра҃вится дѣнь.** (Притч. IV. 18.) Подъ путіями праведныхъ подразумѣвая образъ жизни душпастырей, званныхъ и предъизбранныхъ на первомъ ряду быти сподвижниками самаго Спасителя въ пріобрѣтеніи душъ для царства небеснаго, дондеже исправится день за гробомъ, представляется вопросъ: Для всѣхъ прочихъ усыновленныхъ чадъ церкви Христовой, равною цѣною искупленныхъ, существуетъ-ли равное служителямъ церкви званіе и предъизбраніе для спасенія?

Существуетъ. Нетолько что существуетъ, но все то, что по преимуществу относится къ служителямъ церков-

нымъ, напримѣръ названія: **ро́дъ и҃зпра́нъ, ца́рское сващє́нїе, ѩ҃зы́къ свѧ́тъ, лю́ди обновле́нїѧ** (I. Петр. II. 9.), относится ко всѣмъ христіанамъ, и даже тѣ многозначительныя слова св. апостола Павла: **И҃звра́ нáсъ** (**Бо́гъ**) **пре́жде сложе́нїѧ мі́ра, бы́ти нáмъ свѧты́мъ и҃ непорочны́мъ предъ ни́мъ въ любви** во всемъ значеніи своемъ относятся ко всѣмъ. Въ извѣстномъ бо смыслѣ всѣ чада церкви состоятъ сподвижниками Спасителя, и разомъ сподвижниками собственнаго спасенія.

Но благочестивое собраніе! если мы по достоинству разсудимъ значеніе словъ *званія и предизбранія*, должна нами овладѣти боязнь и трепетъ, потому что какъ для церковнослужителей, такъ и для всѣхъ приходится приняти во вниманіе другіе два важные вопросы, именно вопросъ *дѣйствія благодати*, и вопросъ *свободной воли*. Ахъ! воли — подлежащей всегдашнему колебанію и движимости, подлежащей воспріимчивости и добрыхъ и злыхъ впечатлѣній, воли — могущей по мѣрѣ дѣйствія благодати небесной возвыситися до небесъ, и могущей за недостаткомъ благодати упасти до бездны преисподней, потому что всякое душевное благо достигается единственно по дарованію благодати, и движеніе воли происходитъ по начальному дѣйствію благодати.

Неподлежитъ сомнѣнію, что Господь по своему всевѣдѣнію отъ вѣковъ предвидитъ движенія воли нашей; неподлежитъ сомнѣнію, что Онъ хощетъ всѣмъ человѣкомъ спастися, слѣдовательно Онъ родительски желаетъ движенія воли нашей къ добрымъ дѣламъ, чтобы воля наша послушалася званія ко спасенію; дѣйствіе благодати Его побуждаетъ къ доброму свободную волю людей, предшествуетъ — споспѣшествуетъ ей. И всетаки сколько людей сопротивляется благословенному побужденію благодати Божіей. Даже и для того требуется помощь благодати небесной чтобы мы могли поняти: что Божія сила и премудрость знаетъ и можетъ вести человѣка ненасильственнымъ званіемъ, — при сохраненіи его свободной воли, при свободномъ его содѣйствіи, а притомъ доброе движеніе его воли вполнѣ оцѣняется Господемъ и вмѣняется ему въ заслугу.

Спросите теперь: Составляетъ-ли даръ Божій наше содѣйствіе волѣ Божіей? Отвѣчаемъ, что содѣйствіе наше есть даръ Божій, ибо въ томъ заслуга наша, что охотно

съ готовностію повинуемся званію Господню, съ желаніемъ и доброю совѣстію совершаемъ богоугодня дѣла, и то есть признакъ нашего предъизбранія. **Изврà нáсъ Бóгъ**, . . . значитъ: человѣкъ небесною благодатію званный ко спасенію, съ желаніемъ и любовію подчиняя волю свою волю Божіей, чрезъ добрыя дѣла и святые подвиги потверждаетъ свое предъизбраніе.

Надѣюся, что вы поняли значеніе словъ званія и предъизбранія. Кто понялъ, тотъ содрогнется во всемъ существѣ своемъ, про частое сопротивленіе побужденію благодати Божіей. Небыло ни одного праведника, который бы небоялся отвѣта на предстоящемъ судѣ; боязнь ихъ происходила отъ того, что до послѣдней минуты своей небыли извѣстны о своемъ предъизбраніи. Богъ по неизреченной премудрости своей оставилъ насъ въ неизвѣстности насчетъ нашего предъизбранія очевидно по той причинѣ, ибо въ нравственномъ поведеніи предъизбранныхъ вскорѣ могла бы произойти опасность гордости и небрежности, а у неизбранныхъ отнечаяніе.

Послѣ сего, что слѣдуетъ сказати о пламенныхъ, но пересѣченныхъ смертію добрыхъ желаніяхъ людей? что сказати о желанной твоей дѣятельности для блага церкви причетникъ! когда ты отъ притвора святыми вызванъ къ отходу на другій свѣтъ? Полагаемъ, что долгою полезною дѣятельностію можно пріобрѣсти много заслугъ, но несомнѣваемся, что Богъ оцѣняетъ по достоинству и добрыя намѣренія и готовность. Готовность была у тебе, но ты невиноватъ, что неможешь идти далѣе вмѣстѣ съ сверстниками твоими къ предположенной цѣли, можешь только пожелати имъ успѣянія въ святости, и проч. (Дальшее примѣненіе къ обстоятельствамъ.)

Вконецъ что относится ко всѣмъ намъ благочестивое собраніе! будемъ со страхомъ Божіимъ постоянно имѣти въ виду званіе Спасителя нашего: **Ѻвцы моѧ глáса моегѡ слы́шаютъ . . . и по мнѣ грядýтъ . . . и невосхи́титъ и́хъ никто́же ѿтъ рýкы моеѧ.** (Іоанн. X. 27. 28.) Заключимъ словами св. апостола Павла: **Йхже** (**Бóгъ**) **предъзстáви, тѣ́хъ и призвà, а́ йхже призвà, сѝхъ и ѡ́правдà: а́ йхже ѡ́правдà, сѝхъ и прослáви.** (Римл. VIII. 30.) Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ УЧЕНЫМЪ.

Содержаніе: Ученость и вѣра.

> Є҃гѡ́же а҆ще дѣ́ло пребы́детъ, є҆́же назда́, мзды́ пріи́метъ. Ѩ є҃гѡ́же дѣ́ло сгори́тъ ѻ҆тщети́тсѧ: сами́ же спасе́тсѧ, та́кожде и҆́коже ѻ҆гнемъ.
>
> I. Коринѳ. III. 14. 15.

Великодаровитые ученые люди въ извѣстномъ смыслѣ подбѣждаютъ смерть. Есть, творенія которыхъ, чрезъ вѣки пользуются славою безсмертія, и вѣроятно будутъ пользоватися до скончанія вѣковъ. Но увы! судьба тѣла ихъ ничѣмъ неотличается отъ судьбы прочихъ смертныхъ. Хотя бы мощи ихъ предохранены цѣнным бальзамами отъ истлѣнія, какъ предохраненныя мощи патріарха Іакова до сегодня почиваютъ въ пещерѣ Махпелы, и есть надежда, что иногда образъ сохраненно тѣла патріарха доступнымъ становится для міра, и чтоже? любопытные увидятъ небольше, какъ мертвое тѣло патріарха.

Потому, въ случаяхъ кончины даровитаго, учепаго человѣка, взирая на безжизненную голову его, съ сожалѣніемъ помышляемъ: что прекращенное смертію существованіе его, составляетъ утрату для человѣчества, и хотя бы онъ достигъ крайнихъ предѣловъ жизни человѣческой, мы недовольствуемся тѣмъ, мы желали бы, чтобы жизнь его продлилась еще далѣе, а объ умирающихъ въ среднихъ лѣтахъ тѣмъ болѣе сожалѣемъ, потому что поприще ихъ пересѣчено какъ разъ въ то время, когда научная подготовленность ихъ обѣщала самое обильнѣйшее плодородіе.

Сожалѣемъ о нихъ, если они неуспѣли развити запасъ своихъ дарованій и науки въ пользу всеобщаго просвѣщенія, или если неуспѣли свои умственныя сокровища предоставити во всей полнотѣ въ наслѣдіе потомковъ.

Наши мысли въ измѣреніи потери несутся далеко на передъ, къ тому предѣлу, гдѣ кончится память славныхъ человѣческихъ именъ, оцѣняемъ пользу, оцѣняемъ величіе умственныхъ дѣтелей, и вконецъ приходимъ къ такому заключенію: Поистинѣ цѣнно только то, что немимоидетъ, а все что творится въ услуженіе мимоидущему міру, хотьбы такое твореніе наслаждало людей до скончанія вѣка, оно собственно неимѣетъ положительной цѣны. Такъ говоритъ апостолъ: **Є҆гѡ́же а҆́ще дѣ́ло пребу́детъ, є҆́же назда́, мзду́ прі́иметъ. А҆́ є҆гѡ́же дѣ́ло сгори́тъ о҆́тщетѝтсѧ: са́мъ же спасе́тсѧ, та́кожде я҆́коже о҆гне́мъ.** Ахъ! что не сгоритъ въ послѣдней трубѣ? и самъ человѣкъ спасется такожде якоже огнемъ. Изъ огня выйдетъ благополучно — какъ искушенное чистое золото — одна святость, и что сдѣлано для святости другихъ вмѣнится въ заслугу.

Но до того времени, мало-ли выйдетъ изъ памяти славныхъ теперь именъ? племенъ? народовъ? государствъ? Вѣдь иногда славны были Ѳивы, Нинива, Вавилонъ, теперь ихъ нѣтъ. На египетскихъ памятникахъ ученые прочитываютъ имена побѣжденныхъ египетскими царями многихъ народовъ, память которыхъ давнымъ-давно сгладилась съ лица земли, да и побѣдители ихъ — египтане исчезли, до насъ дошло одно ихъ имя, пирамиды, и развалины. Гдѣ могущественные ихъ иногда фараоны? гдѣ ученые? отъ которыхъ свою мудрость заимствовали еллины и весь міръ? Среди песчаныхъ пустынь собираются забальзамированные ихъ трупы невѣжественными арабами для топлива, или за безцѣнокъ разсѣкаемы бываютъ для удовлетворенія любопытства путешественниковъ, пущихъ варваровъ тѣхъ, которые имъ такое развлеченіе предлагаютъ.

Вотъ твое величіе тѣлесный человѣкъ! Измѣри твой гробъ, мѣсто твоей могилы, получишь мѣру величія твоего. Ты ни меньше, ни больше отъ твоего гроба. Нечего ссылатися на силу, славу, мірскія доблести, общественное положеніе, богатство, и проч. Это все смертію прекращается, а

тамъ далѣе тлѣніе, пепелъ, сѣнь. Единственно остаются по смерти: слава добраго имени, творенія даровитаго ума, и плоды науки.

Конечно, съ уваженіемъ встрѣчаемъ мы всякое новое пріобрѣтеніе науки, насколько оно служитъ для блага рода человѣческаго, но на томъ и стало. Испоконъ вѣковъ, со времени изобрѣтенія письменъ, умные и ученые люди, все, что считали полезнымъ для потомковъ, и прославленія своего имени, изложили въ книгахъ, и такимъ образомъ составилося всемірное духовное сокровище, хранимое въ богатыхъ книгохранилищахъ. При входѣ въ такое книгохранилище, этотъ трудъ многихъ вѣковъ, на разныхъ людей разное производитъ впечатлѣніе. Для слѣпорожденнаго человѣка всѣ книги малое имѣютъ значеніе, равно какъ и для неразвитаго отрока, который ведетъ его. Возрослый, одаренный здоровыми очами, не неумѣющій читати человѣкъ, подобно слѣпцу — также неставитъ высоко пользу книгъ, которыя для него недоступны. Но не такому впечатлѣнію подверженъ ученый, при первомъ же возглядѣ имъ овладѣваетъ лихорадочное упоеніе, онъ изнемогаетъ при той мысли, что его жизнь недостаточна для усвоенія всего что видитъ предъ собою, онъ желалъ бы въ одинъ духъ все проглотити своимъ вмѣстительнымъ воспріимчивымъ умомъ, что ни находится изложено славными мудрецами, онъ желалъ бы всѣхъ превзойти.

Поклонъ тебѣ ученый человѣкъ! но позволь тебѣ привести на память: что собственно этотъ трудъ многихъ вѣковъ? Два слова: плодъ времени. А время что такое? Ахъ, неиное, сознаніе первороднаго грѣха! Безъ первороднаго грѣха, въ первобытномъ безсмертномъ состояніи, кому изъ безсмертныхъ людей пришло бы на умъ прилагати трудъ ко всему тому, что изложено во всемірныхъ книгохранилищахъ? Вѣдь для безсмертнаго, да еще (прибавимъ) блаженнаго человѣка, все это неимѣетъ ни малѣйшаго значенія.

Къ сожалѣнію, если мы въ полнотѣ желаемъ выразити суть дѣла, должны сказати: Что великая часть всемірной науки, есть плодомъ возгордившагося впачалѣ противъ своего Создателя ума, есть плодомъ затемненнаго тоюже

гордостію смертнаго человѣка, къ которому какъ въ самомъ началѣ, такъ и въ послѣдствіи временъ — во вредъ рода человѣческаго — много причинился, и будетъ причинятися первобытный его врагъ — древній змѣй. Поелику все его стремленіе направлено противъ Бога, и познанія вѣчной истины, онъ съ самаго начала старался поврежденный умъ человѣческій привести къ заблужденіямъ, старается еще болѣе послѣ совершеннаго Спасителемъ искупленія. Предлагавшій прародителямъ въ началѣ — въ состояніи невинности — просвѣщеніе, привелъ ихъ къ паденію, и сознанію своей наготы; Адамъ на зовъ Господа сталъ извинятися: **Гласъ слышахъ тебѣ ходящя въ раи, и убоахся, яко нагъ есмь, и скрыхся. И рече ему Богъ: кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси?** ... (Быт. III. 10. 11.) Послѣ искупленія, змѣй направлялъ и направляетъ это мірское просвѣщеніе полученному отъ Христа, въ такомъ смыслѣ: что просвѣщенному разуму въ его современномъ развитіи тяжело носити иго вѣры, налагаемое на него Евангеліемъ, тяжело ограниченіе тѣлесныхъ похотей, тяжело рабство мысли, и всего, что несходно съ плотоугодіемъ, и отчужденіемъ душъ отъ Бога.

Но какъ величіе тѣла человѣческаго, можно измѣрити величіемъ его гроба: такъ гордый умъ безъ вѣры въ вѣчныя истины, можно измѣрити тою же мѣрою гроба. Не вѣришь въ Бога, въ Іисуса Христа, въ безсмертіе, въ Провидѣніе, въ другосвѣтнее царство, въ силу благодати, въ награду добрыхъ дѣлъ, смотри, вконецъ полетъ всего твоего разума и учености ограничится одними размѣрами твоего гроба. Не вѣришь въ силу таинъ, въ присутствіе животворящаго тѣла и крови Христовой въ святѣйшей Евхаристіи, исключаешь себя отъ союза благодати небесной, такимъ образомъ ты въ самомъ дѣлѣ нагъ, душевно мертвъ, смотри, въ наготѣ твоей скрываешься предъ Богомъ, стало быти: ты нимало небольше твоего гроба.

Неимѣютъ таже нимало основанія величатися просвѣщеніемъ, у коихъ ученость несоключена съ вѣрою. Создатель поврежденному гордому уму человѣческому поставилъ такіе ограниченные предѣлы, что онъ безъ вѣры, на крыльяхъ своихъ не въ состояніи возвыситися надъ землею.

Весь запасъ его научныхъ пріобрѣтеній такъ ничтоженъ въ сравненіи со вселенною, что пропадаетъ какъ пылинка песка морскаго. Весь видимый человѣкомъ міръ пропадаетъ въ сравненіи съ другосвѣтнимъ царствомъ, созерцаемымъ по высшей благодати только очами вѣры.

Это вмѣстѣ съ евангеліемъ Іисусъ Христовымъ, составляетъ величественное книхогранилище вѣчныхъ истинъ. Все что чудесно въ мірѣ, конечно меньше какъ вся вселенная. Изъ созерцанія всего побуждается подлинно ученый выводити заключеніе о славѣ, красотѣ, премудрости, могуществѣ, и величіи умоляемаго Создателя, и любви предвѣчнаго Слова. Это было всеобъемлющею книгою пустынника св. великаго Антонія въ его Богомысліи, которую онъ изучалъ постоянно, и когда спрошенъ одинъразъ: Чѣмъ занимается? Отвѣчалъ что читаетъ. А чтеніе его состояло въ чтеніи книги вселенной. Къ сожалѣнію эта великая книга вмѣстѣ съ евангеліемъ имѣетъ немного читателей.

Я полагаю, что вы подлинно ученые люди, отъ сей открытой всѣмъ величественной книги (можетъ быти подъ впечатлѣніемъ минуты), неохотно возвращаетеся ко книгохранилищамъ, содержащимъ земныя науки. Кстати подведемъ итогъ нашихъ познаній. Поставимъ мѣру: Величіе человѣка, и степень его учености, состоитъ въ степени его святости, и въ томъ, что онъ сдѣлалъ въ пользу царства небеснаго. **А̂ є҆гѡ́же дѣ́ло сгори́тъ ѿтщіети́тсѧ.**

Такимъ образомъ мы приблизилися къ оцѣненію содержанія всемірныхъ книгохранилищъ. Впервыхъ, начиная отъ исподи, уважаемъ мы ученость писателей, причинившихся къ просвѣщенію вѣчныхъ истинъ. Уважаемъ мы труженіковъ улучшенія нравъ рода человѣческаго. Уважаемъ дѣеписателей, законоучителей, языкослововъ, вѣдцевъ древностей, естествоиспытателей. Уважаемъ васъ богослововъ, и Отцевъ церкви. Уважаемъ васъ апостолы, ссылавшіеся на пророковъ, уважаемъ пророковъ, указывавшихъ на псалмы и законъ, который Мойсей сообщилъ народу Израильскому возлѣ горы Синайской, и такъ идемъ отъ одной книги къ другѣ, придемъ къ первой книгѣ Мойсея, придемъ вконецъ къ покланяемой въ трехъ лицахъ святѣйшей Тройцѣ единаго Божества. И сія наука **не сгори́тъ**. Видимо, насколько

небо, и небеса небесъ превосходятъ землю, настолько вѣра превосходитъ науку земную.

Для твоего оправданія ученый покойникъ! дошелъ я къ той точкѣ, когда предстоитъ сожалѣти искренно объ утратѣ твоей ученой и богомысліемъ освященной головы. Ты трудился въ направленіи воцаренія благочестія и добрыхъ нравъ, значитъ, былъ **сподвѣшникомъ Бога.** (I. Кор. III. 9.) Нужно-ли приводити Слова: **Иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ царствіи небеснѣмъ.** (Матѳ. V. 19.) Вотъ книгохранилище, приводившее тебя въ упоеніе, пожиравшее всѣ твои дарованія, дни и нощи, пока ты въ сей ублажающей вѣрѣ непочилъ. Вотъ твоя слава, твоя память, твоя вѣчность.

Напрасно было бы прибавити и одного излишняго слова къ сей твоей похвалѣ, заключаю прощаніе съ тобою словами апостола: **Его́же а̑ще дѣло пребу́детъ, е́же назда̀, мзду́ пріи́метъ. А̑ его́же дѣло сгори́тъ ѿтщети́тся: са́мъ же спасе́тся, та́кожде а̑́коже о̑гне́мъ.** Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ ЗНАМЕНИТЫМЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ.

Содержаніе: О народныхъ памятникахъ.

Ѥ́дино сіѣ да не ѹ҃таи́тсѧ ва́сѣ возлю́бленніи, ꙗ̃кѡ ѥ́динъ дє́нь пре́дъ Госпо́демъ ꙗ̃кѡ ты́сѧща лѣ́тъ, й ты́сѧща лѣ́тъ ꙗ̃кѡ дє́нь ѥ́динъ.

II. Петр. III. 8.

Родъ преходитъ и родъ приходитъ, . . . подъ истеченіемъ одного дня, пока на небосклонѣ солнце отъ востока совершитъ путь до запада, въ свѣтѣ много умираетъ людей, много раждается; . . . скоро или поздно для всякаго земнороднаго приходитъ часъ его очереди, когда ангелъ смерти разлучитъ душу отъ тѣла, раскроется сырая земля, отнесутъ тѣло къ мѣсту покоища, и надъ изголовьемъ поставлятъ памятникъ — крестъ. Послѣ одного вѣка изъ живущихъ нынѣ людей ни одного небудетъ на семъ мѣстѣ, всѣ мы будемъ такъ почивати, гдѣ почиваютъ опередившіе насъ предки. На теперешнихъ мѣстахъ нашихъ поселится новое поколѣнье, новые владѣльцы, межь тѣмъ кости мертвецовъ — на мѣстѣ своихъ покоищъ тихимъ тлѣніемъ будутъ превращатися въ пепелъ, памятникъ креста надъ изголовьемъ отъ ветхости обростетъ мхомъ, наклонится въ сторону, упадетъ, уничтожится.

Истекшіе вѣки примирили людей съ неизбѣжностію смерти, сегодня привыкли мы съ преданностію преклоняти голову предъ всеобщею участію человѣка, но предполагается, что въ допотопныя времена, когда люди доживали выше девятиста лѣтъ, гораздо болѣе чувствовалася ими утрата

безсмертія и несчастіе смерти, послѣ всемірнаго потопа время житія человѣка сразу ограничилося предѣломъ триста лѣтъ, а впослѣдствіи что-вѣкъ болѣе и болѣе сокращалося. Стали люди размышляти о продленіи своей памяти у потомковъ. Съ этою цѣлію, отъ временъ самой глубокой древности, — кажется вскорѣ послѣ столпотворенія Вавилонскаго — какъ разошлися по всѣмъ направленіямъ свѣта, старалися для увѣковѣченія своего имени воздвигати надгробные памятники, — памятники такой громадности и прочности, прочность которыхъ долженствовала бы пребыти до скончанія вѣковъ. Съ такою цѣлію воздвигнуты Египетскія пирамиды, изъ которыхъ нѣсколько стоитъ до сегодня, и вѣроятно будетъ стояти до послѣдняго дня. Иные старалися сохранити для потомковъ образъ свой, который изсѣкаемъ былъ изъ твердаго камня, сверхъ того былъ изобрѣтенъ способъ для предохраненія мертвыхъ тѣлъ отъ истлѣнія, которыя многоцѣнными бальзамами предуготовленныя полагалися въ гробницахъ.

Было бы длинно вдаватися въ представленіе обычаевъ, господствовавшихъ у разныхъ народовъ для увѣковѣченія памяти своихъ мертвецовъ; одни воздвигали памятники изъ твердаго камня, и цѣнными средствами предохраняли тѣло ихъ отъ истлѣнія, иные сожигали ихъ, иные насыпали сверхъ покоища ихъ холмы изъ глины, воздвигали столпы или храмы, — давшіе впослѣдствіи поводъ къ идолопоклонству. Вообще у всѣхъ было одно стремленіе, увѣковѣчити память усопшихъ, межь тѣмъ никто и недумалъ о томъ, что тѣмъ стремленіемъ безсознательно увѣковѣчается слѣдствіе первороднаго грѣха — *смерть*.

Если изъ вѣка на вѣкъ внимательно прослѣдимъ исходную причину, побуждавшую родъ человѣческій ко тщеславію, къ борьбѣ противъ заслуженной своей судьбы, должны мы прійти къ убѣжденію, что сѣмя словъ зміевыхъ, отравившее сердце прародителей: **Бѫдете ꙗ́кw бо́зи** (Кн. Быт. III. 5.) нашло плодородную почву въ сердцахъ ихъ потомковъ. Зачинщики Вавилонскаго столпотворенія говорили такъ: **Прійди́те, созижде́мъ себѣ̀ гра́дъ и̑ столпъ, є́гẃже ве́рхъ бѫдетъ да́же до небесѐ: и̑ сотворі́мъ себѣ̀ и́мя.** (Кн. Быт. XI. 4.) О такомъ направленіи духа свидѣтель-

ствуютъ развалины Ѳивъ, исчезнувшія съ лица земли Ниневія и Вавилонъ, тамъ Египетскія пирамиды, тамъ Тиръ и Сидонъ, и прочіе численные свидѣтели человѣческаго тщеславія, . . . но увы! создатели ихъ недостигли предположенной своей цѣли, состоявшей въ сохраненіи для потомковъ своей вѣчной памяти. Родъ проходилъ за родомъ, на мѣстахъ ихъ поселилося новое поколѣнье, новые завоеватели и владѣльцы, — съ тѣмъ память и побѣжденныхъ потомковъ и ихъ побѣдителей давнымъ давно исчезла. На городы, столбы, памятники налегъ перстъ Божій: одни разрушены землетрясеніемъ, иные поглощены моремъ, наводненіемъ, войнами, объ иныхъ неизвѣстна даже причина, произведшая конечное ихъ исчезновеніе; а что изо всего осталося до сегодня, служитъ только для удовлетворенія любопытства путешественниковъ. И увы! кто скажетъ, сколько насилія было въ ходу со стороны злоупотреблявшихъ своею властію создателей? сколько безсердечности со стороны ихъ приставниковъ надъ порабощенными народами? сколько проливалося кроваваго пота? слезъ? и крови? Человѣкъ преступно наслаждавшійся искушеніемъ зміевыхъ словъ **бѫдете ꙗ҆кw бо́зи**, пользовался правомъ сильнаго, незамѣчалъ своего ничтожества, и ничтожества своихъ твореній; незамѣчалъ и того, что собственно вся земля неиное есть, какъ отчизна смертныхъ, надгробный памятникъ всѣхъ прочихъ надгробныхъ памятниковъ.

Больше значенія имѣетъ для насъ скромное покоище родоначальниковъ избраннаго народа Израильскаго — гробница патріарховъ. Авраамъ по случаю смерти жены своей — Сарры, въ землѣ Ханаанской, обратился къ сынамъ Хеттеовымъ съ просьбою, чтобы уступили погребальное мѣсто для жены его въ долинѣ Хервонской. Владѣльцы земли съ готовностію сказали ему: **Во и҆зра́нныхъ гробѣ́хъ на́шихъ погреби́ мертвеца̀ твоего̀.** (Кн. Быт. XXIII. 6.) Мѣсто съ сугубою пещерою, которое избралъ Авраамъ для покоища Сарры, принадлежало Ефрону, отъ него купилъ онъ его цѣною четыреста дідрахмъ сребра искушеннаго купцами. Тамъ погребена Сарра, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ. Сей надгробный памятникъ стоитъ и до нынѣ, и находится во владѣніи Турокъ, которые хранятъ его съ особеннымъ поч-

теніемъ, потому что они Авраама — отца Исмаила считаютъ своимъ родоначальникомъ, отъ котораго весь ихъ народъ размножился. Надзоръ ихъ надъ гробомъ до того строгъ, что всякій иновѣрецъ, еслибы покусился добиватися входа въ глубину темныхъ сводовъ его, подвергъ бы себе опасности немедленнаго убіенія камнями. Гробница не въ меньшемъ почтеніи и у Христіанъ, потому что о сѣмени Авраама благословены всѣ народы земные, и зная, что тѣло Іакова по Египетскому обычаю предохранено отъ истлѣнія, есть надежда на возможность, что мощи его иногда появятся на Божій свѣтъ.

Но надо всѣми повсемѣстными вѣковыми надгробными памятниками, своимъ всемірнымъ значеніемъ въ несравненномъ превосходствѣ стоитъ — воздвигнутый на горѣ Голгоѳѣ крестъ Христовъ, на которомъ совершилося наше искупленіе. Св. преданіе сохранило для насъ, что во время распятія на крестъ Христа, въ землѣ на подкрестномъ мѣстѣ обрѣтена голова Адама, навлекшаго на себе и на своихъ потомковъ осужденіе смерти; на томъ самомъ мѣстѣ попрана сила смерти смертію Богочеловѣка. Подобное всемірное значеніе, имѣетъ и гробъ Христовъ, въ которомъ почивало пречистое Тѣло Его, и изъ котораго собственною своею божественною силою въ третій день воскресъ, сей святый гробъ служитъ залогомъ нашего всеобщаго воскресенія.

Съ торжествомъ христіанства, восторжествовала побѣда жизни вѣчной надъ смертію. Воинствующая церковь надъ покоищемъ апостоловъ и мучениковъ, пролившихъ кровь свою за имя Побѣдителя смерти, стала созидати великолѣпные памятники — храмы, на верху которыхъ воздвигалося знаменіе побѣды — крестъ, подъ святою сѣнію его ежедневно возносилася и возносится Господу живая — нескончаемая — вѣчная — всеобновляющаяся жертва, — принесенная на горѣ Голгоѳской, — надъ черепомъ прародителя Адама. И надъ покоищами всѣхъ православныхъ христіанъ красуется повсюду крестъ, и будь онъ изъ мѣди, камня, или дерева, имѣетъ равную цѣну, равное значеніе: побѣды жизни надъ смертію, искупленіе Адама и послѣдняго его въ концѣ вѣковъ потомка. Въ надеждѣ воскре-

сенія нечувствуется болѣе утраты безсмертія, и несчастія временной смерти, **є́динъ дне́нь предъ Госпо́демъ а҃кw ты́сящи лѣ́тъ, и̂ ты́сящи лѣ́тъ а҃кw дне́нь є́динъ.**

Что-за разница произойдетъ изъ того теперь, если сравнимъ состояніе христіанъ съ ослѣпленіемъ сильныхъ земли, домогавшихся своими памятниками добитися безсмертія? основаннаго на правѣ сильнаго? Съ исчезновеніемъ насильственнаго могущества притѣснителей вскорѣ должна была исчезати и ненавистная память ихъ! Развѣ громадность зданія и рочность камня можетъ увѣковѣчити память при недостаткѣ заслугъ? почитанія? любви?

Ненуждается въ памятникѣ такій человѣкъ, жизнь котораго составляетъ прекрасный — почтенія, хвалы, и поминанія достойный памятникъ; человѣкъ, дарованія котораго, благотворное дѣйствіе, вліяніе, оставляетъ глубоко запечатлѣнныя слѣды въ сердцахъ потомковъ; духъ котораго уже въ жизни побѣдилъ свою смертность, и утрата его долго останется незамѣнимою въ такомъ широкомъ кругѣ, какій онъ въ жизни заполнялъ.

Памятникъ твоей жизни предъ нами стоитъ общеуважаемый покойникъ!... (примѣненіе къ обстоятельствамъ.)

Прихожу къ заключенію. Въ теченіе рѣчи моей благочестивое собраніе; неизбѣгло вашего вниманія, что врагъ рода человѣческаго — змій, совратившій на грѣхъ прародителей нашихъ, отравилъ ихъ сердце присущимъ ему ядомъ искушенія: **бу́дете а҃кw бо́зи.** вслѣдствіе сего побужденія палъ онъ иногда самъ и его ангелы, и дѣйствіе яда нашло плодородную почву и въ сердцахъ потомковъ Адама. Но благословенное явленіе Спасителя на землѣ, попрало вредное вліяніе змія противоядіемъ смиренія, Онъ сообразивъ себе тѣлу смиренія нашего, сообразныхъ насъ сотворилъ образу славы своего Божества, умеръ и воскресъ изъ мертвыхъ, и тѣмъ безвреднымъ сдѣлалъ жало смерти. Съ того времени мы сдѣлалися причастниками Божественнаго Его естества, и **вѣ́мы є́гда а҃вúтсѧ, подо́бни є́мꙋ бу́демъ.** (I. Іоанн. III. 2.)

Ясно, что задача временнаго пребыванія нашего на землѣ заключается: въ соображеніи житія нашего съ божественнымъ естествомъ Господа нашего Іисуса Христа,

потомъ подъ побѣдоноснымъ знаменемъ креста — въ надеждѣ воскресенія — полагается тѣло на покой до послѣдней трубы. Послѣ сихъ родъ преходитъ родъ приходитъ, время нескончаемою рѣкою убѣгаетъ въ вѣчность, и приближаетъ вожделѣнный всѣми праведниками день всеобщаго воскресенія. **Є҆ди́но сіѐ да не оу҆та́йтсѧ ва́съ возлю́бленніи, ꙗ҆кѡ є҆ди́нъ де́нь предъ Госпо́демъ ꙗ҆кѡ ты́сѧща лѣ́тъ** — глаголетъ апостолъ, — **и҆ ты́сѧща лѣ́тъ ꙗ҆кѡ де́нь є҆ди́нъ.** Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ ВДОВОЮ СВЯЩЕННИКА.

Содержаніе: О добромъ примѣрѣ.

Сѣщаѧ йстиннаѧ вдовица и оуединена, оупова́етъ на Бо́га, и пребыва́етъ въ моли́твахъ и моле́нїихъ де́нь и но́щь.

I. Тімоѳ. V. 5.

Кто непознаетъ то свойство очей, что они невольно обращаются ко свѣту? Будетъ-ли то едва замѣтный блескъ свѣтоноса (szent János bogár), скромное-ли сіяніе отдаленнаго пастырьскаго огня, горѣніе-ли свѣчи, или явленіе луны и звѣздъ на ночномъ небѣ, или свѣтозарные лучи восходящаго солнца: очи по присущей своей приклонности увлекаются зрѣніемъ ихъ свѣта. Въ нравственномъ мірѣ Богоугодное житіе праведниковъ производитъ подобное дѣйствіе на душевныя очи; добрый ихъ примѣръ неостается безъ вліянія на всѣхъ тѣхъ, съ которыми они состоятъ въ близькомъ или отдаленномъ соприкосновеніи, и составляетъ ту нравственную силу, которая располагаетъ, подвигаетъ, влечетъ людей къ подобному же благочестію. Насколько общеизвѣстно благодѣтельное вліяніе свѣта и огня, настолько ощутительна нравственная сила добраго примѣра. Потому праведники ненуждаются въ нашихъ похвалахъ, мы ихъ болѣе украсити не въ состояніи выше той мѣры, въ какой они сами украсили себе помощію и даромъ благодати небесной, но мы сами нуждаемся въ созерцаніи ихъ благочестивой жизни, нуждаемся въ ихъ путеводствѣ, чтобы по ихъ слѣдамъ достигнути ту нравственную высоту, которую

они достигли. Насколько отъ огня происходитъ блескъ и теплота, отъ бальзама происходитъ благоуханіе, равно отъ благаго примѣра для всѣхъ происходитъ душевная польза.

Теченіе жизни справедливо уподобляется теченію мореплавателей, ибо какъ на морѣ, такъ и въ нравственномъ мірѣ существуютъ разныя опасности: отмели, подводныя скалы, противныя вѣтры и бури. Для избѣжанія кораблекрушеній, предусмотрительные люди издавна старалися обозначити опасныя мѣста маяками (világító torony), воздвигаемыми на островахъ или въ пристаняхъ, свѣтъ которыхъ далеко виденъ на пространствѣ моря, и когда въ почное время небосклонъ заволокаютъ облаки, нѣтъ возможности исправитися по наблюденію звѣздъ, вѣтеръ усиливается, кораблю изо всѣхъ сторонъ грозитъ гибель, се издалека виденъ свѣтъ маяка, кормчій старается взяти направленіе къ путеводительному свѣту, и спасаетъ корабль: то само происходитъ съ кораблемъ нашего нравственнаго спасенія, если мы направимся по свѣтлому примѣру жившихъ прежде насъ, и живущихъ среди насъ подвижниковъ спасенія.

Иные изъ праведниковъ удостоилися степени великихъ свѣтилъ, иные по мѣрѣ своего нравственнаго вліянія удостоивалися уваженія въ томъ кругѣ, который они заполняли въ житіи своемъ. Се предъ нами покоится въ гробѣ вдова по священнику, отличавшаяся своимъ благочестіемъ, и она заполнила тотъ кругъ, на который сила ея благочестія могла имѣти вліяніе. Искупитель нашъ своими божественными устами сказалъ намъ, что много было вдовицъ въ Израилѣ, **и̑ ни ко є̑дино́й и̑̀хъ посла́нъ бы́сть Илі̀а̀, то́кмѡ въ Сарепта́̀ Сідѡ́нскꙋю̀, къ жено̀ вдови́цѣ.** (Лук. IV. 26.) По указанію Спасителя откроемъ священное писаніе, и тамъ найдемъ слѣдующее событіе:

Во дни св. пророка Иліи, когда Богъ про лукавство людей, словомъ пророка заключилъ небо за три лѣта и шесть мѣсяцей, что небыло ни росы, ни дождя, и вслѣдствіе того люди и скоты умирали отъ наставшаго ужаснаго голода и жажды, жила благочестивая вдова въ Сарептѣ, городѣ Сидонскомъ. Пророкъ, по повелѣнію Господню скрылся въ окрестности потока Хората, и тамъ препитанъ

былъ вранами, приносившими ему по утрамъ и вечерамъ мясо и хлѣбъ, а отъ потока утолялъ свою жажду. Вконецъ по недостатку дождя изсохъ потокъ, и Господь повелѣлъ пророку идти ко вдовѣ Сарептянской. Илія какъ приблизился къ воротамъ города, увидѣлъ вдову собирающую дрова, и просилъ отъ ней воды и укругъ хлѣба. Живъ Господь Богъ твой — отвѣчала жена — нѣтъ у мене хлѣба, но токмо горсть муки въ водоносѣ, и мало елея въ чванцѣ, се собираю полѣна, иду сотворю себѣ опрѣснокъ и дѣтемъ моимъ, будемъ ѣсти и умремъ. Пророкъ сказалъ ей: Водоносъ муки твоей неоскудѣетъ, и чванецъ елея неумалится до дне, дондеже дастъ Господь дождь на землю. И съ того времени водоносъ муки неоскудѣвалъ, и чванецъ елея неумалялся, доколѣ непресталъ голодъ. Божій человѣкъ во время пребыванія своего у вдовы воскресилъ умершаго сына ея. (III. Кн. царствъ XVII.)

Упомянемъ и о другой знаменитой вдовѣ, Аннѣ пророчицѣ, которая до глубокой своей старости неотходя отъ церкви, постомъ и молитвами служила Господеви день и нощь. Сія вдова посѣщена еще большимъ милосердіемъ Божіимъ нежели вдова Сарептянская, ибо удостоена увидѣти воплотившееся Слово, и въ чувствѣ своего блаженства непреставала возвѣщати о Немъ всѣмъ чающимъ избавленія. (Лук. II.)

О третьей Наинской вдовѣ упомянемъ только, что когда изношали ея умершаго единороднаго сына къ погребальному мѣсту, встрѣтившій шествіе Спаситель милосердовалъ о вдовѣ, и сказавъ ей **не плачи** воскресилъ сына ея. (Лук. VII. 11—16.)

Въ благодатной церкви Христовой, съ самаго начала до настоящаго дня немало вдовъ служило украшеніемъ нравственнаго міра, изъ великаго числа которыхъ довольно назвати св. Макрину, воспитавшую св. Василія, отца св. Василія Кесарійскаго и Григорія Нисскаго; св. Монику матерь блаженнаго Августина, — воспитательницъ такихъ великихъ свѣтилъ церкви.

Требовалося бы много времени, чтобы перечислити хоть вкратцѣ всѣ извѣстныя благочестивыя вдовы, но и изъ примѣра упомянутыхъ нами немногихъ довольно видимъ, что

милосердое око Провидѣнія Божіяго всегда съ благоволеніемъ сопровождало ихъ: одной дало неоскудѣваемый водоносъ муки, чванецъ елея, и воскрешеніе сына; другой даровало видѣніе воплотившагося Слова; третьей опять воскрешеніе Сына; въ новой благодати видимъ непрерывную вереницу святыхъ воспитательницъ, подъ вліяніемъ добраго ихъ примѣра, терпеливости, прилѣжанія, и любви возрастало потомство семейныхъ круговъ, входящихъ въ составъ всемірнаго великаго семейства церкви Христовой.

Нимало неотклонимся отъ справедливости, когда въ дѣлѣ добраго примѣра и воспитанія, благочестивымъ вдовамъ отводимъ почетное мѣсто, почти на одномъ ряду съ ихъ супругами — священниками. Конечно, священники совзоромъ своего достоинства стоятъ высоко надъ міромъ, но въ семейномъ питомнику, когда нѣжное сердце воспитываемыхъ супругами дѣтей столь воспріимчиво для первыхъ впечатлѣній, изъ обѣихъ сторонъ невозможно рѣшити, за которою признати большую силу вліянія? Кажется, за матерію слѣдуетъ признати больше вліянія въ семейномъ кругу, за мужемъ священникомъ больше вліянія въ великомъ семействѣ повѣренной ему паствы, но безъ того, чтобы отрицати вліяніе отца семейства на его домашній кругъ, равно и безъ того, чтобы отрицати вліяніе и его супруги на нравственное развитіе большаго семейства, въ которомъ она живетъ.

Заслуга обѣихъ сторонъ очевидна. Для священника открыто большее поле дѣятельности, для супруги открывается званіе воспитывати будущихъ ревныхъ душпастырей — свѣтилъ церкви, и подобныхъ себѣ матерей народа, а притомъ добрый примѣръ ея житія неистекаетъ безслѣдно и для прочихъ современниковъ, предъ взоромъ которыхъ она равняется путеводному свѣтильнику среди обуреваемаго житейскаго моря, чтобы показати плавающимъ направленіе къ безопасной пристани. Безсомнѣнно она достойна уваженія когда представляетъ примѣръ вѣрной супруги, доброй матери, благоразумной управительницы дома, но еще болѣе достойна уваженія, когда она сама приходитъ въ состояніе несчастія. Смерть разрушаетъ столпъ ея помощи, — супруга, и она предоставлена на свои силы, принуждена

имѣти попеченіе о воспитаніи семейства. Увы! настаютъ тяжелые дни для вдовы, иногда дни борьбы за существованіе, и тутъ представляется она во всемъ благородствѣ и величіи души своей, когда приходится ей вполнѣ олицетворити въ себѣ добродѣтель терпѣнія, и вести борьбу съ недостатками.

Тутъ и представляется ей частая необходимость, чтобы она со слезами обращала взоръ свой къ помощи Провидѣнія Божіяго, ахъ! Провидѣніе Божіе и награждаетъ слезы ея многоразъ неизслѣдимымъ образомъ: неоскудѣваемымъ водопосомъ муки и чванцемъ елея вдовы Сарептянской, воскрешеніемъ умирающихъ, спасеніемъ безпомощныхъ и погибающихъ, награждаетъ благоправіемъ, успѣхами, благополучіемъ осиротѣвшихъ дѣтей, оставшихся послѣ смерти отца безъ всякихъ средствъ къ существованію, и дальшему преуспѣянію.

Оглянитесь вы теперь на теченіе вашей жизни потомки! незамѣтите-ли вы больше свѣтлыхъ точекъ, изъ которыхъ вы необходимо должны прійти къ убѣжденію явной помощи перста Божіяго, дарованной безсомнѣнно по пламеннымъ молитвамъ вашей покойной матери? Сердце ваше снова и снова возгорится къ ней любовью, изъ очей неудержамо вырвутся слезы благодарности, память ея увѣковѣчится послѣ кончины ея до конца вашей жизни, необойдется безъ того, чтобы добрый примѣръ ея благочестія у васъ непринялся, и непринесъ плодовъ обильныхъ, равно какъ принесло воспитаніе св. Макрины неоцѣнимые плоды въ св. Василіѣ и Григоріѣ, воспитаніе св. Моники въ блаженномъ Августинѣ, и въ прочихъ многихъ.

Что возбраняетъ вамъ дочери! чтобы вступити въ благочестивые слѣды вашей матери, и воспитати вашихъ дѣтей равно такъ, какъ она васъ воспитала? Что препятствуетъ вамъ родственники, и проч. (Примѣненіе по обстоятельствамъ.)

Вконецъ для всѣхъ насъ благочестивое собраніе! очевидно, что добрый примѣръ, равно какъ воздвигаемые на островахъ или въ пристаняхъ путеводные свѣтильники для мореплавателей неостаются безъ нравственной пользы для плавателей въ житейскомъ морѣ, посмотрите, что препят-

ствуетъ единокаждому изъ насъ, чтобы онъ несдѣлался путеводнымъ свѣтильникомъ для другихъ? А вы вдовы, благочестивыя вдовы! могу-ли я сказати больше для вашего утѣшенія и душевнаго назиданія, нежели то, что: **Сѫщаѧ йстиннаѧ вдовица и оу҃единена, оу҃повает҃ на Бога, и пребываетъ въ молитвахъ и молениихъ день и ночь.** Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ СУПРУГОЮ СВЯЩЕННИКА.

Содержаніе: Согласіе сердецъ составляетъ вѣнецъ супружеской жизни.

Жена твоя́ я́кw лоза́ плодовѝта вх странáхх до́мх твоегѡ́.
Псал. CXXVII. 3.

Мирный, покойный пріютъ домашняго семейнаго сожительства, кто оцѣнитъ твои преимущества? Теплота любви, ненарушимость вѣрности, притомникъ дѣтей, пріязнь и искренность, все сіе сосредоточалося въ одной — никогда — никѣмъ незамѣнимой супругѣ. Святый псалмопѣвецъ справедливо уподобилъ супругу лозѣ плодовитой, вьющейся вверхъ по стѣнамъ дома, потому что плодовитая лоза служитъ для дома пріятнымъ украшеніемъ, своими вѣтвьями производитъ тѣнь и свѣжесть, а сверхъ того приноситъ полезные плоды. Уподобленіе становится еще полнѣе, если къ прочимъ свойствамъ лозы прибавимъ то свойство ея, что она всею силою придерживается стѣнъ, тѣмъ и сама пріобрѣтаетъ опору, чтобы небыла отторжена вѣтрами, и притомъ служитъ охраною противъ палящаго солнца, а вконецъ доставляетъ увеселительный и укрѣпляющій здоровье превосходный напитокъ. Симъ образомъ изображена полезность, вѣрность, и любовъ супруги; какъ лоза своими вѣтвьями обнимаетъ домъ, такъ вѣрная супруга своими руками, и чувствами сердца обнимаетъ семейное святилище.

Кто измѣритъ достойный мужъ! твою утрату? Сей малый гробъ заключаетъ въ себѣ, что для тебе равнялося цѣлому свѣту, превосходило цѣлый свѣтъ, потому что отъ

тебе отторжена половина твоего сердца, половина твоего присутствія, твоимъ очей, твоего слуха. Гдѣ ты немогъ присутствовати, такъ ты смотрѣлъ очами покойной, слышалъ ея, слухомъ, говорилъ и распоряжалъ ея устами, дѣлалъ ея руками. Болѣе на твой зовъ неполучишь отзыва, напрасно будешь ожидати въ печали утѣшенія, въ чувствахъ взаимности и участія, въ недугахъ услужливости и пріязни, въ непосильныхъ и помощи требующихъ дѣлахъ желанной помощи. Уютность твоего обвитаго плодовитою лозою семейнаго святилища сразу уничтожена, уничтожено согласіе соединеннаго съ твоимъ сердцемъ сердца, составлявшее вѣнецъ твоей брачной жизни.

Вполнѣ понятна душевная болѣзнь супруга, понятны его слезы. Вѣстимо, насильственное расторженіе живаго союза неможетъ обойтися безъ причиненія болѣзни; мы проникнуты жаждою безмятежной — любовію озаренной жизни, между тѣмъ смерть непощаднымъ насиліемъ отторгаетъ отъ насъ условіе нашего счастія, которое мы иногда равно цѣнимъ съ самою жизнію. Во всемъ естествѣ одно обстоятельство замѣчательно, что равное соединяется съ равнымъ, однородное съ однороднымъ; возьмите напримѣръ стеклянный сосудъ наполненный водою, и потомъ вверзите въ сосудъ горсть золотаго, серебрянаго, мѣднаго, желѣзнаго, и оловянаго песка, горсть глины и простаго каменнаго песка, вконецъ налейте сверху часть елея, сотрясите всю разнородную смѣсь, вслѣдъ замѣтите въ сосудѣ кипѣніе и борьбу разныхъ частицъ между собою, но потомъ вскорѣ равныя частицы станутъ соединятися съ равными, однородныя съ однородными, болѣе тяжелыя тяготѣютъ къ исподи, болѣе легкія слагаются сверху ихъ, а самый верхъ занимаетъ елей. То само происходитъ въ жизни. Изъ многихъ тысячей людей созданныя другъ для друга сердца любовью приходятъ въ соединеніе; двѣ разрозненныя дотолѣ отдѣльныя жизни, по причинѣ присущей имъ естественной однородности, соединяются въ составъ вожделѣннаго союза.

Вѣстимо, что зиждущееся на основаніи согласія сердецъ нравственное устройство — и естественно, и прочно, и мирно. Чѣмъ тише море, тѣмъ краше отражается въ

нѣмъ образъ неба: равно мирное сердце — свободное отъ житейскихъ обуреваній, легко воспріймаетъ и отражаетъ образъ благочестія. Потому, при такомъ основномъ условіи, домъ священника становится притворомъ настоящаго храма, въ которомъ подъ осѣненіемъ страха Господня семья священника ставится въ живый примѣръ всей паствѣ. Почтенное имя и достоинство мужа украшаетъ и его супругу и дѣти; супруга своимъ благонравіемъ служитъ честію мужа; уваженіе ихъ другъ ко другу и похвальные обычаи отражаются и на другихъ; благое, разумное воспитаніе дѣтей служитъ вѣнцемъ родителей; миръ и согласіе дома, семейныя радости; миръ и родительское обхожденіе съ вѣрниками, благодѣяніе съ нуждающимися, утѣшеніе и совѣтъ совзоромъ опечаленныхъ и скорбящихъ, благоразумное управленіе дома, церкви, и селенія, все сіе расширяется и приноситъ нравственные плоды среди вѣрниковъ. Во всемъ принимаетъ живое участіе благонравная супруга, — она помощь мужа, и матерь народа, и во время безоблачнаго яснаго благоденствія, и тогда, когда пастаютъ черные дни. Конечно таковая супруга составляетъ счастіе для мужа, для семьи, и всего жительства.

Но увы! на землѣ нѣтъ, и неможетъ быти постояннаго, безмятежнаго счастія. Мы жаждемъ блаженной жизни, но незамѣчаемъ, что сія жажда жизни неиное есть, какъ желаніе вѣчности, то отголосокъ нашей безсмертной души, и Господь предложилъ намъ въ замѣнъ утраты земной жизни цѣлую вѣчность. Съ мыслію вѣчности, взоръ нашъ невольно становится на покоящемся предъ нами гробѣ, и мы съ воздыханіемъ должны воскликнути: **Ка́ѳ бо жи́знь на́ша? па́ра бо е́сть, и҃же вмалѣ ѩвля́ется, пото́мъ же и҃счеза́етъ.** (Іак. IV. 14.); но разомъ при видѣ тлѣнія, оживляетъ насъ сознаніе того, что мы будучи созданы на образъ Божій по душѣ, — наша душа единообразна съ образомъ Божіимъ, потому по закону соединенія однороднаго съ однородчымъ — должна она сообразитися съ безсмертіемъ. Итакъ смерть дѣлаетъ насиліе только въ отторженіи насъ отъ временнаго сегосвѣтняго пребыванія, а притомъ отверзаетъ дверь входа въ вѣчность. Неизреченная сила существа Создателя привлекаетъ къ Себѣ безсмертную душу чело-

вѣка, гдѣ для ней единственно и открывается возможность полнаго блаженства.

Если таже насильственное расторженіе сердечнаго союза, причиняетъ намъ болѣзнь во время нашей разлуки съ тѣми, которыхъ жизнь мы равно цѣнимъ съ собственною жизнію: съ противной стороны должно успокоити наше горе предстоящее на другомъ свѣтѣ неизмѣримо большее счастіе, счастіе соединенія съ Богомъ. Неотрицаемъ, что согласіе сердецъ составляетъ вѣнецъ брачной жизни, но кто не знаетъ, что мы въ тѣхъ, кого любимъ, любимъ самыхъ себе, и любовь зиждется на взаимности, безъ ней она равняется огню безъ удобнаго къ горѣнію матеріала, растительности безъ почвы, дождя, и солнечныхъ лучей. Конечно любовь безъ взаимности немыслима, и сія взаимность переходитъ и на другій свѣтъ. Если теперь примѣнимъ отношеніе животворнаго солнца любви Божіей къ себѣ, условіемъ которой служитъ также взаимность, . . . ахъ! сердце у любящихъ Бога должно встрепетати отъ величія предстоящаго блаженства, насупротивъ должно ужаснутися про недостатокъ взаимности, потому что къ неизреченной святости Господа можно приблизитися только въ состояніи святости.

Извѣстно, что Господь желаетъ спасенія нашего гораздо болѣе, чѣмъ мы сами, потому привлекаетъ сердце наше къ себѣ безчисленными способами. Однымъ такимъ способомъ есть, когда смертію отрываетъ отъ насъ близкихъ къ нашему сердцу людей. Приходитъ смерть, равно какъ строгій воспитатель дѣтей, и отъ пріятныхъ для нихъ удовольствій отвлекаетъ ихъ, и заставляетъ ихъ занятися необходимою для жизни наукою. Немилосердна наука смерти, она разрываетъ сердца, терзаетъ скорбію, вырываетъ изъ грудей стоны и рыданія, изъ очей потоки горькихъ слезъ, но полезна, потому что направляетъ взоры земнородныхъ ко другому свѣту, и заставляетъ убѣдитися о томъ, что скоротечное пребываніе человѣка на землѣ равняется парѣ, тѣни, сну.

Сномъ было достойный мужъ! и твое житіе съ упокоившеюся почтенною супругою, прекрасный сонъ о лозѣ плодовитой въ странахъ дому твоего, обвивавшей своими

вѣтвьями семейное святилище, и сонъ твой подобно воздушному явленію прекратился. Но принимай постигшее тебе посѣщеніе съ полною преданностію въ волю Господню, помни слова апостола: **Сіѣ глаго́лю бра́тіе, ѿкѡ вре́мя прекраще́но е́сть про́чее, да и̑ и̑мꙋ́щіи жены̀, ѩ́коже не и̑мꙋ́щіи вꙋ́дꙋтъ.** (I. Кор. VII. 29.)

Положительно: Что ни происходитъ съ нами въ жизни, равняется явленіямъ, произведеннаго воображеніемъ сна. Иныйразъ подъ истеченіемъ такого сна, мы проживаемъ цѣлый вѣкъ съ измѣняющимися многочисленными событіями и приключеніями, образы проносятся предъ душевными очами ясно и вѣрно, сердце подвержено впечатлѣніямъ и счастія и несчастія, солнце восходитъ и заходитъ, заволокается тучами и проясняется, годъ за годомъ убѣгаетъ въ бездну вѣчности, мы полагаемъ что видимъ настоящія событія — настоящее солнце, . . . потомъ впервыйразъ убѣждаемся объ обманчивости всѣхъ пережитыхъ нами во снѣ приключеній, когда пробудившися ото сна, очи наши узрятъ настоящее солнце, и чувствуемъ силу его теплоты. Такій переходъ — перерожденіе ото сна къ дѣйствительности совершается въ часъ смерти, когда душа, освободившися отъ оковъ тѣла, узритъ впервыйразъ на другомъ свѣтѣ незаходимое солнце.

Вотъ разница между сномъ и дѣйствительностію. Но какъ неразрывается союзъ между однымъ находящимся еще во снѣ, и другимъ, возбудившимся уже ото сна человѣкомъ, такъ неразрывается и послѣ перерожденія супруги взаимность ея съ мужемъ, но взаимность обоихъ сосредоточается въ Господѣ. Послѣ того, какъ изъ гроба возсіялъ намъ свѣтъ вѣчной жизни, смерть утратила свое жало, мы перерождаемся въ Господѣ Спасителѣ нашемъ, въ Немъ соединяемся. Слѣдовательно согласіе сердецъ у супруговъ, ихъ взаимность, происходившая отъ однородности ихъ воли, и послѣ разлуки смертію — должна соединитися съ волею Господней. И поелику жизнь, смерть, и все происходитъ по волѣ Божіей, Онъ нетребуетъ большей жертвы, нежели полнаго соединенія воли ихъ со святѣйшею умоляемою волею Его.

Соедини таже всегда, и во всемъ волю твою сѣтующій священникъ! съ волею Господа, приступи ко гробу воз-

любленной супруги твоей, и слыши ея прощаніе. (Примѣненіе прощанія по обстоятельствамъ.)

Вконецъ благочестивое собраніе! запечатлѣйте въ памяти вашей сія послѣднія слова, что нѣтъ большаго закона, нѣтъ большей силы, но вмѣстѣ нѣтъ большаго для насъ утѣшенія, нежели воля Божія. Приложите къ тому все усиліе, чтобы соединити волю вашу всегда и во всемъ съ волею Божіей. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ СТАРЦЕМЪ.

Содержаніе: О воскресеніи.

Нн҃нѣ ѻ҃тпꙋщаєши раба твоегѡ҃, Влады҃ко, по глаго́лꙋ твоемꙋ҃ съ ми́ромъ.

Лѵк. II. 29.

Тѣло есть скудельное жилище безсмертной души, держится одно время въ цѣлости, потомъ присущее ему тлѣніе беретъ верхъ надъ жизнію, а послѣ исхода души переходитъ въ первобытный свой составъ — въ землю. Цѣлость тѣла независитъ отъ продолжительности прожитаго человѣкомъ времени, растлѣніе часто совершается въ дѣтскомъ возрастѣ, и совершается быстро, иные доживаютъ глубокой старости, и переходъ тѣла въ первобытный свой составъ совершается медленно, но дошедши до послѣдняго своего предѣла, подвергается неизбѣжной своей участи. **Земла҆ е҆сѝ, и҆ въ҃ зе́млю ѻ҃ти́деши!** сказалъ первому человѣку Господь. (Бытія III. 19.)

Дожившіе своего послѣдняго предѣла старцы, чувствуя на плечахъ бремя преклонныхъ лѣтъ, послѣ достигнутаго ими благополучнаго устроенія семейныхъ дѣлъ, на исходѣ своемъ часто примѣняютъ къ себѣ слова праведнаго Симеона, удостоившагося на 360-омъ году своего возраста дождатися пришествія Спасителя, и пріяти на руки свои Желаннаго, восклицая: **Нн҃нѣ ѻ҃тпꙋщаєши раба твоегѡ҃ Влады́ко съ ми́ромъ!** Значитъ, послѣ достиженія сей вожделѣнной минуты, земное существованіе представляется безполезнымъ бременемъ, преграждающимъ входъ въ вѣчную блаженную жизнь. Умѣстно, въ самомъ дѣлѣ умѣстно из-

ливалъ слезы праведный старецъ отъ полноты блаженства, понятно дрожаніе рукъ его отъ радости, ибо онъ предвидѣвшій свѣтомъ Духа святаго пріятіе на свои руки Предвѣчнаго Слова, предвидѣлъ и предстоящее ему вскорѣ спасеніе, которое послѣ 32-хъ годовъ и совершилося, когда поправшій смертію своею силу смерти Спаситель сошедши въ адъ, высвободилъ оттуду души всѣхъ, умиравшихъ въ вѣрѣ пришествія Его праведныхъ Отцевъ.

Счастіе праведнаго Симеона, умершаго на самомъ предѣлѣ спасенія рода человѣческаго, извѣстно, можно удобно примѣнити къ умирающему въ состояніи благодати всякому христіанину, потому что Христосъ Спаситель всѣмъ вѣрующимъ въ Него отверзъ крестомъ своимъ входъ въ царство небесное, и въ новой благодати смерть уже считается не инымъ, какъ переходомъ изъ церкви воинствующей въ церковь торжествующую. Послѣ соединенія Христомъ — Спасителемъ Своего божескаго естества — съ естествомъ человѣческимъ, все Христіанство, стало относитися съ почтеніемъ нетокмо къ тѣлесамъ, прославленнымъ нетлѣнностію, проявленною въ тѣлесахъ мучениковъ и прочихъ угодниковъ Божіихъ, но и ко всѣмъ тѣлесамъ христіанскимъ, имѣя въ воскресеніи Христовомъ непоколебимый залогъ слѣдовати имущаго всеобщаго воскресенія.

Иногда по словамъ Спасителя **мєртвіи оу҃слышатъ гласъ сы҃на Бо҃жіа, и оу҃слы҃шавше wживѣтъ.** (Іоан. V. 25.) Какъ въ часъ смерти душа отлучается отъ тѣла, такъ въ часъ воскресенія снова соединится съ тѣломъ для составленія полнаго человѣка. Нимало недолжно насъ смущати обстоятельство, что съ наступленіемъ смерти тѣло превращается въ землю, ибо въ предстоящемъ воскресеніи возобновится въ прославленномъ видѣ. Мореплаватели, находясь на срединѣ моря, обращаютъ взоръ свой къ небу, и по звѣздамъ направляютъ свое плаваніе: равно и мы плывущіе къ другосвѣтнему нашему домовству, неотводимъ взоровъ нашихъ отъ незаходимаго другосвѣтняго солнца — Іисуса Христа, сказавшаго: **Аꙁъ ѥ҃смь воскрєшєніе и живо́тъ: вѣрꙋ́ай въ мѧ, а҃ще и оу҃мретъ wживе́тъ.** (Іоанн. XI. 25.)

Конечно, тѣло наше неостанется вѣчно землею. Во свидѣтельство тебя воззываю Наінскій юноша словами Спа-

сителя: **Ю҃ноше, тебѣ̀ глаго́лю, востáни. И̂ сѣ́де мéртвый, и̂ начáтъ глаго́лати: и̂ дадѐ ѐго̀ (Спаси́тель) мáтери ѐго̀.** (Лук. VII. 15.) И тебя воззываю отроковица архисинагога: **О҆трокови́це, востáни. И̂ возвратúся дх҃ъ є҆м҃ъ, и̂ воскре́се а҆́віе.** (Лук. VIII. 24—25.) Но и тебя воззываю растлѣвшійся тѣломъ четыредневенъ въ гробѣ Лазаре, словами Спасителя: **Лáзаре гра҃дѝ во́нъ. И̂ и҃зы́де оу҆мéрый, ѡ҆бв҃зáнъ рⷭ҃кáма и̂ ногáма оу҆кро́емъ.** (Іоан. XI. 43—44.) Въ довершеніе самъ Спаситель востаетъ изъ мертвыхъ. **Христо́съ воскре́се и҃зъ мéртвыхъ, смéртію смéрть попрáвъ, и̂ сы́нмъ во гробѣ́хъ живо́тъ даровáвъ.** И это составляетъ печать Его власти и на небесѣхъ и на земли.

Силою сей печати потверждается, что святѣйшая воля Создателя непозволитъ уничтожитися тѣлу нашему, по той причинѣ, что Онъ сотворилъ человѣка нетожмо съ безсмертною душею, но и съ безсмертнымъ тѣломъ, иначе приходило бы допустити, что дьяволъ сильнѣе Создателя, созданіе котораго онъ грѣхомъ вполнѣ уничтожилъ. Но можно-ли допустити таковую мысль? далеко да будетъ отъ насъ.

Единородный Сынъ Божій также непозволитъ уничтожитися тѣлу нашему, иначе Онъ несошелъ бы на землю, не принялъ бы тѣла нашего, нестрадалъ бы, и невосхотѣлъ бы распятымъ быти на крестѣ. Но Онъ излилъ кровь свою за *отпущеніе грѣховъ*, слѣдовательно разрушилъ царство грѣха. Смерть есть наказаніе за грѣхъ, и если Спаситель искупилъ насъ отъ грѣха, какъ на самомъ дѣлѣ искупилъ, значитъ, искупилъ насъ и отъ смерти, надъ которою своимъ воскресеніемъ восторжествовалъ.

Третье святой Тройцы лице, Духъ святый, какъ освятитель тѣла нашего, также непозволитъ уничтожитися тѣлу нашему. **Не вѣ́сте ли, ѩ҆кѡ̀ хрáмъ Бо́жій ѐстѐ,** — говоритъ св. писаніе (I. Кор. III. 16.) **и̂ Дх҃ъ Бо́жій живе́тъ въ васъ?** Пока Духъ святый пребывалъ въ прародителяхъ нашихъ, Они были храмомъ животворящаго Духа, неподвержены силѣ смерти, но чѣмъ они своимъ грѣхомъ изгнали изъ сердецъ своихъ Духа святаго, въ ту минуту подпали вліянію смерти. Итакъ и Отецъ и Сынъ и Духъ святый иногда воставитъ — воскреситъ храмъ свой — храмъ тѣла нашего. Сомнѣватися въ томъ, значило бы сомнѣватися

въ существованіи Бога, въ Его премудрости, и всемогуществѣ.

По сей причинѣ съ почтеніемъ относимся ко праху мертвыхъ, ибо этотъ прахъ осѣненъ страшнымъ именемъ пресвятой Троицы. Предъ нами вся держава мертвыхъ является не въ видѣ пепла, не въ образѣ своего мнимаго уничтоженія, но въ славѣ воскресенія. Въ св. писаніи читаемъ: что тѣло одного мертвеца, едва только коснулося костямъ пророка Елисея во гробѣ его, тотчасъ ожило, а мертвый возсталъ. (IV. Царствъ XIII. 21.) Предъ нами мысленно проносятся неисчетные милліоны умершихъ испоконъ людей, возстановляются изъ пепла ихъ тѣла, имущія въ послѣдней трубѣ соединитися съ своими душами, *для составленія полнаго человѣка.* Возстанетъ твой прахъ Адамъ, возстанете патріархи, пророки, неисчислимое множество умиравшихъ въ сей вѣрѣ, возстанешь и ты мертвецъ, возстанемъ всѣ мы.

Въ сей вѣрѣ разошлися по всему свѣту апостолы для благовѣсти нашего искупленія, и свое ученіе запечатлѣли мученическою смертію. За ними слѣдовали тысячи мучениковъ, и другихъ праведниковъ и угодниковъ Божіихъ, вошедшихъ въ составъ дома Божіяго, **ѥ́же ѥ́сть це́рковь Бо́га жи́ва: сто́лпъ и̂ ѹ̂твержде́ніе ӥ́стины.** (I. Тім. III. 15.) И послѣ истеченія многихъ вѣковъ, въ сіе небесное наслѣдіе вступили и мы. **Назда́ни бы́вше на ѡ̂снова́ніи Ӓпо́столъ и̂ проро́къ, сы́рѣ краеѹго́лнѣ самомъ̀ Іи҃сѹ҃ Христѣ̀. Ѻ̀ не́мже и̂ вы̀ созида́етеся въ жили́ще Бо́жіе дх҃омъ.** (Ефес. II. 20—22.)

Въ сей вѣрѣ, и ты лежащій предъ нами мертвецъ, могъ сказати съ праведнымъ Симеономъ: **Ны́нѣ ѿпꙋ́щаеши раба̀ твоего̀ Влады́ко съ̀ ми́ромъ!** Дошедши до послѣднаго предѣла твоей жизни, устроивши по возможности семейныя дѣла, изо-дня въ день болѣе чувствовалъ ты отдаленіе отъ земли, и равняясь пловцу плывущему ко другосвѣтнему домовству, съ заходящимъ солнцемъ земной жизни — взоръ твой направился къ незаходимому солнцу — Господу нашему Іисусу Христу.

Оставляешь численное потомство на землѣ, но отходишь въ кругъ многочисленнѣйшихъ предковъ твоихъ;

благослови ты потомство на подвигъ благочестиваго житія на землѣ, а тамъ ожидаетъ тебя многое благословеніе отъ предковъ твоихъ.

Примите таже благословеніе старца, и проч.

Прощаніе.

Заключеніе.

Окончилъ я. И уже теперь необинуюся воскликнути слова праведнаго Симеона къ Господу: **Ны́нѣ отпꙋщаѥ́ши раба́ твоего́ Влады́ко съ ми́ромъ!** ... Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ УМЕРШИМЪ ВСЛѢДСТВІЕ КОНЕЧНАГО ИЗНЕМОЖЕНІЯ, ИЛИ НАДЪ КОТОРЫМЪ-НИБУДЬ МЕРТВЕЦОМЪ.

Содержаніе: „Познай себе“.

Землѧ ѥ́сѝ, и̑ въ зе́млю ѿ́йдеши.

Кн. Бытія III. 19.

Извѣстное дѣло благочестивое собраніе! что очи видятъ весь Божій міръ, невидятъ только самыхъ себе. Подобное происходитъ въ нравственномъ мірѣ: люди безъ затрудненія въ точности познаютъ натуру своихъ знакомыхъ, съ которыми они состоятъ въ соприкосновеніи, легко отмѣчаютъ и незначительные оттѣнки ихъ добрыхъ или худыхъ наклонностей, но когда приходитъ дѣло къ рѣшеніюзадачи: „Познай себе“, о самыхъ себѣ обыкновенно имѣютъ небольше познаній, какъ о нѣкоторомъ для нихъ чужемъ, отдаленномъ краѣ, потому что пристрастіе къ своимъ заблужденіямъ, и самолюбіе затемняетъ ихъ разсудокъ. Неохотно остановляется человѣкъ и при той мысли, что онъ свой приговоръ къ смерти принесъ съ собою въ ту минуту, когда родился на сей свѣтъ; несмотря на то, что въ житіи часто предъ его взоромъ совершается переселеніе людей изъ жилищъ на кладбище, въ похоронахъ ихъ и самъ принимаетъ участіе, случится иногда взглянути на вырытую изъ земли кость головы давно погребеннаго мертвеца, у него невольно пробѣжаетъ по членамъ дрожь, одну минуту съ любопытствомъ посмотритъ на сухую кость, потомъ вскорѣ отвратитъ взоръ свой, и старается изгладити — забыти вліяніе потрясающаго впечатлѣнія. Удиви-

тельно, та кость безъ произнесенія слова даетъ живущимъ такое напоминаніе: „Познай себе!“

Угодники Божіе, проводившіе житіе свое въ святомъ пустынномъ уединеніи, съ тѣмъ предположеніемъ, чтобы умерти для міра, и пріобрѣсти царство небесное, изображаются съ костію головы въ рукѣ въ глубокомъ раздумьѣ, какъ бы весь обликъ ихъ окаменѣлъ на той единственной мысли: Познай себе, земля еси, и въ землю отидеши! Человѣкъ при видѣ ихъ осѣненнаго святостію облика, переносится мыслію отъ ихъ уединеннаго богоугоднаго житія, къ часу блаженной ихъ кончины, и переходу въ славу торжествующей церкви, подумаетъ о несмѣтномъ множествѣ людей, почившихъ испоконъ вѣковъ до настоящаго дня, но подумаетъ и о томъ, что люди во всякое время, несмотря на происходящіе предъ ихъ очами смертные случаи въ рядахъ своихъ современниковъ, продолжали — и продолжаютъ до сегодня отдаватися и далѣе суетнымъ увлеченіямъ сегосвѣтнимъ, нимало небозпокоясь тѣмъ обстоятельствомъ, что и для нихъ самыхъ слѣдуетъ неизбѣжность можетъ быти неожиданнаго скораго отхода отсюду.

Возьмемъ, напримѣръ, жителей одного многолюднаго города, жившихъ однимъ вѣкомъ прежде насъ, которые сегодня уже тихо почиваютъ на пространномъ полѣ кладбища, . . . и они, предъ однимъ вѣкомъ, равно такъ, какъ и нынѣшніе жители города, проводили житіе среди самозабвенныхъ увеселеній, проводили ночи въ забавахъ, зрѣлищахъ, пляскахъ, и всяческихъ преступныхъ затѣяхъ, а нынѣ безмолвіе ихъ памятниковъ даетъ живымъ такое напоминаніе: *И мы были таковы, какъ вы теперь, но и вы будете таковы какъ мы теперь.* Сухія, тлѣющія кости, безъ славы, безъ отличій, въ полной наготѣ. Се! сіи-то самыя сухія кости, предъ однимъ вѣкомъ, такіе проказы устроивали, какъ и нынѣшніе жители; подъ вліяніемъ вина, музыки, пѣснопѣній, преступной любви, въ нравственномъ безпамятствѣ проводили дни за днями до наступленія самаго часа смерти. Сіи-то самыя сухія кости служили тѣмъ образомъ, который отразился въ людяхъ настоящаго вѣка, или предки имѣютъ продолженіе въ своихъ потомкахъ. Потомки въ знакъ засвидѣтельствованія своей къ покойникамъ при-

вязанности и соболѣзнованія, украшаютъ ихъ могилы цвѣтами и вѣнками, также увядающими какъ ихъ собственная жизнь, а сами безъ памяти убиваютъ время житія своего по прежнему. Тѣ цвѣты и вѣнки, то само напоминаніе твердятъ, что и гробы и памятники: Познай себе, земля еси, и въ землю отидеши!

Многолюдный городъ живыхъ костей, . . . и мертвыхъ костей. . . . Сему многолюдному городу подобно все пространство всего міра, равно какъ и поодинокія отдѣльныя селенія, и круги семействъ, въ которыхъ люди живутъ. У всѣхъ жизнь повсюду одинакова, именно: равняется пожирающей саму себе свѣчѣ, догоритъ, угаснетъ. Но слова „познай себе“ имѣютъ больше значенія, чѣмъ то, которое кончится заполненіемъ одной новой могилы, неизвѣстностію, темнотою, тлѣніемъ. Могила есть темная оправа окна, чрезъ которое пробивается свѣтъ безсмертія другосвѣтняго царства, и сей свѣтъ долженъ озарити плѣненныя земными удовольствіями сердца, озарити сухую кость Адамовой головы, которою изображается смерть. Что-же значитъ кость Адамовой головы?

На сей вопросъ отвѣчаетъ св. апостолъ Павелъ такимъ образомъ: **Ꙗ҆коже ѡ҆ Ада́мѣ вси̑ ѹ҆мира́ютъ, та́кожде и҆ ѡ҆ Христѣ̀ вси̑ ожива́тъ.** (I. Кор. XV. 22.) Иногда въ послѣдней трубѣ, когда Спаситель прійдетъ со славою судити міръ, всѣ воскреснемъ, и тѣло наше облечется въ нетлѣніе. Сей другосвѣтній лучь, есть начало той науки, которая должна насъ привести къ познанію себе. Дальшее наставленіе даетъ намъ самъ Искупитель, поправшій смертію своего смерть, Онъ говоритъ такъ: **Ꙗ҆зъ є҆́смь ви́ть, и҆ и҆́стина, и҆ живо́тъ: никто́же прі́идетъ ко Ѻ҆тцу̀, то́кмо мно́ю.** (Іоанн. XIV. 6.) **Ꙗ҆зъ є҆́смь лоза̀ и҆́стинная, и҆ Ѻ҆тецъ мо́й дѣ́латель є҆́сть. Всѧ́ку ро́згу ѡ҆ мнѣ̀ не творя́щую плода̀, и҆зметъ ю҆́: и҆ всѧ́ку творя́щую пло́дъ ѡ҆тре́битъ ю҆́, да мно́жайшій пло́дъ принесе́тъ. . . Ꙗ҆коже розга̀ не мо́жетъ плода̀ сотвори́ти ѡ҆ себѣ̀, а҆́ще не вы́детъ на лозѣ̀: та́кѡ и҆ вы́, а҆́ще во мнѣ̀ не пребу́дете. Ꙗ҆зъ є҆́смь лоза̀, вы́ же ро́ждіе.** (Іоанн. XV. 1—5.) И довершаетъ тѣмъ воззваніемъ къ Отцу: **Ѻ҆тче, и҆́хже да́лъ є҆сѝ мнѣ̀, хочу́, и҆дѣ́же є҆́смь а҆́зъ, и҆ ті́и бу́дутъ со мно́ю, да ви́дятъ сла́ву мою́, ю҆́же да́лъ є҆сѝ**

мнѣ, ꙗ҆кѡ возлюбилъ мѧ є҆сѝ пре́жде сложе́нїѧ мі́ра. (Іоанн. XVII. 24.)

Божественныя слова Спасителя солнечнымъ свѣтомъ озаряютъ, направленіе, слѣдуя которому можемъ дойти къ полному познанію себе. Онъ путь, Онъ истина, Онъ животъ, Онъ лоза, а мы рождіе. Мы должны бы быти продолженіемъ тѣхъ боголюбивыхъ чадъ церкви Христовой, которые въ Христѣ жили, въ Христѣ умирали, и въ Христѣ живутъ вѣчною славою. Отклоненіе, или отпаденіе отъ Него — отъ животворящей Лозы, значитъ конечную гибель нашу.

Кого благодать небесная одарила свѣтомъ сознанія такой тѣсной принадлежности къ Господу Іисусу Христу, каковая существуетъ между лозою, и ея вѣтвіями, тотъ болѣе нестанетъ отдаватися суетамъ житейскимъ, равняющимся парѣ, дыму, тѣни, потому что при свѣтѣ пробивающемся изъ загробнаго царства ясно видитъ, что всѣ тѣ люди, — сердце которыхъ пропадаетъ за земными сокровищами, почестями, славою, или утопаетъ въ суетахъ и наслажденіяхъ, — равняются сновидцамъ, спящимъ душею, и видящимъ пустые призраки имущихъ исчезнути дѣлъ, притомъ придаютъ имъ такое высокое оцѣненіе, что въ замѣнъ утрачаютъ свое вѣчное спасеніе. Они увлекаются снами съ открытыми очами, и одаренные умомъ. Но которые смотрятъ на теченіе дѣлъ съ сознаніемъ своей конечной цѣли, ясно видятъ, что какъ при всходѣ солнца пропадаетъ слабое сіяніе звѣздъ, такъ при созерцаніи небесной славы всѣ земныя ничтожныя суеты пропадаютъ.

При зарѣ другосвѣтняго освѣщенія, положимся въ состояніе кости Адамовой головы, и примѣнимъ къ себѣ, что сія кость Адамовой головы, и тѣхъ неисчетныхъ милліоновъ головъ, которыя отъ Адама родилися, и насъ до сегодня опередили, есть образъ нашей собственной головы. Пожирающая саму себе свѣча земнаго житія нашего въ свое время догоритъ, угаснетъ, но пламень ея будетъ горѣти и въ загробной жизни, пока вконецъ въ день послѣдняго суда и тѣло снова соединится съ духомъ. Видимъ издалека приближеніе нашей кончины, какъ видитъ и его цѣль, познаемъ оружія, и исходъ борьбы, потому предстоитъ намъ

заблаговременно сообразитися съ нашимъ положеніемъ, и въ томъ и состоитъ: „Познай себе!“

Долго-ли, кратко-ли держитъ промежутокъ того времени, подъ которымъ смерть приблизившися къ намъ, полагаетъ руку свою на біеніе сердца нашего, чтобы угасити жизнь, всеравно, намъ слѣдуетъ всегда ожидати тотъ часъ наготовѣ. Кажется, тѣ люди, которымъ дается долгое время житія, стоятъ въ преимуществѣ надъ тѣли, которые умираютъ скоропостижно, потому что тлѣніе ихъ приближается съ достиженіемъ старости тихимъ ходомъ, силы постепенно ослабѣваютъ, уже сама старость есть состояніе болѣзни, предъ конечнымъ изнеможеніемъ смерть предпосылаетъ свои вѣстники, долго толчетъ въ двери, толчетъ и предупреждаетъ человѣка о близости конца, и тѣмъ предоставляетъ ему довольно времени безъ самообольщенія взглянути на предстоящую свою судьбу надлежащимъ необманчивымъ взоромъ.

Мы окружаемъ гробъ благочестивое собраніе! такого покойника, который издалека видѣлъ приближеніе настоящаго часа, вѣстники смерти долго толкали въ его дверь, и предупредили его о грядущей его кончинѣ, тихо, тихо угасалъ, и угасъ. Но онъ немаловажилъ своимъ въ семъ отношеніи надъ другими преимуществомъ, ожидалъ спокойно неотвратимый часъ, и заблаговременно отмѣтилъ значеніе вѣчной цѣли отъ мимоидущихъ земныхъ дѣлъ, и сходно съ сознаніемъ своей принадлежности къ истинной Лозѣ, какъ живая вѣтвь старался жити жизнію Лозы. (Дальшее примѣненіе по усмотрѣнію.)

Назади остается благочестивое собраніе! окончити наше слово такимъ заключеніемъ, что тотъ городъ въ которомъ мы живемъ, есть великій міръ сей, раздѣляющійся на двѣ части: живыхъ и мертвыхъ. Вообразите уже теперь городъ мертвыхъ костей, покоящихся въ нѣдрѣ земли отъ Адама до сегодня, Господи, что-за несмѣтное множество! мы живущіе состоимъ продолженіемъ ихъ, и справедливо можемъ назватися городомъ живыхъ костей, за нами будутъ слѣдовати наши потомки, а вконцѣ въ день судный и земля уничтожится. Слышите слова пророка Исаіи: **Воздвигните на нéбо óчи вáши, и воззрúте на зéмлю дóлꙋ, понéже нéбо**

ꙗ҆кѡ ды́мъ ѹ҆тверди́сѧ, и҆ землѧ ꙗ҆кѡ ри́за ѡ҃вет҃ша́етъ, живѹ́щіи же на земли҆ ꙗ҆коже сі́и҃ и҆зомр҃ѹ́тъ, спасе́ніе же мое҆ въ вѣ́къ бу́детъ, и҆ пра́вда моѧ҃ не ѡ҃скѹ́дѣетъ. (Исаіи LI. 6.) Познай себе человѣкъ! опомнитеся земнородные! Первая надгробная проповѣдь была сказана самымъ Создателемъ, и то, еще тогда не надъ мертвыми, но надъ живыми первыми людьми — Адамомъ и Евою: Землѧ є҆сѝ, и҆ въ зе́млю ѻ҆ти́деши. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ МЕРТВЕЦОМЪ, ПРИ КОТОРОМЪ ОБЫКЛО ПРОЧИТЫВАТИСЯ ЕВАНГЕЛІЕ.

Содержаніе: О завѣщаніи.

Въ дѣнь скончáніѧ днéй живота̀ твоегѡ̀, и̂ во врéмѧ смéрти твоем҃ раздѣлѝ наслѣ́діе твоѐ.

Книга премѫ́дрости Іисѹ́сa сына Сірахова XXXIII. 24.

Видя предъ собою рѣку, мы непремѣнно должны прійти къ такому заключенію, что она свой первоначальный исходъ имѣетъ отъ нѣкотораго источника. Приводя слова священнаго писанія о наслѣдіи, равно должны мы занятися вопросомъ объ исходѣ его.

Въ общежитіи мы привыкли къ такому мнѣнію, что всякое пріобрѣтеніе есть плодъ собственнаго труда, или получается по наслѣдству отъ нашихъ родителей, равно такъ какъ они приходили къ пріобрѣтенію или собственнымъ трудомъ, или по наслѣдству отъ своихъ предковъ. Но вѣрно-ли такое мнѣніе? пріобрѣтеніе, наслѣдіе, и завѣщаніе людей временно, въ извѣстное время получается, потомъ переходитъ на другихъ, вконцѣ прекращается. Равно такъ и роды людей являются, живутъ, и пресѣкаются, предоставляя свое мѣсто совсѣмъ новымъ родамъ, и свои наслѣдія новымъ наслѣдникамъ. Гдѣ же источникъ собственности? откуду преемственное наслѣдіе? и право завѣщанія?

Въ священномъ писаніи находимъ два одинаковыя изреченія, именно: **Мно́житесѧ, и̂ напо́лните зе́млю, и̂ господ-ствѹ́йте ѥ́ю.** (Кн. Быт. I. 28.) и снова: **Мно́житесѧ, и̂ напо́лните зе́млю, и̂ о̑влада́йте ѥ́ю.** (Кн. Быт. IX. 1.) Впер-

выразъ сказалъ Богъ сіи слова Адаму и Евѣ, вовторыйразъ послѣ всемірнаго потопа Ною и его потомкамъ. Видимо, обладаніе, преемственное наслѣдіе, и право завѣщанія пріято изъ рукъ Божіихъ, Онъ предоставилъ людямъ власть собственности для временнаго пользованія; итакъ собственность подлинно небольше имѣетъ значенія, какъ собственность, присущая однолѣтнему цвѣту, который весною прозябаетъ, пускаетъ растки, цвѣтетъ, увядаетъ, умираетъ, представляя своимъ зернышкамъ въ свою очередь съ возрожденіемъ животворной весны пышитися растками, листвіемъ, цвѣтами, до времени увяденія.

Въ первыя времена, пока людей было мало на землѣ, а пространство земли казалося неизмѣримымъ, свобода простора ничѣмъ небыла ограничена, всякій занялъ для себе такое пространство земли, какое восхотѣлъ, и на такомъ мѣстѣ, которое ему болѣе нравилося надъ другими. Земледѣлецъ невозбранно воздѣлывалъ избранную себѣ почву по достатку работныхъ въ его семействѣ рукъ; пастухъ безпрепятственно перегонялъ свои стада изъ мѣста на мѣсто, гдѣ находилъ болѣе жирное пастбище и источники прѣсной воды; охотникъ неограниченно гнался на ловлю звѣрей гдѣ находилъ ихъ въ изобиліи; всякій отдавался своимъ наклонностямъ въ полной свободѣ. Впослѣдствіи, съ размноженіемъ человѣчества, занятыя земли оказалися тѣсными, сосѣды стали смотрѣти другъ на друга косымъ окомъ, завязалися про обладаніе мѣстностію споры, междуособія, кончившіяся обыкновенно тѣмъ, что слабшая сторона принуждена была уступити свое мѣсто болѣе сильной, а сама шла далѣе; возникли укрѣпленныя мѣста и городы, иные завели торговлю, отважилися на плотинахъ пуститися въ плаваніе по рѣкамъ и морямъ, вконецъ отчуждившіяся другъ отъ друга племена, занятое ихъ предками мѣсто стали считати своимъ отечествомъ, и наслѣдіемъ потомковъ. Съ того времени каждая пядь земли стала составляти спорный вопросъ, къ которой кто-нибудь или по обрѣтенію, или по наслѣдству отъ предковъ могъ имѣти нѣкоторое притязаніе.

На семъ мѣстѣ благочестивое собраніе! желаю обратити ваше вниманіе на то обстоятельство, что Богъ роду человѣческому, въ его дѣтскомъ возрастѣ даровалъ свобод-

ный просторъ, равно какъ даруетъ всякій родитель, позволяющій неразвитому своему ребенку увлекатися неограниченностію его забавъ. Вслѣдъ замѣчаемъ, что людьми вышедшими изъ дѣтскаго возраста, болѣе начинаетъ овладѣвати пристрастіе къ собственности, ограждаютъ себе городами, соперничаютъ другъ съ другомъ въ пріобрѣтеніи большихъ пространствъ, воцаряется властолюбіе и рабство, отцы — видя приближеніе своей кончины, прилагаютъ старательство къ тому, чтобы въ силу завѣщаній закрѣпити свои пріобрѣтенія и преимущества и за своими потомками. Они, въ ненасытности своего властолюбія, охотно присвоили бы себѣ и велелѣпіе тверди небесной, если бы одновременно недостижимость неба непривела ихъ къ сознанію своего безсилія, и неотрезвила ихъ о томъ, что небо создано для всѣхъ, надъ которымъ царствуетъ невидимая сила. Съ одной стороны сознаніе безсилія и ограниченности, съ другой стороны неизбѣжность смерти принудила людей къ вѣрованію въ существованіе сверхественнаго вѣчнаго міра, тѣмъ болѣе, что полученное отъ прародителей преданіе никогда неугасло вполнѣ, только затемнилося.

Нестану распространятися о заблужденіяхъ человѣчества, какъ оно въ дальшемъ развитіи своемъ удалялося отъ святаго источника — отъ вѣры въ единаго Бога, и исходившее отъ чистаго источника ихъ вѣрованіе какъ пропадало въ омутѣ идолопоклонства, потому что предъ взоромъ нашимъ давно развернулася вся исторія народа избраннаго, и воцареніе церкви обѣтованнаго Мессіи — Господа нашего Іисуса Христа. Дойдя къ сладчайшему имени нашего Искупителя, отъ Него, какъ всеозаряющаго солнца, для христіанина ясными и рѣшенными становятся вопросы: объ источникѣ собственности, о преемственномъ наслѣдіи, и правѣ завѣщанія. Отъ него получили мы все, отъ Него получаютъ свое наслѣдіе наши потомки, отъ Него право завѣщанія. Въ семъ смыслѣ можемъ мы только примѣнити къ себѣ слова священнаго писанія: **Въ дѣнь скончáніѧ днéй живота̀ твоегѡ̀, и̂ во врéмѧ смéрти твоеѧ̀ раздѣлѝ наслѣ́діе твоѐ.** (Кн. прем. какъ выше.)

Нѣкоторый нравоучитель, желая освѣдомитися о степени нравственнаго развитія своихъ учениковъ, единокаж-

дому отдѣльно предложилъ такій вопросъ: Какое сокровище желалъ бы онъ получити въ наслѣдіе? Первый сказалъ, что онъ желалъ бы получити скрижали завѣта, писанныя перстомъ Божіимъ. Другій сказалъ, что онъ выше цѣнилъ бы чашу, употребленную Спасителемъ при установленіи святѣйшей евхаристіи. Третій сказалъ, что онъ былъ бы доволенъ и посѣданіемъ мѣстъ, гдѣ Спаситель распятъ, погребенъ, гдѣ обращался, и откуду вознесся на небо. Четвертый желалъ получити древо животворящаго креста, на которомъ Спаситель распятъ. Пятый желалъ имѣти образъ Спасителя данный Вероникѣ или посланный Едесскому царю. Шестый желалъ древо жизни поставленное среди рая. Вконецъ послѣ разныхъ желаній учениковъ сказалъ учитель: Всѣ желанныя вами сокровища безсомнѣнно имѣютъ неоцѣнимую цѣну, но вы оставили для мене самое цѣнѣйшее сокровище — святое евангеліе, которое содержитъ въ себѣ всѣ тѣ сокровища, живыя слова воплотившагося Слова, Его божественный образъ и духъ, и завѣщаніе наслѣдія жизни вѣчной.

Воистинну св. евангеліе есть завѣщаніе, — завѣщаніе Бога роду человѣческому, которое настолько превосходитъ всѣ завѣщанія человѣческія, насколько превосходитъ вѣчность пролетъ одной минуты. Съ этимъ завѣщаніемъ, кто осмѣлился бы сопоставити на одну уровень завѣщаніе земнаго царя, завѣщающаго своему потомку подлежащую перемѣнамъ державу? завѣщаніе вельможи, завѣщающему своимъ наслѣдникамъ свое имущество? завѣщаніе богача, завѣщающему свои милліоны? дворянина свое дворянство? купца, свою торговлю и корабли? чиновника свое чиновство? землевладѣльца свои земли? и завѣщаніе всякаго достаточнаго человѣка, завѣщающему своимъ потомкамъ домы, серебро, и прочіе достатки? Всякій человѣкъ — завѣщатель съ своими достатками завѣщаетъ своимъ наслѣдникамъ разомъ и гробъ, . . . и увы! еще и гробъ не послѣднее слово, потому что за гробомъ поставляется иное мѣрило заслугъ, славы, и сокровищъ.

Сами собою просятся на языкъ слова похвалы для такихъ покойниковъ, которые заблаговременно составляли свое завѣщаніе подъ вліяніемъ того благодатнаго осѣненія,

что собственный завѣщатель есть самъ Господь Богъ. Подражанія достойнымъ примѣромъ служитъ намъ покойникъ, вокругъ гроба котораго мы собрались, чтобы тлѣнные его останки сопроводити къ мѣсту покоища ихъ. Предсмертнымъ его желаніемъ было, что бы надъ его бездыханнымъ тѣломъ было прочитано св. евангеліе, то есть: завѣщаніе Бога роду человѣческому, которое настолько превосходитъ всѣ завѣщанія человѣческія, насколько превосходитъ вѣчность пролетъ одной минуты; въ исполнившемся желаніи покойника узнаемъ вліяніе страха Господня, подъ которымъ онъ проходилъ свое земное поприще, и трудился по мѣрѣ силъ своихъ. Узнаемъ его духовную жажду, стремленіе къ благочестію и нравственному совершенству; онъ, чтобы болѣе удостоитися благоволенія Божіяго, тѣмъ желалъ увѣнчати свой переходъ въ загробную жизнь, что постарался о душеполезномъ назиданіи — оставляемыхъ имъ на землѣ живыхъ своихъ собратій — завѣщаніемъ слова Божіяго.

Несомнѣваемся, что плоды добрыхъ намѣреній у разсудительнаго человѣка созрѣваютъ съ его возрастомъ, потому дается предполагати, что въ сердцѣ покойника годами прежде, когда онъ былъ еще въ полной силѣ и здоровьѣ, уже возрастали тѣ прекрасные нравственные цвѣты, изъ которыхъ сплетенъ вѣнецъ для украшенія исхода его. Несомнѣваемся, что онъ постоянно имѣя въ виду приближеніе настоящаго дня, давно, когда его приближенные непредполагали, и немогли предполагати подобную работу его духа, онъ составлялъ свое завѣщаніе, и составилъ на основаніи св. евангелія; васъ приближенные и родственники! уже тогда желалъ поставити подъ благодатное осѣненіе св. евангелія.

Теперь остается ему пригласити васъ къ себѣ подъ благословеніе, и завершити свое завѣщаніе печатію той божественной любви, которая горѣла въ святѣйшемъ сердцѣ Спасителя, и благодатію св. евангелія излилася на всю церковь Его. Спаситель носилъ въ сердцѣ своемъ весь родъ человѣческій, и тѣмъ непорочныя сердца вѣрующихъ воспламенилъ тѣмъ-же святымъ чувствомъ. По вліянію сего небеснаго пламени св. апостолъ Павелъ такъ говорилъ къ

своимъ духовнымъ чадамъ: **Въ сердцáхъ нáшихъ ѣстѐ, во ѣ́же оу҃мрéти сы вáми и̂ сожи́ти.** (II. Кор. VII. 3.); такъ говорили праведники, такъ говорятъ всѣ благочестивые христіане, такъ говоритъ и отходящій отъ насъ покойникъ:

— Въ сердцѣ моемъ носилъ я васъ всегда... и проч. (Примѣненіе къ обстоятельствамъ.)

А что относится къ намъ благочестивое собраніе! вы убѣдилися, что само вѣрнѣйшее наше наслѣдіе есть гробъ, потому что власть собственности дарована намъ для довременнаго пользованія, потомъ дѣлаемъ завѣщаніе въ пользу наслѣдниковъ, также временныхъ какъ мы сами; всякое земное имущество постоянно переходитъ изъ рукъ въ руки, и наше наслѣдіе кончится гробомъ. Одно завѣщаніе вѣчно — св. евангеліе, — завѣщаніе Искупителя нашего; подъ осѣненіемъ его должны мы проходити земное теченіе, и переходити въ нескончаемую загробную жизнь; да будетъ оно всегда нашимъ руководителемъ, чтобы мы сходно словамъ онаго шествовали для благополучнаго достиженія вѣчной блаженной пристани. Сопроводимъ покойника съ молитвою къ Господу о спасеніи души его, но вмѣстѣ будемъ умолять Господа чтобы насъ остающихся на землѣ благословилъ, далъ благодать въ Его благоволеніи пройти земное поприще, вконецъ когда ударитъ часъ нашего отхода — даровалъ намъ конецъ благій и мирный, а въ будущей жизни блаженство. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ, ПОХОРОНЪ КОТОРАГО СОВЕРШАЕТСЯ ВЪ ЦЕРКВИ ИЛИ НАДЪ УМЕРШИМЪ ВЪ ПУТИ, ИЛИ НАДЪ КОТОРЫМЪ-НИБУДЬ МЕРТВЕЦОМЪ.

Содержаніе: Путь къ небесному Іерусалиму.

Блаженни непорочніи въ пути,
ходящіи въ законѣ Господни.
Псал. CXVIII. ст. 1.

Неожиданная кончина, застигнувшая человѣка среди путешествія, представляетъ образъ общей нашей судьбы. Все равно: умираетъ-ли кто въ молодыхъ лѣтахъ или въ хилой старости, скоропостижно или послѣ долгаго хворанія, пострадавши крушеніе среди бурнаго моря, пораженъ смертнымъ ударомъ на полѣ брани, всѣми оставленъ среди песковъ Ливійскихъ, никѣмъ незамѣченъ въ снѣжныхъ сугробахъ сѣвера, безпомощно, безъ услуги; или умираетъ въ многолюдномъ городѣ въ присутствіи врачевъ, на мягкой постели окруженъ любящимъ семействомъ, пріязнующими пріятелями, дома или на чужинѣ, все равно — онъ умираетъ среди путешествія ко другому свѣту, гдѣ находится его настоящее домовство. Стало быти всѣ путешествуемъ, и среди путешествія застигаетъ насъ кончина, тогда входимъ въ покойную пристань, отъ чужбины въ пріютное домовство.

Наша св. церковь, въ обрядѣ сопровожденія мертвыхъ къ ихъ покоищу, нетолько отдаетъ долгъ почтенія служившему храмомъ св. Духа тѣлу, но разомъ желаетъ въ сердцѣ живыхъ запечатлѣти науку о значеніи, цѣли, и исходѣ земнаго житія. По сей причинѣ обрядъ похорона раздѣленъ на пять частей, именно:

Омовенное и облеченное въ приличную одежду тѣло, когда настаетъ время похорона, первѣе съ возжиганіемъ кадила возносятся молитвы о души покойнаго, окропляется священною водою тѣло и гробница, и при преднесеніи креста и хоругвей, съ горящими свѣщами сопровождается тѣло въ церковь, подъ тѣмъ поется псаломъ: **Блаженни непорочніи въ пути, ходящіи въ законѣ Господни.** Сей псаломъ составленъ Богоотцемъ Давидомъ для пѣнія въ пути благочестивыми поклонниками, которые въ упражненіи Богомышленія, изо всѣхъ странъ святой земли стекалися въ Іерусалимъ, съ цѣлію празднованія нарочитыхъ праздниковъ. Такое шествіе, соключенное съ постоянною памятію о соблюденіи закона Господня, представляло образъ земнаго житія, съ намѣреніемъ достиженія небеснаго Іерусалима, гдѣ для праведниковъ предстоитъ праздникъ вѣчнаго блаженства. Церковь, въ значеніи небеснаго Іерусалима, представляетъ конечную пристань, куда должно быти направлено теченіе благочестивыхъ странниковъ сего житія для полученія вѣнца вѣчной славы.

Слѣдуетъ божественная литургія о блаженномъ упокоеніи души преставившагося. Снова приносится жертва, принесенная Спасителемъ на горѣ Голгоѳѣ для искупленія рода человѣческаго, которою Побѣдитель смерти отверзъ входъ въ небеса, вѣчное царство соединилъ съ землею. Съ восторгомъ воззываетъ великій Григорій: Кто изъ вѣрныхъ сталъ бы сомнѣватися, что въ самый часъ жертвоприношенія, на слова священника, отверзаются небеса, въ томъ таинствѣ Іисуса Христа присутствуютъ ангельскіе чины, вышняя соединяются съ исподними, земныя совокупляются съ небесными, и изъ видимыхъ и невидимыхъ составляется одно. (Libr. 4. Dialog. 58.) Съ отверзеніемъ небесъ, присутствіемъ ангеловъ, соединеніемъ невидимаго міра съ землею, естественно представляется и торжество праведниковъ, получившихъ доселѣ — и получити имущихъ вѣнецъ славы въ небесномъ Іерусалимѣ.

Послѣ того, какъ указанъ путь нравственнаго подвига, соключеннаго съ торжествомъ великихъ наградъ, въ третьей части похороннаго обряда — въ противоположность исполнитися имущимъ другосвѣтнимъ надеждамъ —

доказуется ничтожность побужденій, коими увлекается въ земномъ житіи человѣкъ, именно слѣдуютъ напоминанія: о мимолетности житейскихъ сладостей, скоромъ увяданіи житія, суетности богатства и славы, пустотѣ пристрастій и мечтаній, о превращеніи тѣла въ землю и пепелъ, о непощадности тлѣнія, которое превращаетъ красоту въ безобразну и безславну, . . . все сіе заключается съ многократнымъ умоленіемъ Господа, чтобы душу умершаго упокоилъ въ странѣ живыхъ въ нестарѣющемся блаженствѣ своемъ. Межь тѣмъ сущій предъ очами живыхъ гробъ, служитъ доказательствомъ ничтожности всѣхъ суетъ житейскихъ, наставляетъ ихъ въ неизбѣжности смерти, заставляетъ ихъ запечатлѣти въ памяти, чтобы неослабѣвали въ пути ведущемъ ко спасенію. Равно для усталыхъ странниковъ, въ подкрѣпленіе ихъ вслѣдъ представляются блаженства, которыми послѣ успѣшно совершенныхъ подвиговъ, богато будутъ награждены въ царствѣ небесномъ. Наука для живыхъ запечатлѣвается словами апостола и евангелія: о предстоящемъ воскресеніи и судѣ.

Слѣдуетъ послѣднее цѣлованіе, въ концѣ котораго отходящій такъ прощается съ цѣлующими его: Зряще мя безгласна и бездушна предлежаща, восплачите о мнѣ братіе и друзи, сродницы и знаемыи! вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, а внезапу найде на мя страшный часъ смертный: но прійдите вкупѣ, предлежащаго мя цѣлуйте послѣднимъ цѣлованіемъ: нектому бо съ вами похожу, или собесѣдую прочее: къ судіи бо отхожду: идѣже нѣсть лица пріятіе: рабъ бо и владыка вкупѣ предстоитъ, царь и воинъ, богатый и нищій, въ равнѣмъ достояніи: кійждо бо отъ своихъ дѣлъ или прославится, или осудится. Но прошу всѣхъ и молю, непрестанно молитеся о мнѣ Христу Богу, да не буду вчиненъ по грѣхомъ моимъ, на мѣстѣ ономъ мученія: но да вчинитъ мя идѣже свѣтъ животный. (Евхологіонъ.)

Вконецъ, есть обычай, изліяти елей на тѣло усопшаго, въ знакъ оконченнаго благополучно подвига, и предстоящаго воспріятія вѣнца награды.

Итакъ, похороннымъ обрядомъ отдается долгъ почтенія служившему храмомъ св. Духа тѣлу; далѣе имѣетъ зна-

ченіе, что совершеніемъ безкровной жертвы и изліяніемъ молитвъ умилостивляется Судія; вмѣстѣ содержитъ для живыхъ науку, чтобы суетными житейскими увлеченіями неуклонялися отъ пути къ вѣчному спасенію. Похороннымъ обрядомъ еще разъ представляется поприще земнаго житія путемъ къ церкви — во значеніи пути къ небесному Іерусалиму, и среди сего путешествія застигаетъ насъ кончина, когда открывается намъ входъ въ покойную пристань — отъ чужбины въ настоящее домовство.

Сколькоразъ мы принимаемъ участіе въ похоронѣ собратій нашихъ, должны бы мы всякійразъ выносити такое впечатлѣніе, что всякій истекшій день житія нашего невидимо причиняется къ построенію гроба нашего. Вчерашній день еще нашъ, а о завтрашнемъ неможемъ поручитися: узримъ-ли свѣтъ солнца? или сомкнетъ очи смертная тма? Мы родилися смертными, итакъ начало исхода нашего отъ сего свѣта, начинается съ перваго дня нашего прихода на сей свѣтъ, св. апостолъ Павелъ сказалъ о себѣ: **По всѧ́ днѝ оу҃мира́ю**, (I. Кор. XV. 31.) стало быти умираемъ отъ колюбели до того часа, когда бездыханное тѣло вложатъ во гробъ. Мы считаемъ себе живыми, а межъ тѣмъ нашъ похоронъ уже давно начался.

По какой же причинѣ — наперекоръ сему — остается воля наша неподвижною къ нравственнымъ подвигамъ? по недостатку-ли яснаго сознанія нашего состоянія и цѣли? по боязни-ли отъ трудности средствъ и условій? или по инымъ причинамъ? Есть люди, которые присутствуя на похоронѣ другихъ, неимѣютъ сознанія о совершающемся одновременно собственномъ похоронѣ. Какъ несознаетъ лежащее въ гробѣ тѣло, что вокругъ него сошлися люди, чтобы отдати ему послѣднее почтеніе, церковные служители возжегли кадило, окрестъ горятъ свѣчи, двигается шествіе къ церкви, предносится крестъ и хоругви, воспѣвается псаломъ: **Блаже́нни непоро́чнїи вѣ пⷭ́тѝ, ходѧ́щїи вѣ зако́нѣ Госпо́дни**: равно такъ несознаетъ своего состоянія человѣкъ, увлекшійся житейскими пристрастіями до самозабвенія, никогда непомышляющій о предстоящей смертной годинѣ, и остающійся въ омертвѣлой нравственной неподвижности. Иные ясно сознаютъ свое состояніе, и цѣль земнаго житія,

но наперекоръ тому воля ихъ остается неподвижною къ нравственнымъ подвигамъ, потому что для нихъ составляетъ трудность оторватися отъ овладѣвшихъ ими преступныхъ привычекъ. Иные прельщаютъ себе, что есть еще время, когда послѣ полнаго насыщенія беззаконными наслажденіями, успѣютъ и подъ старость лѣтъ принести плоды исправленія житія; въ такомъ заблужденіи полагаясь на оправданіе разбойника, думаютъ, что тотъ въ послѣднія минуты получилъ прощеніе, но забываютъ, что въ то время земля тряслася и каменіе распадалося, и выпускаютъ изъ виду, что тамъ былъ и другій разбойникъ, который неудостоился благодати покаянія. Въ такой нравственной неподвижности увлекаютъ волны пристрастій многихъ въ пучину гибели.

Съ нами да не случится такого несчастія благочестивое собраніе! Живо сообразимъ, что послѣ нравственнаго подвига, если благополучно дойдемъ къ предѣлу нашего странствованія, праведниковъ ожидаетъ другосвѣтнее торжество вѣчнаго блаженства. Предстоящее исполненіе сей надежды, должно постоянно одушевляти насъ новою силою. Въ священномъ писаніи стоитъ, что когда народъ Израильскій высвободившися изъ плѣна Египетскаго, странствовалъ чрезъ пустыню, въ обѣтованную землю, Богъ въ день показывалъ ему путь столпомъ облачнымъ, а нощію столпомъ огненнымъ, (Исход. XIII. 21.) такъ и для насъ достиженіе славы небеснаго Іерусалима, да будетъ яснымъ путеводительнымъ столпомъ. Положимся въ состояніе находящихся на пути къ небесному блаженству странниковъ, неусыпно станемъ возносити кадило молитвы о благополучномъ достиженіи нашей цѣли; подобно горящимъ свѣчамъ да неугасаетъ въ сердцахъ нашихъ пламень вѣры, постоянно оживляемой обильнымъ плодородіемъ добрыхъ дѣлъ; въ подвигахъ нашихъ да будетъ путеводителемъ нашимъ побѣдоносное знамя св. креста; если почувствуемъ изнеможеніе на пути, помнимъ, что сила воли почерпается въ божественномъ источникѣ любви Божіей, ею укрѣпляемы благополучно окончимъ теченіе, и удостоимся награды вѣнца небесной нескончаемой славы. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ СУДІЕЮ, ИЛИ НАДЪ КОТОРЫМЪ-НИБУДЬ МЕРТВЕЦОМЪ.

Содержаніе: Совѣсть судія дѣлъ нашихъ.

Ви́дите, что́ вы́ твори́те, не челове́ческій бо вы́ су́дъ твори́те, но Госпо́день, и́ съ ва́ми слове́сна су́дя.

Книга Паралипоме́нонъ XIX. 6.

Справедливость ставится основаніемъ державъ. Положительно, немыслима прочность никакого учрежденія, если она незиждется на божественномъ основаніи справедливости. Вседержитель создалъ свои вѣчные законы на семъ основаніи, потому что Онъ верхъ справедливости; единственно отъ сего источника можетъ происходити крѣпость, прочность, и благополучіе міровъ и сердецъ. Его держава есть вселенная, въ составъ которой входятъ всѣ прочія державы, Онъ судія надъ всѣми судіями, Его святый законъ надъ всѣми законами. На основаніи удовлетворенія правдѣ Божіей создалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ церковь свою, или царство свое на земли и на небесахъ. Отецъ небесный такъ говоритъ къ Нему: **Проси́ о́тъ мене́, и́ да́мъ ти́ язы́ки достоя́ніе твое́, и́ держа́ніе твое́ концы́ земли́.** (Псал. II. 8.) и на другомъ мѣстѣ сказалъ человѣкамъ: **И́ возсіе́тъ ва́мъ боя́щимся и́мене моего́ со́лнце пра́вды.** (Малах. IV. 2.)

Какъ отъ солнца получаютъ свой свѣтъ милліоны звѣздъ, такъ отъ солнца правды озаряются всѣ умныя существа; правда Его царства поставлена неодолимою властію надъ царствомъ духовъ, и надъ царствами земными; всѣ

законы исходятъ отъ сего источника, питаются имъ, и сосредоточиваются въ немъ, какъ во своей первой причинѣ, и своей послѣдней цѣли. При озареніи Солнца Правды взоръ нашъ становится надъ божественнымъ учрежденіемъ церкви, и надъ учрежденіемъ земныхъ государствъ; между ними вслѣдъ замѣчаемъ ту разницу, что законы земныхъ государствъ стараются по преимуществу о земномъ благополучіи людей, межь тѣмъ законы церкви царствуютъ надъ душевнымъ міромъ; но между собою стоятъ въ такомъ тѣсномъ союзѣ, въ какомъ союзѣ стоитъ душа съ тѣломъ. И душа и тѣло имѣютъ одну цѣль, такъ и законы земныхъ царствъ должны быти согласны съ вѣчнымъ закономъ царства небеснаго, потому что Христосъ властитель и надъ царствами земными и надъ всею вселенною.

Мѣрою ума человѣческаго можно сдѣлати сравненіе, между величіемъ одной земной державы и другой, между великими городами и малыми селеніями, между землею и землями, между людьми и людьми: но невозможно сдѣлати сравненія между вселенною, и между ея маленькою составною частицею — землею, или между земнымъ судіею и вѣчнымъ Судіею, то далеко превосходитъ силу земнородныхъ. Одно извѣстно, и то по свидѣтельству священнаго писанія, что судіи земные творятъ судъ Господень, или они занимаютъ мѣсто Судіи небеснаго. **Ви́дите, что̀ вы̀ твори́тѣ, не человѣ́ческій бо вы̀ сѫ́дъ твори́тѣ, но Госпо́день, и̂ съ ва́ми словеса̀ сѫ́дна̀.** Значитъ: вы наблюдаете на землѣ надъ исполненіемъ справедливости небесной, далѣе на семъ основаніи въ вашей должности стоитъ трудитися надъ упроченіемъ селеній, городовъ, волостей, и державъ; но будучи людьми, произнося судъ надъ подсудимыми, произносите судъ и надъ собою, и съ вами словеса суда. **На́чи́тесѧ сѫ́дїи конце́въ землѝ: . . . ѩ̀кѡ дана̀ е́сть о́тъ Госпо́да держа́ва ва́мъ, и̂ си́ла о́тъ Вы́шнягѡ, и̂́же и̂спы́та́етъ дѣла̀ ва́ша, и̂ помышле́нїа испыта́етъ.** (Кн. прем. Сол. VI. 1—3.)

Господь неостановился на томъ, что на землѣ предоставилъ значительную часть своей власти людямъ: царямъ царства, и рѣшати надъ войною и миромъ; судіямъ судилища, и произносити судъ даже надъ жизнію и смертію;

Онъ въ равной мѣрѣ дивенъ въ безпредѣльно великихъ и малыхъ дѣлахъ, или въ комъ невозбудитъ удивленія, что Онъ отдѣльно во всякомъ человѣкѣ создалъ одну самостоятельную державу, въ которой царемъ поставилъ духъ, а судіею совѣсть? Что надъ землею, и надъ небесами существуетъ законъ вѣчной справедливости, исходящій отъ самаго Создателя, Онъ поставилъ въ сердцѣ человѣческомъ неусыпнаго наблюдателя — око совѣсти нашей; оно свидѣтель присутствія Его, оно обвинитель и неумолимый судія нашихъ дѣлъ, мыслей, и чувствъ. Царствующая надъ совѣстію нашею власть, нетерпитъ того, чтобы и въ малѣйшей степени былъ оскорбленъ вѣчный законъ справедливости, приводитъ насъ къ убѣжденію: что она — сія власть — существуетъ выше земнаго міра, и принадлежитъ тому неизреченному невидимому Существу, которое царствуетъ надъ нашимъ духомъ, и надъ порядкомъ всей вселенной. Око совѣсти неусыпный сторожъ надъ всѣмъ тѣмъ что происходитъ въ насъ; скорѣе усыпишь, ублажишь, подкупишь всѣхъ супостатовъ твоихъ, чѣмъ бы ты могъ домолитися отъ него хоть кратковременнаго покоя, или малѣйшей пощады когда ты виноватъ; скорѣе добьешься отъ злѣйшаго врага прощенія, чѣмъ отъ него милосердія. Отъ совѣсти нескрыемся, неубѣжимъ, неуничтожимся; она повсюду сопровождаетъ насъ въ жизни, сопровождаетъ и въ загробную жизнь предъ судъ Божій.

Въ равной мѣрѣ проявляется существованіе вѣчнаго закона въ сердцѣ человѣческомъ въ состояніи благодати; первымъ поселяется въ сердце миръ, безоблачное веселіе, въ страданіяхъ великодушіе, и во всемъ надежда на помощь и покровительство Божіе. Въ такомъ состояніи совѣсть сердце наше ублажаетъ, крѣпитъ, облагорождаетъ, потому что полагаясь вполнѣ на любовь Отца небеснаго, неможетъ сомнѣватися о томъ, что Онъ нетолько имѣетъ попеченіе о своихъ дѣтяхъ, но и содѣйствуетъ имъ своею благодатію во благо, споспѣшествуетъ въ соблюденіи и пріобрѣтеніи дальшей благодати и заслугъ. Безъ Его вѣдома неспадетъ ни одного волоса съ головы нашей, Онъ предводитель путей нашихъ, счастіе предпріятій, наградитель добродѣтелей, врачь страданій.

Представляется вопросъ: Откуду происходитъ двойное дѣйствіе совѣсти нашей, что она въ состояніи благодати пріобрѣтаетъ въ насъ миръ и силу, а въ противномъ случаѣ производитъ муки? Причина мукъ, угрызеній и всякаго зла, исходитъ отъ источника зла, завистника счастія человѣка, прельстившаго къ преслушанію прародителей, змѣя древняго. Супостатъ полагаясь на приклонность ко злу испорченной природы человѣческой, прилагаетъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы нарушити въ немъ миръ совѣсти, побуждаетъ къ преступленіямъ, искушаетъ, преслѣдуетъ, безпокоитъ, терзаетъ сомнѣніями, недовѣріемъ, скорбьями, лестію, напастію, и насиліемъ. Но непорочная совѣсть для всѣхъ его искушеній становится недоступную, неодолимою, страшною крѣпостію. Возможно-ли, чтобы врагъ осмѣлился приступати ко взятію такого укрѣпленнаго мѣста, покровителемъ и защитникомъ котораго состоитъ самъ Господь Вседержитель? Онъ хранитель, Онъ защитникъ, Онъ борется, Онъ торжествуетъ!

Ясно, что совѣсть наша до того времени, доколѣ чувствуетъ угрызеніе про нарушеніе божественнаго закона справедливости: хотя находится въ больномъ состояніи, но еще жива, и нравственно живъ и духъ нашъ; печально, когда совѣсть приходитъ въ такое состояніе, что болѣе нечувствуетъ угрызеній: она стала мертвою, духъ нравственно погибъ, подпалъ темной власти, и обрекъ себе осужденію.

Послѣ сего, нужно-ли далѣе доказывати вамъ благочестивое собраніе! что совѣсть наша есть вѣрный предвѣстникъ того суда, который произнесенъ будетъ надъ нами вѣчнымъ Судіею въ загробной жизни? нужно-ли доказовати, что совѣсть наша служитъ залогомъ или оправданія, или осужденія? Или, можетъ-ли кто-нибудь для своего оправданія придумати причину, что онъ неимѣлъ свидѣнія о своей принадлежности къ Богу, когда совѣсть вѣчно напоминала его о томъ? Для пріобрѣтенія свидѣній небыло нужды обращатися къ другимъ людямъ, трудитися въ далекія страны, тратити имущество, подвергати опасности здоровье: совѣсть всегда жила въ насъ, при каждомъ поступкѣ заставляла насъ чувствовати свое присутствіе.

Счастливъ, совѣсть кого исполнена миромъ Божіимъ, апостолъ говоритъ такъ: **И̑ мі́ръ Бо́жій превосходя́й вся́къ ꙋ̑мъ да соблюде́тъ сердца̀ ва́ша и̑ разꙋмѣ́нія ва́ша ѡ̑ Христѣ̀ Іисѹ̑сѣ.** (Філіпп. IV. 7.) Такъ высоко то благо, что если бы Богъ недалъ болѣе награды кромѣ сего мира, было бы такимъ неоцѣнимымъ даромъ, что самъ тотъ даръ могъ бы побудити всѣхъ къ самымъ труднѣйшимъ подвигамъ, чтобы прійти въ состояніе наслаждатися его блаженствомъ.

Если роза, или лилія, все мѣсто, на которомъ она цвѣтетъ, наполнитъ превосходнымъ ароматомъ: такъ и человѣкъ одаренный миромъ Божіимъ, наполняетъ благородствомъ своимъ весь кругъ, въ которомъ онъ живетъ. Неподлежитъ сомнѣнію; если корень святъ, то и вѣтви святы; какова въ источникѣ вода, такова изъ него исходитъ; потому изъ прѣснаго источника исходитъ прѣсная вода, изъ минутаго минутная, изъ гнилаго гнилая: равно къ свойствамъ совѣсти гнилой принадлежитъ — прошенно или непрошенно, справедливо или несправедливо, другихъ подвергати осужденію, но то всегда вѣрный знакъ нравственной низости. Апостолъ такъ напоминаетъ: **Ты̀ же почто̀ ѡ̑сꙋ́жда́еши бра́та твоего̀? и̑лѝ ты̀ что̀ ꙋ̑ничижа́еши бра́та твоего̀? вси́ бо предста́немъ сꙋ́дищꙋ́ Христо́вꙋ.** (Римл. XIV. 10.)

Такимъ образомъ, по порядку, выдвинулися мы мысленно благочестивое собраніе! отъ того источника, что Вседержитель создалъ свои вѣчные законы на основаніи справедливости, на семъ основаніи зиждется вселенная, на семъ основаніи съ удовлетвореніемъ правдѣ Божіей учредилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ церковь свою; потомъ сравнили мы гражданскіе и божественное законы съ союзомъ, существующимъ между тѣломъ и душею, у которыхъ одна цѣль; перешли мы затѣмъ, что Господь предоставилъ значительную часть своей власти людямъ, именно, быти судіями суда своего; кромѣ сего составилъ Онъ въ сердцѣ человѣческомъ неусыпнаго наблюдателя — око совѣсти нашей, которая состоитъ судіею нашихъ дѣлъ, и уже въ земномъ житіи можетъ насъ сдѣлати счастливыми или несчастливыми, и есть залогомъ нашего будущаго спасенія или осужденія. Теперь уже все сіе примѣнимъ къ житіи,

лежащаго предъ нами покойника. . . . (Примѣненіе по усмотрѣнію.)

Остается для насъ, присутствующихъ на похоронѣ отходящаго въ другосвѣтнюю жизнь брата нашего, самыхъ себе положити въ состояніе подсудимыхъ. Положимъ, мы провинилися въ чемъ-нибудь, или вслѣдствіе нѣкоторой напасти мы принуждены вести тяжбу предъ мірскимъ судіею. Но мы находимся въ такой принужденности, что наше дѣло несовсѣмъ справедливо, ни надежныхъ свидѣтелей ни вліятельныхъ покровителей нѣтъ, на которыхъ бы мы могли полагатися, а тутъ судія славится строгостію справедливости, неподдается подкупу, взяточничеству; изрекаютъ надъ нами неблагопріятный судъ, мы подносимъ наше дѣло выше. Что-за страхъ обладаетъ нами, сколько проводимъ безсонныхъ ночей въ неизвѣстности, волоса очевидно сѣдѣютъ, здоровье губится, житіе становится мучительнымъ, неодинразъ воздыхаемъ, и желали бы лучше находитися въ темномъ гробѣ, чѣмъ на Божіемъ свѣтѣ. Такъ протягивается мучительная неизвѣстность годъ, нѣсколько годовъ, вконецъ получаемъ рѣшеніе верхняго суда, но не въ нашу пользу. Что-же? неспрашиваю васъ, пріятно-ли такое состояніе? или нѣтъ? Представлю только на видъ, что предъ всѣми нами предстоитъ страшный судъ Божій, при памяти котораго трепетали на отходѣ отъ сего свѣта и сами праведники. Дайте мнѣ такія слова, которыя бы чѣмъ глубже проникли въ глубину совѣсти вашей, чтобы потрясли весь составъ вашъ духовный, чтобы принудили васъ къ тому, пока житіе ваше еще неугасло, затвердити въ памяти вашей слѣдующее:

Мы еще живемъ, слѣдовательно: намъ непресѣчено смертію время покаянія; потому первымъ нравственнымъ нашимъ подвигомъ да будетъ: привести состояніе совѣсти нашей въ примиреніе съ Богомъ, потомъ слѣдуетъ степень состоянія благодати, чтобы мы съ послѣднимъ вздохновеніемъ могли воскликнути: **Похвале́ніе на́ше сіѐ е́сть, свиде́тельство со́вѣсти на́шея.** (II. Кор. I. 12.) Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ ВОИНОМЪ, ИЛИ НАДЪ КОТОРЫМЪ-НИБУДЬ МЕРТВЕЦОМЪ.

Содержаніе: О побѣдѣ надъ собою.

Никто́же во́инъ бы́вае́мъ ѡ҃бязу́ется ко́плами жите́йскими, да воево́дѣ ѹ҃го́денъ бу́детъ.
II. Тімоѳ. II. 4.

У сознательнаго человѣка, нѣтъ переднѣйшаго закона, надъ точнымъ исполненіемъ долга, присущаго его званію. Потому излишне болѣе развивати ясное изреченіе апостола о томъ, что воина недолжны опутывати такія занятія, которыя принадлежатъ къ кругу дѣятельности людей другаго званія. Не его дѣло торговля, земледѣліе, управленіе, законодательство, правосудіе, политика, и дипломатическія хитрости; предъ его взоромъ должна надо всѣмъ постоянно сіяти слава того знамени, въ защиту котораго онъ присягою обязался, чтобы у своего Повелителя удостоился признательности, отличій, и наградъ, да воево́дѣ ѹ҃го́денъ бу́детъ. Отъ него, кромѣ знанія своего дѣла, немало требуется мужества въ перенесеніи трудовъ; немало ловкости, осторожности, отваги въ сраженіяхъ съ непріятелемъ; вѣрности къ знамени; доблести и неустрашимости въ подвигахъ; великодушія, презрѣнія опасностей и смерти. Кто изъ воиновъ имѣетъ всѣ сіи свойства, тотъ положительно имѣетъ право на названіе добраго воина, и не будетъ лишенъ заслуженнаго вѣнца воинской славы.

Представимъ одну живую картину событій во время взятія приступомъ нѣкоторой крѣпости. По данному знаку изо всѣхъ сторонъ начинается приступъ, по лѣсницамъ

безъ оглядки отважно взбираются воины, межь тѣмъ сверху раздается усиленный грохотъ огнестрѣльныхъ оружій, мѣткіе выстрѣли сыплются градомъ, содрогается воздухъ отъ грома тяжелыхъ орудій; звуки трубъ, крикъ людей, учащенный огонь, дымъ, кровь, раны, ожесточеніе, удовлетвореніе мести; смерть богато пожинаетъ свои жертвы, и справа и слѣва падаютъ пораженные неиначе трава подъ косою, ряды подвижниковъ рѣдѣютъ, но ихъ мѣсто заполняютъ новоприбывающіе, иные успѣли добитися верха стѣны, нѣкоторые уже ворвалися на площадь, завязывается отчаянный рукопашный бой, человѣкъ борется съ человѣкомъ въ ужасномъ поединкѣ, у обоихъ очи заплыли кровью, льется кровь и изъ устъ вслѣдствіе превышающей силу борьбы, нерѣдко сцѣпившіеся борцы, держа другъ друга намертво, въ крайнемъ изнеможеніи падаютъ оба съ высоты стремглавъ внизъ. Новыя силы прибываютъ съ усиленнымъ приступомъ, раздаются одушевленные крики: Напередъ! за вѣру, царя, и отечество! напередъ! Послѣ долгой борьбы, послѣ многихъ жертвъ, вконецъ на высотѣ является развѣваемое вѣтромъ побѣдоносное знамя, потомъ больше знаменей, воздухъ погрясаетъ крикъ побѣды, которому вторятъ слабымъ голосомъ и тяжело раненые отъ исподи окоповъ, ещеразъ очи умирающихъ озаряются неестественнымъ свѣтомъ, вырывается у нихъ изъ груди одно послѣднее вздохновеніе, и умираютъ въ упоеніи побѣды.

Послѣ занятія крѣпости, съ одной стороны торжествуютъ побѣдители, съ другой стороны съ потупленнымъ взоромъ стоятъ побѣжденные защитники; на обѣихъ сторонахъ сохранены условія воинскаго долга, но вѣнецъ славы надлежитъ побѣдителямъ. Въ первыя минуты, въ восторгѣ торжества, мало кто обращаетъ вниманіе на падшихъ, хотя по справедливости имъ принадлежитъ первая и значительная часть въ пріобрѣтеніи того вѣнца, которымъ славятся пережившіе ихъ сподвижники. Одинъ славный греческій воевода Ѳиванскій (по имени Эпаминондасъ), въ битвѣ храбро ратоборствовавшій, смертельно раненъ, умирая спросилъ: при немъ-ли его щитъ? и побѣжденны-ли непріятели? когда получилъ благопріятный отвѣтъ, сказалъ: Теперь конецъ жизни моей: но для мене насталъ лучшій и высшій со-

ставъ: теперь Эпаминондасъ родится, потому что онъ такъ умираетъ. (Val. Max.) Будетъ справедливо, падшихъ въ кровопролитной битвѣ воиновъ назвати мучениками своего званія, жертвою долга и вѣрности къ своему знамени.

Неоспоримо, что въ жизни поодинокихъ народовъ, взятіе нѣкоторой знаменитой крѣпости, и событія славныхъ побѣдъ, могутъ имѣти высокое значеніе, потому что увеличаютъ могущество народа, свѣтлыми письменами записываются на странницы исторіи, и запечатлѣваются въ памяти потомковъ. Могутъ высоко цѣнитися отличія и награды воиновъ, но я благочестивое собраніе! желаю обратити вниманіе ваше на другое воинство, другія награды — награды вѣчныя, и всемірную державу Царя-Христа. Если воины земнаго царя про временную побѣду, и мимоидущею славу съ такимъ мужествомъ подвизаются, и проливая свою кровь съ послѣднимъ вздохновеніемъ въ упоеніи побѣды умираютъ, что долженъ сдѣлати воинъ Христовъ про вѣнецъ нетлѣнный, и про вѣчную славу? Мысленно проносятся предъ нами полки пострадавшихъ за Христа мучениковъ, и иныхъ подвижниковъ и праведниковъ, увѣнчанныхъ вѣнцами славы небесной, что за разница между ихъ славою, и между славою падшихъ на полѣ брани воиновъ! Временный вѣнецъ, временна слава.

Знаемъ, что всякій христіанинъ со времени св. крещенія сочетался Царю-Христу, и обязался подъ знаменемъ побѣдоноснаго креста воинствовати, безъ перемирія сознательно вести войну за пріобрѣтеніе вѣнца славы небесной; въ противномъ случаѣ онъ равняется воину, который носитъ одежду и оружіе извѣстнаго полка, принимаетъ участіе въ упражненіяхъ, и нѣкоторыхъ торжествахъ, но съ непріятелемъ никогда несражался, или еще пуще — если въ первомъ же сраженіи попался въ плѣнъ. Сознательный воинъ Христовъ прежде всего сообразится со всѣми обстоятельствами: кто его врагъ? каковы у него оружія? сила? хитрости? Сообразитъ и свою силу, оружія, пособія, и условія побѣды, и тогда уже добрый воинъ Христовъ перекрестися, и во имя Господне ступай напередъ!

Кто твой врагъ? Враговъ у тебе больше. Первый, разумѣется, діаволъ, завистникъ твоего блаженства, и вся-

каго нравственнаго успѣянія, который по свидѣтельству св. писанія **ꙗ҃кѡ лє́въ рыка́ѧ хо́дитъ, и҆ска́й кого̀ поглоти́ти.** (I. Петр. V. 8.) Онъ опасенъ, потому что подступаетъ въ разныхъ привлекательныхъ видахъ, съ притворствомъ, расчетливо, съ неуловимыми хитростями, одинразъ съ ласкательною нѣжностію, другійразъ съ разбойническимъ насиліемъ; пользуется сподвижничествомъ всего міра; и сообрази, уловляетъ тебе самаго, твое сердце, въ которомъ преобладаютъ приклонности ко злу. Смотри, побори его первыя искушенія, и онъ утратитъ силу, по словамъ св. писанія: **Проти́витєсѧ діа́волꙋ, и҆ бѣ́житъ о҆́тъ ва́съ.** (Іак. IV. 7.) Добрый воинъ Христовъ ступай напередъ!

Кто твой врагъ? Другій твой врагъ міръ съ своими красотами, привлекательностью, прелестями, злыми обычаями, соблазнами, подлымъ примѣромъ, высмѣяніемъ нравственности, восхваленіемъ беззаконій, но ты неунывай въ борьбѣ. *Изнѣженный ты воинъ* — говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ — *если ты думаешь, что можешь безъ борьбы побѣдити, безъ подвига торжествовати. Развій силы, твердо борися, въ сей битвѣ жестоко сражайся. Вспомни обязательство, смотри условія, познавай воинство; обязательство, которое ты обѣщалъ; условія, при которыхъ ты вступилъ* (воинство); *воинство, имя котораго носишь.* (Serm. de martyrib. tom. 3.) Сіи золотыя слова завершаетъ св. Августинъ такимъ побужденіемъ: *Богъ видя своихъ подвижниковъ, вспомогаетъ подвизающихся, и созывающихъ къ Нему.* (Serm. 105.) Ты добрый воинъ Христовъ ступай напередъ!

Кто еще твой врагъ? Ахъ третій и найбольшій твой врагъ: ты самъ; самаго слѣдуетъ тебѣ побѣдити: собственную похоть плоти, похоть очесъ, и гордость жизни. Въ тебѣ самомъ существуютъ твои измѣнники, которыми при первомъ удобномъ случаѣ воспользуется твой врагъ, чтобы тебе собственнымъ оружіемъ смертельно паразити. Безуменъ такій воинъ, который отдаетъ врагу оружіе, чтобы имъ отъ него получилъ смертельный ударъ. Смотри: твои очи, уха, носъ, уста, руки, ноги, тѣ легко уязвимыя части твоей крѣпости, которыми врагъ пріобрѣтаетъ доступъ въ сердце. Твердо замкни доступъ въ сердце, не дай силы пожела-

піямъ, если согласишься съ измѣнниками подаешь имъ силу; ненадѣйся на побѣду если отдашь свою силу непріятелю. Побѣди себе!

Если воля твоя до сего часа непроходила въ движеніе, по той причинѣ, что ты чувствовалъ себе немощнымъ вступити въ борьбу противъ власти страстей, которыя поработали тебе: опомнися, въ борьбѣ человѣка съ самымъ собою, немало предстоитъ ему одолѣти трудностей. Многоразъ ослабѣваетъ, падаетъ, сокрушается о своемъ паденіи, и снова встаетъ, полагайся на помощь благодати Божіей, востань, и побѣди себе!

Съ другой стороны непрельщай себе твоимъ мнимымъ благочестіемъ, потому что кто приписываетъ себѣ заслугу въ нравственномъ успѣяніи, котораго у него нѣтъ, или достиженіе совершенства отъ котораго онъ еще далеко, полагается на собственныя силы, такою самоувѣренностію лишаетъ себе благодати, потому что **всѧ́ко да́ніе бла́го и́ всѧ́къ да́ръ совершѐнъ, свы́ше е́сть, сходя́й о́тъ О́тца̀ свѣ́товъ.** (Іак. I. 17.) Кто полагается на свои силы близь стоитъ къ паденію. Побѣди себе!

Если тебѣ все удается по желанію, куда ни поступишься повсюду сопровождаетъ тебе счастіе, повсюду встрѣчаешь новыя радости, и среди твоего благополучія забываешь о суетѣ и измѣнчивости житейскихъ благъ, проводишь дни за днями въ полуснѣ, межь тѣмъ твой душевный бытъ заглушила нравственная плѣсень: возбудися, побѣди себе!

Если тебе изо всѣхъ сторонъ преслѣдуетъ злополучіе, непереимаются черные дни, недостатки, нищета, болѣзни, кривда, бѣдствіе, укоризны: страдай великодушно и далѣе, **Є́гоже лю́битъ Госпо́дь, наказу́етъ; біе́тъ же всѧ́каго сы́на, є́гоже прі́е́млетъ.** (Евр. XII. 6.) Изъ устъ твоихъ да не сорвется роптаніе, побѣди себе!

Смотри, въ торжественную минуту смерти, все отпадетъ непринадлежащее вѣчности, все что не наше; а упрочено будетъ на вѣчность только то, что составляетъ вѣрное достояніе и сокровище нашей души — побѣду надъ собою. Спросите лежащаго въ гробѣ покойника о плодахъ житія его, спросите о цѣнности земныхъ его подвиговъ? и о цѣнности вѣнца, получаемаго на другомъ свѣтѣ за подвигъ

побѣды надъ собою? Отъ него отвѣта неполучите, но живымъ отвѣтомъ вы сами благочестивое собраніе! дайте отвѣтъ о себѣ, какъ онъ даетъ отвѣтъ предъ вѣчнымъ судіею. Вы проходите земное поприще (какого бы вы нибыли званія) тѣмже путемъ, и при такихъ же условіяхъ, при какихъ проходилъ свое поприще покойникъ до самаго гроба. Когда мы на его исходѣ упоминаемъ о точномъ исполненіи долга, присущаго его бывшему званію . . . и проч. (Если нужно, можно сдѣлати примѣненіе къ воинскому званію, семейнымъ обстоятельствамъ, нравственному поведенію покойника).

Въ довершеніе, тѣмъ заключаю мои слова, что нѣтъ побѣды подъ небомъ, надъ побѣдою человѣка надъ самымъ собою; всѣ прочія побѣды пройдутъ безслѣдно, какъ иногда въ послѣдней трубѣ пройдетъ образъ міра сего. Останется единственно побѣда человѣка надъ самымъ собою, и перейдетъ въ нескончаемую вѣчность. Счастливъ, кто исходя отъ сего житія, съ послѣднимъ вздохновеніемъ можетъ примѣнити къ себѣ слова апостола: **По́двигомъ до́брымъ подвиза́хсѧ, тече́ніе сконча́хъ, вѣ́рꙋ сохрани́хъ: Прочее́ ꙋ̑бо сохраня́етсѧ мнѣ̀ вѣне́цъ пра́вды, е́гоже воздасть мѝ Го́сподь въ де́нь о́нъ, пра́ведный сꙋ́дія, не то́кмо же мнѣ̀, но и̑ всѣ́мъ возлю́бльшимъ а̑вле́ніе е́гѡ̀.** (II. Тімоѳ. IV. 7—8.) Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ СЕМЕЙНЫМЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ.

Содержаніе: О трехъ пріятеляхъ человѣка.

Ѩще бо и̑ пойдѹ̀ посредѣ сѣ́ни смéртным, невоюсѧ зла, ꙗ̑ко со мно́ю есѝ: жезлъ твóй и̑ пáлица твоѧ̀ тà мѧ̀ ѹ̑тѣшúста.

Псал. XXII. ст. 4.

Благочестивый странникъ, когда среди странствованія своего, гдѣ-нибудь встрѣчаетъ развалины церкви, невольно пріостановится, и подумаетъ о томъ времени, когда верхъ церкви украшалъ золотомъ сіяющій крестъ, призывающій къ богослуженію звонъ колоколовъ далеко раздавался по окрестности, внутри на престолѣ стояла книга св. евангелія, горѣли свѣчи, возносился дымъ кадила, и съ пѣснопѣніями приносилася жертва Богу. Теперь все тихо, все умолкло, послѣ извѣстнаго времени небудетъ и развалинъ, а позже никто не скажетъ, что на этомъ мѣстѣ когда-то стояла церковь.

Отъ тихихъ развалинъ церкви, мысли человѣка самисобою переносятся къ живымъ церквамъ, къ которымъ св. апостолъ Павелъ взываетъ (I. Кор. III. 16.): **Не вѣ́сте-ли, ꙗ̑ко хра́мъ Бо́жій е̑сте, и̑ Дх̑ъ Бо́жій живе́тъ во ва́съ?** Стало быти: всякій человѣкъ есть храмъ Божій; все время, пока душа пребываетъ въ немъ, языкъ издаетъ голосъ какъ на церкви звонъ колоколовъ, горятъ свѣчи жизни, сѣяетъ крестъ, возносится кадило молитвы, на престолѣ сердца стоитъ евангеліе, приносится жертва Богу.

Но съ наступленіемъ смерти, храмъ Божій равняется развалинамъ. Языкъ умолкъ, они не видятъ, слуха нѣтъ,

святильникъ жизни угасъ, тѣло покоится недвижимо, и даже начало уже растлѣватися. Ахъ мертвецъ! Скажи, гдѣ твой образъ Божій, на который ты созданъ по душѣ? гдѣ твоя душа? гдѣ жизнь? гдѣ голосъ твоего языка? почто невидятъ очи? почто неслышишь нашихъ словъ? Неотвѣчаешь?

Отвѣта нѣтъ. Все тихо, все безмолвно! Но кто невидитъ, что сама смерть есть потрясающій отвѣтъ, смерть наука для живыхъ. Гробовая тишина, смертное молчаніе громче говоритъ всякаго человѣческаго голоса. Это смертное молчаніе говоритъ намъ о стоящемъ предъ нами въ развалинахъ — бывшемъ храмѣ Божіемъ — слѣдующую повѣсть:

У одного царя были три пріятели, изъ которыхъ онъ двохъ страстно любилъ, а ко третіему относился ни тепло ни холодно. Межь тѣмъ, предстояло ему неотвратимое бѣдствіе, именно, въ странѣ былъ такій законъ, что царь могъ царствовати только до извѣстнаго срока, послѣ истеченія котораго, совлекали съ него царскія отличія и одежды, и немилосердно изгоняемъ былъ изъ предѣловъ страны. У него было за моремъ наслѣдіе, но на счетъ онаго наслѣдникъ оставался въ неизвѣстности: окажется-ли оно наслѣдіемъ славы? или наслѣдіемъ рабства? прежде необходимо слѣдовало переплыстн пространство бурнаго моря. Уже и посѣдніе дни убѣгали неудержимо, горе, въ такомъ безпомощномъ состояніи куда ему обратитися за утѣшеніемъ? Обратился къ своимъ тремъ пріятелямъ, и со слезами изложилъ имъ свое бѣдственное положеніе.

Первый изъ возлюбленныхъ пріятелей въ утѣшеніе сказалъ ему:

— Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, ты меня во всю жизнь твою страстно любилъ, теперь тебѣ предстоитъ неотложно опасная дорога, если ты благополучно переправишься на другій берегъ, ты получишь свое наслѣдіе, и останешься въ немъ; а если въ плаваніи перетерпишь крушеніе, пропадешь въ глубинѣ морской, такимъ образомъ ты больше никогда не возвратишься къ намъ. Но въ засвидѣтельствованіе моей приклонности къ тебѣ, я буду тебя съ утѣшеніемъ сопровождати до берега моря, и въ память нашего

пріятельства подарю тебѣ приличную одежду и челнокъ для плаванія.

Другій возлюбленный пріятель сказалъ ему:

— Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, ты меня страстно любилъ, все что было у тебя съ удовольствіемъ дѣлилъ со мною, любовь твоя неимѣла предѣловъ, ты пожертвовалъ бы для меня даже собственною жизнію. Потому я принимаю полное участіе въ твоей печальной судьбѣ, буду сокрушатися и оплакивати твое безвозвратное удаленіе, буду сопровождати тебя до берега моря, и среди горькихъ слезъ и рыданій тебя долго поминати.

Третій пріятель сказалъ ему:

— Будь добрымъ духомъ, и полагайся на мою помощь. Помни, я возвелъ тебя на престолъ царскій, и въ твоей нуждѣ неотниму отъ тебя руку помощи, я буду съ тобою, и приложу старательство, чтобы ты благополучно достигъ твоего наслѣдія.

Хочете теперь узнати, кто есть упоминаемый въ настоящей повѣсти царь, испытавшій такую судьбу? Не кто другій, то всякій человѣкъ, поставленный отъ Создателя быти надъ всѣми созданіями царемъ. Царство его продолжается не далѣе, только доколѣ продолжается его жизнь. Съ наступленіемъ смерти совлекается съ него его царская одежда, — нагимъ пришелъ на сей свѣтъ, нагимъ долженъ и отходти, — изгоняемъ бываетъ отъ страны сегосвѣтней, и долженъ безвозвратно отплысти къ другосвѣтнему пристанищу своего вѣчнаго наслѣдія. Кто скажетъ? кто извѣстенъ? ахъ, несмѣю вглубитися въ вопросъ: какое ожидаетъ его на другомъ свѣтѣ наслѣдіе?

Первый его пріятель сегосвѣтнее имѣніе, которое онъ въ жизни такъ страстно любилъ, на отходѣ его вмѣсто прощанія скажетъ ему: Изо всѣхъ твоихъ земныхъ сокровищъ, ты больше не можешь понести съ собою, какъ приличную одежду, въ которой будешь похороненъ, и челнокъ — или гробницу, въ которой твое тѣло отнесется въ могилу. Смотри, въ засвидѣтельствованіе моей приклонности къ тебѣ, дойду съ тобою до берега моря, а тамъ уже Богъ съ тобою, плыви счастливо.

Другій пріятель супруга, дѣти, родители, родственники, и друзья. Этотъ пріятель скажетъ: Среди многимъ горькихъ слезъ и рыданій оплакиваю твою судьбу, буду долго неутѣшенъ про твое удаленіе, и долго буду тебя поминати, но я не въ состояніи тебя отмѣнити и цѣною собственной жизни. Дойду съ тобою до берега моря, а тамъ уже Богъ съ тобою, плыви счастливо, хотя отъ горя разрывается сердце мое за тобою.

Третій пріятель вконецъ есть самъ Искупитель — Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Ударяетъ разъ послѣдняя година, и дѣла всего житія становятся предъ очи ужаснымъ упрекомъ. Исходъ души близокъ, и смерть есть предѣлъ, которымъ оканчивается время подвиговъ для человѣка, и начинается время воздаянія, — предстоитъ судъ. Въ послѣднія минуты, при смертномъ одрѣ уже являются съ одной стороны воинства и силы небесныя для отнесенія души, а съ другой стороны власти тмы, обличители нашихъ дѣлъ. Кто поможетъ тебѣ теперь бѣдная душа? Все, что привязывало твою любовь къ землѣ — суета, ни имѣніе ни слава неимѣетъ цѣны; тѣло твое требуетъ земля изъ которой оно создано, смерть требуетъ твою жизнь, а Богъ вызываетъ твою душу на образъ Его созданную. Еще одно вздохновеніе къ единственной помощи безпомощныхъ — Господу Іисусу Христу, исходъ души сбылся, и душа несется въ другосвѣтные предѣлы.

При представленіи сей ужасной минуты, изъ глубины сердца всякаго живаго человѣка вырывается невольное вздохновеніе, и множество мыслей и вспоминаній на счетъ собственнаго житія, и предстоящей ему подобной судьбы. Извѣстно, невозможно непримѣнити къ нашей жизни образъ трехъ пріятелей, изъ которыхъ мы двохъ страстно любимъ, а къ единственной нашей помощи — Господу Іисусу Христу относимся ни тепло ни холодно. Изъ очей нашихъ невольно брызнутъ слезы умиленія, потому что мы въ судьбѣ умершаго имѣемъ причину оплакивати свою собственную неминуемую участь. Всѣмъ бо намъ предстоитъ подобный исходъ души, подобная безпомощность.

Безсомнѣнно, смерть всякаго христіянина есть близка нашему сердцу, потому что мы дѣти одного Отца, и въ

умершемъ имѣемъ причину оплакивати и его, и самихъ себя. Но вы родственники по крови и плоти, имѣете двойную причину оплакивати его, потому что онъ васъ страстно любилъ, онъ своими трудами, неусыпными заботами, прилѣжаніемъ, силою, здоровьемъ, борьбою за добываніе насущнаго хлѣба, и всѣмъ житіемъ своимъ жертвовалъ для васъ, печаленъ для васъ отходъ его на другій свѣтъ, печально его прощаніе.

Вскорѣ оставитъ онъ васъ навсегда, больше неувидите его. Приступите еще разъ къ его оледенѣвшему тѣлу, душа его уже съ другаго свѣта посылаетъ вамъ привѣтъ своихъ неизмѣнившихся чувствъ и цѣлованіе. Чувствуете-ли прикосновеніе неограниченной любви его духа къ вашему духу? — Оставляешь ты насъ навсегда неоцѣнимый кормилецъ! — взываете вы при разлукѣ съ разрывающимся отъ горя сердцемъ. — Нѣтъ, неоставляю васъ любезные, — отвѣчаетъ онъ, — взаимный бо союзъ любви неразрывается смертію, только опередилъ я васъ на отходѣ въ другосвѣтнее наслѣдіе. Прекратите неутѣшный плачь о вашемъ сиротствѣ, Отецъ небесный возьметъ васъ подъ свою защиту, если неотклонитеся отъ Его святыхъ заповѣдей.

И ты любезная жена! и проч.

Слѣдуетъ примѣненіе прощанія къ семейнымъ обстоятельствамъ.

Заключеніе.

И ты прощай душа сего мертваго тѣла, сего лежащаго въ развалинахъ храма! Помолимся о спасеніи твоемъ, да вселитъ тебя Господь по благости своей въ обитель блаженства, идѣже присѣщаетъ свѣтъ лица Его, идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія. При разлукѣ съ тобою сердце сокрушается отъ печали, уста произносятъ слова невѣрнымъ — дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ очахъ блестятъ слезы, изъ глубины души вырываются тяжелыя — невольныя воздыханія, не оттого-ли что мы сопровождаемъ тебя при послѣднемъ твоемъ отходѣ безъ

надежды свиданія? Безъ надежды свиданія? Ужели нѣтъ свиданія за гробомъ?

Прощай, прощай. Но мы помнимъ, что смерть есть начало безсмертной жизни, нашъ духъ возносится надеждою свиданія, иногда снова увидимся въ загробной жизни. Божественныя уста Спасителя сказали: **Азъ єсмь пѫть, и истина, и живо́тъ.** (Іоан. XIV. 6.) Съ Христомъ жити блаженство, съ Нимъ умирати спасеніе, но безъ Него жити мука, безъ Него умирати вѣчное осужденіе. Царь безсмертія, побѣдитель смерти нашъ *путь* чрезъ сѣни смертныя въ другосвѣтнее царство, на Его святую помощь возлагая всю надежду, неубоимся перехода чрезъ двери смерти, и когда ударитъ часъ кончины нашей, да утѣшатъ насъ слова псалмопѣвца: **Аще бо и пойдѫ посредѣ сѣни смертныя, невоюсѧ зла, ꙗкѡ ты со мною єси (Господи!): жезлъ твой и па́лица твоѧ та мѧ оутѣшиста.** Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ ДОЛГО-ХВОРАВШИМЪ СЕМЕЙНЫМЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ.

Содержаніе:

a) значеніе тѣлесныхъ недуговъ, и тѣлесной смерти;
b) значеніе душевныхъ недуговъ, и тѣлесной смерти.

Йго тѧ́жко на сынѣ́хъ Ѳда́мли хъ, сѳ́тъ днѐ йсхо́да йзъ чре́ва ма́тере йхъ до днѐ погребе́нїѧ въ ма́терь всѣ́хъ.

Кни́га премѹ́дрости Іисо́са сы́на Сїра́хова. Гл. 40. ст. 1.

Если и здоровому человѣку приходится чаще изнемогати подъ бременемъ житейскихъ трудовъ, то извѣстно тѣмъ болѣе тяжело состояніе долго хворающаго человѣка. Лежащій предъ нами покойникъ по неизслѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія Божіяго былъ подверженъ продолжительной болѣзни, долго находился между жизнію и смертію, по временамъ слабымъ пламенемъ возобновлялася въ немъ надежда, что поправится его поврежденное здоровье, а между тѣмъ приближающаяся смерть продолжала свое разорительное дѣйствіе, онъ изо-дня въ день болѣе изнемогалъ, постепенно оставляла его сила, и вконецъ ударилъ часъ его кончины. Непринимаюся изобразити того мучительнаго чувства, которое происходило у него про неизвѣстность слѣдующаго часа или дня, а притомъ недугъ продолжался, и протянулся за цѣлые годы.

Всякое чувствительное сердце, при видѣ страждущаго человѣка, принимаетъ участіе въ его страданіи, а у приближенныхъ это чувство превышаетъ всякую мѣру. Съ пол-

нымъ печали сердцемъ окружаете вы гробъ покойника родственники, приближенные, и пріятели! Вы слѣдовали за его гробомъ сюда, чтобы съ засвидѣтельствованіемъ вашей къ покойному любви, пріязни, и искренняго соболѣзнованія, — на отходѣ сопроводити его къ покоищу. Съ горемъ разлучаетеся отъ него, слезы проявляются въ очахъ вашихъ, но при оплакиваніи разлуки съ покойникомъ незабывайте, что смерть тѣла есть общая неизбѣжность всѣхъ земнородныхъ, разомъ незабывайте что смерть тѣла не послѣднее слово, потому для нашей душевной пользы возьмемъ подъ разсужденіе:

a) значеніе тѣлесныхъ недуговъ, и тѣлесной смерти;
b) значеніе душевныхъ недуговъ, и душевной смерти.

Терпеливо внимайте!

I.

Ядъ первороднаго грѣха произвелъ губительный вредъ въ безсмертномъ естествѣ тѣла человѣческаго. въ отправленномъ составѣ его вскорѣ произошло дѣйствіе тлѣнія, а вслѣдствіе тлѣнія смерть. — Назовемъ таже первородный грѣхъ причиною смерти, то есть: ядомъ произведшимъ тлѣніе, слѣдовательно смерть есть вредная сила грѣха, разлагающая тѣло на свои составныя части, которыя лишены соединительной и животворной силы безсмертія.

Съ того времени смерть полновластною царицею вступила въ свои права, отъ ея вліянія неизъято ни новорожденное дитя, ни цвитущее юношество, ни крѣпкій мужъ, ни дряхлый преклонныхъ лѣтъ старецъ. Непощадно распространила она свою власть надо всѣми, немилосердно безъ лицепріятія и разбора беретъ дань ото всѣхъ, неотвратимо налагаетъ желѣзный перстъ на всѣхъ земнородныхъ. Такимъ образомъ гроза смерти начинается отъ колыбели отрочати, невидимо виситъ надъ всѣми возрастами, кто родился въ міръ сей — прежде или позже — неизбѣжитъ ея руки, и такъ пребываніе наше на земли можно считати постояннымъ умираніемъ изо-дня въ день. **Йго тѧ́жко на сынѣ́хъ А҃да́млиҳъ** — взываетъ св. писаніе — **о҆тъ дне҃**

їсхо́да їзъ чре́ва ма́тере їхъ до дне́ погребе́нїа въ ма́терь всѣ́хъ. (Сір. 40. 1.)

Въ такомъ состояніи судьбы человѣческой, естественно, что съ приближеніемъ смерти, на подлежащее ея власти тѣло, — предпосылаются заранѣе предвѣстники тлѣнія. Разореніе безсмертнаго первобытно тѣла неможетъ совершитися безъ насилія, потому дѣйствіе разоренія производитъ болѣзни и недуги. Дѣйствіе болѣзней и недуговъ иногда такъ сильно что убиваетъ жизнь вскорѣ, иногда совершается съ промежутками, иногда безъ перерыва тянется продолжительно, иногда медлитъ даже до глубокой старости, а исходъ вконецъ одинъ — смерть.

Разница между кратковременнымъ и продолжительнымъ исходомъ заключается въ томъ, что продолжительный недугъ хотя конечно мученъ для страдальца, но въ другомъ отношеніи предоставляется ему способъ для подвиговъ добродѣтели терпѣнія, преданности въ волю Божію, и что главное — даруется ему время, чтобы въ полномъ сознаніи, и чистомъ разсудкѣ могъ принести предсмертное покаяніе, и пріуготовити себе къ отходу въ жизнь другосвѣтнюю, что все отъ умирающихъ скоропостижною смертію можетъ быти отнято. Кто поручится въ томъ: что умирающихъ скоропостижною смертію непостигнетъ лишеніе разсудка? Кто поручится въ томъ, что такій неокончитъ жизни въ безпамятствѣ? Напримѣръ: умирающій отъ слабости и недуга не то чтобъ обдумати нѣчто въ состояніи, но даже и того собственно непоминаетъ что онъ еще живетъ, а тамъ позади него можетъ быти находится громада смертныхъ грѣховъ, о которыхъ неуспѣлъ покаятися? а впереди? осужденіе.

Стало быти, продолжительный недугъ — если оцѣнимъ обстоятельства по достоинству — не то чтобы составлялъ наказаніе, но является знакомъ благоволенія Божіяго — и дарованіемъ времени для исправленія проступковъ житія нашего, потому что съ болѣзнованіемъ тѣла уврачевается душа. Съ наступленіемъ разлученія души отъ тѣла оканчивается сила смерти надъ тѣломъ, и душа по своему безсмертному существу — вступаетъ въ державу безсмертія. Блаженна душа, которая успѣла удостоити себе для обѣтованнаго блаженства!

II.

Отъ тѣлесныхъ недуговъ перейдемъ къ душевнымъ, отъ тѣлесной смерти къ душевной.

Ни на минуту неслѣдуетъ выпускати изъ виду, что тѣло состоитъ жилищемъ души, потому и недуги душевныя и смерть души происходятъ въ тѣлѣ, при участіи и преобладаніи тѣла, по преимуществу въ борьбѣ съ душею. Приклонность ко злу — какъ затаенный подъ пепломъ уголь — въ поврежденномъ вслѣдствіе грѣха первороднаго естествѣ человѣческомъ — проявляется первѣе тогда, когда прибавится къ нему удобное для горѣнія грѣховное пристрастіе, потомъ пристрастіе возгорается пламенемъ страстей, а сколько грѣховныхъ страстей, столько и недуговъ душевныхъ, ахъ! кто взнайдетъ слова для выраженія: какъ больно говорити о недугахъ душевныхъ? какъ больно подумати о числѣ мертвыхъ — въ нравственномъ отношеніи душъ?

Незначительные при первомъ своемъ появленіи вреды — въ самомъ началѣ можно бы легко исцѣлити, но опасность душевныхъ недуговъ заключается въ томъ, что зараженный ими недумаетъ о цѣлебныхъ средствахъ, потому что всякое беззаконное пристрастіе доставляетъ ему адскую сладость. Отправа такой сладости усиливается, слѣдствіемъ ея дѣйствія обываетъ отвращеніе отъ цѣлебныхъ средствъ, итакъ у множества страдающихъ душевными недугами дымъ богопротивныхъ страстей затемняетъ разсудокъ, обезсиливаетъ вліяніе и преобладаніе души. Начинается болѣзненное состояніе души, она сперва угрызаема совѣстію мучится, страдаетъ, потомъ съ утратою животворной силы Божіей благодати душевныя недуги переходятъ въ состояніе неизлѣчимости, слѣдуетъ полное ослѣпленіе, и кончится отчаяніемъ. Горе сказати, многоразъ все это происходитъ въ здоровомъ тѣлѣ, въ цвѣтущемъ юношескомъ возрастѣ, среди самозабвенія удовольствій и безпрерывныхъ веселій, безъ того, чтобы погибающій опомнился, что онъ неизлѣчимо боленъ, а чрезмѣрно далеко удалился по безпутному направленію пропасти. Тѣло здорово, а душа недужна. **Го́ре вамъ̀ смѣю́щимсѧ ны́нѣ: ꙗ̀кѡ возрыда́ете и̑ воспла́чете.**

(Лук. гл. VI. ст. 25.) При мысли сей сердце сжимается скорбію и исполняется состраданіемъ, на очи такъ и рвутся слезы. **Надъ мёртвымъ плачися, ѣсчезѣ во свѣтѣ** — взываетъ св. писаніе, — **надъ безумнымъ** (безумнымъ) **плачися ѣсчезѣ во разумѣ.** (Книга премудрости Іисуса сына Сірахова гл. XXII. ст. 9.)

Въ состояніи неизлѣчимости — погибающій въ безднѣ страстей страдалецъ — и неимѣетъ большаго старательства, чѣмъ то, чтобы для ускоренія своей гибели воспользоватися своимъ тѣлеснымъ здоровьемъ и временемъ, межь тѣмъ время земнаго житія неудержимо — невозвратно убѣгаетъ, конецъ приближается, исходъ можетъ наступити неожиданно, можетъ быти завтра, или даже въ одинъ часъ, а богопротивныя страсти и удовольствія подобно всепожирающему пламени продолжаютъ свое разорительное дѣйствіе, разумъ не въ состояніи опомнитися, нѣтъ ни одной слезы для потушенія пламени, въ сердцѣ давнымъ давно исчезло побужденіе къ раскаянію. Слѣдовало бы печалитися, скорбѣти, и рыдати, но умиленіе слезъ недается, воля по недостатку благодати недвижется, она сладкимъ ядомъ адскихъ удовольствій давно отравлена, и пришла въ омертвѣлое состояніе.

Ужасно жити въ смертныхъ недугахъ беззаконій, сторицею ужаснѣе умирати среди беззаконій. Разъ вконецъ ударитъ часъ перехода въ вѣчность: *наступитъ душевная смерть, когда оставленная Богомъ душа оставитъ тѣло.* Слѣдуетъ вѣчность, подлежащая осужденію душа, отлучившаяся отъ свѣта и славы небесной отлучается навѣки отъ жизни Божіей, и настаетъ для ней среди вѣчныхъ мученій *жизнь безъ жизни, смерть безъ смерти.*

Вполнѣ очевидно для насъ благочестивое собраніе! что-за ослѣпленіе овладѣваетъ тѣми, которые богопротивнымъ злоупотребленіемъ времени земнаго житія, самовольно совершаютъ надъ собою душевное самоубійство. Видите-ли, что при оцѣненіи по достоинству окружающихъ насъ въ земномъ житіи душевныхъ опасностей, въ какой мѣрѣ важенъ для насъ вопросъ: жити, страдати, и умирати въ состояніи благодати? Поймете-ли значеніе постояннаго на-

шего изо-дня въ день умиранія? Нужно-ли еще ссылатися на слова св. писанія, что болѣе **бла́го ходи́ти въ до́мъ пла́ча, не́жели ходи́ти въ до́мъ пи́ра**? (Екклес. гл. VII. ст. 3.)

Неиначе! Въ домѣ плача необуреваютъ сердецъ нашихъ преступныя страсти. Мы теперь въ домѣ плача, случай смерти покойника заставляетъ всѣхъ пасъ опомнитися; вокругъ плачь, слезы, скорбь, и рыданія! Плачутъ близкіе, сострадаютъ и прочіе, потому что въ судьбѣ покойника не всѣ-ли мы должны оплакивати и предстоящую намъ самымъ судьбу? не для всѣхъ-ли насъ предстоитъ отходъ на другій свѣтъ? Но къ покойнику найближе стоитъ его семейство, оно оплакиваетъ въ немъ утрату своего отца, кормильца, главу, супруга. Утрата его тѣмъ болѣе чувствительна для семейства, чѣмъ болѣе полезенъ и необходимъ былъ онъ въ семействѣ. Прежде всѣхъ утрачаетъ жена своего мужа, потомъ дѣти отца, внуки своего старательнаго попечителя, родственники родственника, пріятели пріятеля, и общество полезнаго — общеуважаемаго человѣка. Настоящее добро никогда мы неоцѣняемъ по достоинству, впервыйразъ опомнимся мы о величіи утраты, когда уже утрата совершилася.

Всѣ близкіе къ сердцу покойника приступите при разлукѣ къ его гробницѣ для послѣдняго прощанія. Прежде всѣхъ приглашаетъ онъ къ себѣ свою любезную супругу, съ которою онъ въ житіи своемъ и благополучіе и трудности пополу (за N. N. лѣтъ) раздѣлялъ, и на прощаніе говоритъ ей:

— Прощай любезная жена N. N.! Судьбамъ провидѣнія Божіяго было угодно, чтобы я съ тобою послѣ долгаго мучительнаго недуга разлучился, подъ этимъ временемъ много ты засвидѣтельствовала ко мнѣ терпѣнія, любви, и пріязни, спасибо за твое о мнѣ попеченіе. Трудъ о благосостояніи семейства, который доселѣ обременялъ плечи насъ обоихъ, теперь уже почиваетъ единственно на тебѣ. Не упадай духомъ подъ тяжестію, но уповай на помощь Божію, Онъ поможетъ тебѣ равно такъ, какъ помогалъ, пока мы бремя сообща несли? Плачешь? огорчаешься? Неплачь, неогорчайся и проч. (Примѣненіе къ обстоятельствамъ.)

Заключеніе.

Слова прощанія прекращаются, слѣдуетъ вскорѣ послѣднее цѣлованіе, и остается столько времени, сколько требуется для сопровожденія тѣла къ своему покоищу. Но если мы краткій путь сопровожденія тѣла къ своему покоищу, называемъ переходомъ отъ временнаго пребыванія на землѣ въ вѣчность, ахъ! еще съ большимъ значеніемъ можемъ назвати все земное житіе переходомъ отъ временнаго пребыванія въ вѣчность. Значитъ: если тѣло давно уже стало разлагатися на свои составныя части, слѣдовательно смерть будетъ не инымъ какъ полнымъ разложеніемъ совзоромъ тѣла, но не послѣднимъ словомъ совзоромъ души. Съ воздыханіемъ заключаю рѣчь словами св. писанія: **Йго тѧ́жко на сынѣ́хъ А҆да́млиҳъ, о҆тъ̀ дне҆̀ и҆схода́ и҆̀зъ чре́ва ма́тере и҃хъ до дне҆̀ погребе́нїѧ въ ма́терь всѣ́хъ.** (Сір. 40. 1.) Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ ОТЦЕМЪ ИЛИ МАТЕРІЮ, ОСТАВИВШИМИ ЗА СОБОЮ СИРОТЫ.

Содержаніе: Утрату родителей земныхъ замѣняетъ Отецъ небесный своимъ попеченіемъ о сиротахъ.

Ѻтéцъ мóй и мáти моѧ ѡстáвиста мѧ, Госпóдь же воспріáтъ мѧ.

Псал. XXVI. 10.

Нѣтъ у васъ больше родителей осиротѣвшія дѣти! неумолимая смерть оторвала отъ сердецъ вашихъ тѣхъ, отъ которыхъ вы получили житіе, наслаждалися ихъ любовію и попеченіемъ; которые старалися о вашемъ благополучіи, воспитали васъ, предохраняли отъ несчастій, трепетали надъ вами во время нездоровья, желали устроити ваше счастіе, для васъ жили, для васъ были бы готовы подвергнути себе смерти. Кто замѣнитъ для васъ посемъ родительское сердце? теплоту ублажающей неоцѣнимой любви? До сего часа вы подрастали подъ надзоромъ ихъ любовію озаренныхъ очей, равно какъ возрастаютъ въ питомникѣ деревца, согрѣваемыя теплотою солнца, и орошаемыя утреннею росою и благотворнымъ дождемъ, теперь ахъ! нѣтъ кому васъ охраняти отъ вѣтра, бури, житейскихъ непогодъ, вы оставлены на самыхъ себе.

Благо зерну, выпадшему изъ матерняго колоса, оно упадетъ на землю, принимается, и далѣе ненуждается въ опекѣ, но растетъ самостоятельною жизнію; благо птенцамъ вылетѣвшимъ изъ гнѣзда, благо всѣмъ скоро развивающимся животнымъ, всѣ они меньше требуютъ времени для достиженія своей самостоятельности чѣмъ человѣкъ. А че-

ловѣкъ и совзоромъ своего тѣлеснаго, и совзоромъ своего нравственнаго полнаго развитія требуетъ много времени, надъ всѣми прочими созданіями болѣе нуждается въ помощи своихъ родителей. Прожитіе соключено съ борьбою, нравственность подвержена опасностямъ, нужда и безпомощность, неопытность возраста, всѣ эти и еще многія другія обстоятельства вопіютъ за руководителемъ, а руководителя нѣтъ!

Возможно-ли чтобы Создатель, имѣющій попеченіе о птицахъ небесныхъ, которыя несѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и питаетъ ихъ, — имѣющій старательство о возрастаніи криновъ сельныхъ, которыя нетруждаются ни прядутъ а велелѣпота ихъ превосходитъ одежду Соломона, — чтобы неимѣлъ попеченія о сиротахъ, отъ которыхъ смерть отняла родителей? Невозможно. Оторванные смертію отъ своихъ дѣтей родители, были временными питателями и хранителями ихъ, назначенными для помощи и руководенія ихъ дотолѣ, пока неприйдутъ въ составъ самостоятельности. Отецъ небесный создалъ и родителей и ихъ дѣтей, итакъ состоитъ вѣчнымъ родителемъ всѣхъ и на семъ и на другомъ свѣтѣ; слѣдовательно, когда смертію отнимаетъ родителей отъ ихъ дѣтей, замѣняетъ утрату временныхъ руководителей своимъ попеченіемъ. Дѣлаетъ то по своей премудрости и добротѣ, чтобы совзоромъ оставленныхъ безпомощныхъ сиротъ явити милость Провидѣнія Своего. Всемогущая Его рука воззоветъ или благодѣтельность добрыхъ людей, или по своей безконечной премудрости и благости изберетъ другій способъ для устроенія ихъ судьбы.

Неможетъ быти болѣе утѣшительныхъ словъ для опечаленныхъ сердецъ вашихъ осиротѣвшія дѣти! нежели слова священнаго писанія, запечатлѣйте ихъ въ сердцахъ вашихъ, и никогда незабывайте во всемъ житіи вашемъ. Слышите: **Ѻ҃тє́цъ мо́й и҃ ма́ти моѧ̀ ѡ҃ста́виста мѧ̀** — такъ стоитъ въ св. писаніи — **Госпо́дь же воспріа́тъ мѧ̀.** (Псал. XXVI. 10.) Отъ сего дня Отецъ небесный взялъ васъ подъ свое покровительство. **Ви́дите, каковѣ̀ любо́вь да́лъ є́сть Ѻ҃тє́цъ на́мъ, да ча́да Бо́жіа наречє́мсѧ, и҃ вѣ̀демъ.** (I. Іоан. III. 1.) Когда вы теперь сокрушаетеся про несчастіе утраты

вашего земнаго родителя, можете сравнити, что ваше несчастіе было бы еще неизмѣримо большимъ несчастіемъ, если бы у васъ небыло Отца небеснаго, нетолько для васъ сиротъ, но и для всѣхъ людей цѣлаго свѣта — и богатыхъ и нищихъ, — высокопоставленныхъ и тѣхъ, которые добываютъ свой насущный хлѣбъ трудомъ рукъ своихъ, потому что всѣ подвержены неизвѣстнымъ для другихъ бѣдствіямъ, всѣ нуждаются въ помощи Отца небеснаго. При помощи Его воспитывали васъ и ваши умершіе родители. Ясно, что Отецъ небесный можетъ для вашей пользы больше сдѣлати, чѣмъ могли сдѣлати ваши родители, больше чѣмъ могъ бы сдѣлати цѣлый свѣтъ.

Вы и несомнѣваетеся въ томъ, что Отецъ небесный — по своему Всемогуществу — можетъ сдѣлати съ вами великую милость, и устроити ваше счастіе однимъ или другимъ образомъ, но подъ впечатлѣніемъ горькаго чувства вашей настоящей безпомощности, у васъ раждается такій вопросъ: Восхощетъ-ли Отецъ небесный на васъ — по вашему мнѣнію всѣми оставленныхъ сиротъ обратити свое милостивое око? восхощетъ-ли?.. потому разсуждаете вы такъ, что человѣкъ никогда нечувствуетъ своей ничтожности въ такой сокрушающей мѣрѣ, какъ во время своихъ страданій, печали, и горя. Но умѣрите ваше сѣтованіе и слезы, и съ полнымъ упованіемъ воздвигните очи ваши къ Отцу небесному, Онъ — да будетъ имя Его благословенно — засвидѣтельствовалъ свою неизреченную любовь къ роду человѣческому, когда для искупленія его необиновался неспослати единороднаго Сына своего, страдавшаго и умершаго про насъ, развѣ нелюбилъ бы однихъ сиротъ, которыя болѣе всѣхъ прочихъ людей нуждаются въ Его любви?

Нѣтъ ни одного на землѣ человѣка, которому бы всѣ предпріятія текли по его желанію, который бы могъ сказати, что больше ненуждается ни въ чемъ; сердце человѣка по своей ненасытности при всѣхъ избыткахъ своей достаточности, мучитъ себе несбыточными желаніями, и неудовлетвореніе оныхъ, равно въ такой мѣрѣ подвергаетъ его страданіямъ, въ какой мѣрѣ подверженъ страданію человѣкъ, неимѣющій гдѣ главу преклонити. Въ бѣдствіяхъ, недостаткахъ, и лишеніяхъ, для всѣхъ земнородныхъ нѣтъ

другаго прибѣжища развѣ Отца небеснаго. Къ Отцу небесному прибѣгаютъ всѣ, и Отецъ небесный принимаетъ всѣхъ, равно своихъ дѣтей, и хощетъ чтобы въ своихъ нуждахъ съ своими просьбами къ Нему обращалися всѣ съ полнымъ довѣріемъ и любовью. **И вѣдетъ** — стоитъ въ св. писаніи — **прѣжде нѣже воззвáти ймѵ, áзъ оу҃слы́шѫ йхъ, ещѐ глаго́лющимъ ймѵ, рекѫ̀: что́ е҆́сть?** (Исаіи LXV. 25.)

Что есть? . . чувствуется въ глубинѣ сердецъ вашихъ родительскій вопросъ Отца небеснаго, но вы сѣтующіе дѣти въ настоящую минуту вмѣсто просьбы отвѣчаете слезами вашими. Смотрите, Самъ страдавшій за насъ божественный Спаситель Господь нашъ Іисусъ Христосъ, такъ научилъ насъ обращатися съ просьбами къ Отцу небесному: **Отче на́шъ, йже е҆сѝ на небесѣ́хъ, да свати́тсѧ ймѧ твоѐ.** (Матѳ. VI. 9.) Нѣтъ болѣе близкихъ къ сердцу словъ, какъ эти два: *Отче и чадо!* потому что то слова любви, дарующія чадамъ довѣренный доступъ къ Отцу во всякое время, а во время нужды и печали преимущественно. *Отче нашъ!* само произнесеніе сихъ словъ осѣняетъ насъ благословеніемъ, потому что по словамъ апостола, **оу҃ди е҆́смы тѣ́ла Христо́ваго, ѿ҆ плоти е҆гѡ̀, и҆ ѿ҆ костéй е҆гѡ̀.** (Ефес. V. 30.) сынове Божіи, и наслѣдники, **наслѣ́дницы оу҃бѡ Бо́гѹ, наслѣ́дницы же Христѹ̀.** (Рим. VIII. 17.) И когда сердце наше побуждено къ упованію, Спаситель благодѣтельно направляетъ и очи наши отъ земли къ небесамъ: **Отче на́шъ, йже е҆сѝ на небесѣ́хъ,** указываетъ намъ домъ Отца небеснаго, отворяетъ дверь къ Его милосердію и помощи, ибо **всѧ́ко дая́ніе бла́го и҆ всѧ́къ да́ръ совершéнъ, свы́ше е҆́сть, сходя́й ѿ҆ Отца̀ свѣ́товъ.** (Іак. I. 17.) Послѣ сего Спаситель на первое мѣсто поставилъ прошеніе: **Да свати́тсѧ ймѧ твоѐ.** Какъ поставленное на тверди небесъ озаряетъ вселенную, такъ святость и слава имени Отца небеснаго должна озаряти весь міръ духовный. Тѣми словами сами себе напоминаемъ, чтобы имя Отца небеснаго, которое всегда святое есть, освятилося и въ сердцахъ нашихъ. Если бо имя прославляется словами, тѣмъ болѣе должно быти прославляемо святостію нравовъ и жизни дѣтей. **Та́кѡ да просвѣти́тсѧ свѣ́тъ ва́шъ предъ҆ челове́ки** — взываетъ Спаситель

— **ѩ҃кѡ да ви́дятъ ва́ша до́бра дѣла́: и просла́вятъ Ѻ҃тца̀ ва́шего, и҃же на небесѣ́хъ.** (Матѳ. V. 16.)

Таково значеніе словъ: Отецъ и чадо. Если отъ родителей земныхъ наслѣдуемъ плоть, кости, кровь, натуру, дарованія, силу и немощь, способности и недостатки, добрыя и злыя наклонности, имя, и подобіе образа и тѣлосложенія, наслѣдуемъ и ихъ имѣніе: такъ въ душевномъ отношеніи искупленіемъ Спасителя возстановленъ въ насъ первобытный образъ Божій, на который мы созданы, освятилося имя Его въ насъ, словомъ мы усыновлены для наслѣдія царства небеснаго. Но если мы высоко цѣнимъ имя, добрую славу, наслѣдіе, и любовь земныхъ родителей, должны мы неизмѣримо выше ставити имя, славу, наслѣдіе, и любовь Отца небеснаго, надъ всѣми несчастіями земными должны мы болѣе опасатися несчастія, чтобы не выпасти изъ состоянія благодати. На семъ основаніи зиждется все счастіе человѣка, состояніе благодати есть ключь къ милосердію, любви, и покровительству Отца небеснаго.

Перестану дальше забавлятися при томъ положеніи, что утрату родителей замѣнятъ Отецъ небесный своимъ попеченіемъ о сиротахъ, что любитъ любящихъ Его, благословляетъ благословлящихъ Его; **помина́ю** — увѣряютъ насъ святѣйшія Его словеса — **ѥ҆го́же а҃зъ люблю́: и҆ оу҆чи́телю, ѥ҆го́же а҃зъ чи́телю.** (Исх. XXXIII. 19.) Кого неублажитъ сознаніе того, что Провидѣніе Божіе сопровождаетъ насъ во всѣхъ обстоятельствахъ житія? но кого неисполнитъ страхомъ чувство присутствія Его надъ всѣми среди всѣхъ дѣлъ нашихъ? Благословенъ кто неотклоняется отъ заповѣдей Его, несчастливъ кто отклоняется отъ нихъ.

Приступите уже теперь дѣти ко гробу оставляющаго васъ родителя земнаго, примите отъ него благословеніе, наступленіе смерти положило предѣлъ любвеобильному его попеченію о васъ, теперь онъ васъ представляетъ болѣе могущему попеченію Отца небеснаго. Никогда незабывайте, что вы имѣете быти такого исправнаго поведенія, какъ слѣдуетъ быти дѣтямъ, имѣющимъ на небесахъ такого всеблагаго Отца, чтобы покланяемое имя Его освятилося въ сердцахъ вашихъ. Неоставляйте Бога, принимающаго

добрыхъ дѣтей подъ свое особенное покровительство, чтобы и Онъ неоставилъ васъ, любите Его всѣмъ сердцемъ, всѣми силами, и бойтеся Его во всемъ житіи вашемъ, тогда и Онъ помилуетъ, ущедритъ и благословитъ васъ, и удѣлитъ вамъ достояніе по вашимъ заслугамъ. Будьте благочестивы, чтобы нравы ваши были чисты отъ пятенъ легкомысленнаго поведенія, тогда будутъ васъ уважати и люди; будьте благодарны ко всѣмъ благодѣтелямъ вашимъ, тогда неистощится къ вамъ благожелательность добрыхъ людей. Впрочемъ предоставляю васъ Провидѣнію Божіему, будите благословенны. (Дальшее примѣненіе къ обстоятельствамъ.)

Во время похороновъ родителя, оставляющаго за собою сироты, благочестивое собраніе! естественно въ сердцахъ нашихъ происходитъ такое впечатлѣніе, что родители имѣющіе и сами дѣти, должны мысленно положитися въ состояніе умершаго родителя, подумати о возможности сиротства собственныхъ дѣтей, и заблаговременно сообразитися съ предстоящими обстоятельствами. Равно и дѣти должны сообразити возможность своего скораго сиротства, заблаговременно положитися въ ихъ состояніе, и примѣнити къ себѣ слова св. писанія: **Отéцъ мóй и мáти моѝ ѡстáвиста мѧ, Госпóдь же воспіѧ́тъ мѧ.** Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

ДЛЯ УТѢШЕНІЯ ЗЛОПОЛУЧНЫХЪ.

Содержаніе: О несеніи креста.

Йже хо́щетъ по мнѣ йти, да отве́ржется себе́, й во́зметъ крестъ свой, й по мнѣ гряде́тъ.

Марк. VIII. 34.
Матѳ. XVI. 24.

Сужденіе людей, о теченіи житейскихъ дѣлъ, певсегда бываетъ вѣрно, потому что въ оцѣненіи ихъ можно очень легко заблуждатися. Одни стоятъ свои разсужденія на томъ основаніи, что счастіе человѣка заключается въ томъ, когда жизнь его безоблачно истекаетъ въ полномъ благополучіи, когда онъ плаваетъ въ изобиліи богатства, общественное его положеніе всѣми уважаемо, имя его произносится только со славою, невстрѣчаетъ на своемъ жизненномъ пути ни малѣйшихъ препятствій, или горя, дойдетъ до конца жизни въ довольствіи, и успѣваетъ и судьбу семейства устроити такъ, что она можетъ считатися только продолженіемъ никогда непрерывавшагося благоденствія. Въ такомъ случаѣ, конечно, нѣтъ иного заключенія, какъ то, что за полученныя многія дарованія, которыя можетъ быти и незаслужили своимъ благонравіемъ, много одолжены Богу. А если заслужили, еще болѣе должно ихъ безпокоити то обстоятельство, что они получили свою награду мимопдущими благами.

Иные считаютъ самообольщеніемъ всѣ сладости земныхъ благъ въ совокупности, стоимость которыхъ съ наступленіемъ смерти равняется деньгамъ, утратившимъ свою цѣну; и нетолко даютъ предпочтеніе небеснымъ благамъ,

но и полагаютъ въ нихъ исключительное свое счастіе. Строя домъ своего счастія на такомъ основаніи, нимало нетяготятся крестомъ, который приходится имъ нести въ жизни. Даже высоко дорожатъ такою благодатію, зная, что такимъ образомъ участниками будутъ высокихъ наградъ небесныхъ.

Естественно, на всѣ люди достигаютъ той высоты духовнаго совершенства, чтобы выше цѣнили страданія надъ благополучіемъ. Даже до того увлекаются желаніемъ житейскихъ благъ, что если невсегда — и нескоро исполняются ихъ желанія, имъ кажется, что Богъ не даетъ имъ должнаго.

Но крестъ Христовъ есть мѣрило всѣхъ дѣлъ. Крестъ Христовъ есть училище, въ которомъ преподается наука жизни въ трехъ частяхъ. Первая часть писана черными письменами, и содержитъ суету земныхъ удовольствій, беззаконія, смерть, и судъ. Другая часть писана красными письменами, — какъ бы кровію Іисусъ Христовою, — и содержитъ злополучія. Третья часть писана золотыми письменами, и содержитъ награды небесныя. И все это потверждено божественнымъ ученіемъ самаго Спасителя.

Но возьмемъ саму книгу науки — св. евангеліе. На первыхъ же странницахъ изображены кресты страданій, за которыя обѣщаются блаженства. Тамъ говорится о нищихъ духомъ, о плачущихъ, кроткихъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, милостивыхъ, чистыхъ сердцемъ, миротворцахъ, изгнанныхъ правды ради, поношаемыхъ, преслѣдуемыхъ, оклеветаемыхъ всякимъ злымъ глаголомъ. (Матѳ. V.)

Въ противоположности стоятъ богатые, гордые духомъ, веселящіеся, неукротимые, пересыщенные неправдою, немилосердные, нечистые сердцемъ, сѣятели вражды, гонители, поносители, преслѣдователи, клеветники. Спаситель горемъ грозитъ тѣмъ, о которыхъ **добро рекѫтъ вси человѣцы.** (Лук. VI. 26.) Сихъ считаетъ міръ благополучными, но благополучіе ихъ держитъ только до годины смерти, а за беззаконія ожидаетъ ихъ судъ.

Представьте, всѣ мы восходимъ съ нашими прошеніями къ престолу Господа. Одни увлекаясь мимоидущими земными благами просятъ и получаютъ могущество, господ-

ство, богатство, и славу. Иные дойдя до нѣкоторой высоты духовнаго совершенства, неувлекаются мимоидущею суетой, и просятъ себѣ вѣчныя блага; Божая премудрость даетъ имъ земное злополучіе, но крестъ ихъ страданій будетъ судомъ для могущественныхъ, причиняющихъ имъ обиду, а впереди ожидаетъ страдавшихъ вѣнецъ небесной славы.

Положимъ, что напасти, недуги, болѣзни, несчастія допускаются Провидѣніемъ Божіимъ на человѣка, чтобы доставленъ ему способъ для заглажденія прежнихъ его преступленій, и въ томъ случаѣ, онъ долженъ безъ ропота преклонити предъ ними голову свою. Положимъ, что злополучіе допускается на человѣка, для испытанія его вѣрности къ Богу, и въ томъ случаѣ, съ чувствомъ благодарности долженъ принимати всякое горе. Кому неизвѣстно страданіе праведнаго Іова? Онъ былъ человѣкъ истиненъ, непороченъ, праведенъ, богочестивъ, **оу҃далѧ́йсѧ о҆тъ всѧ́кіѧ лѣка́выѧ вѣ́щи.** Въ одинъ день приходитъ вѣстникъ за вѣстникомъ, и увѣдомляетъ его нетолько объ уничтоженіи всего его несмѣтнаго богатства и благополучія разбойниками, и спадшимъ съ небесе огнемъ, но и объ убіеніи семи его сыновъ и трехъ дочерей развалинами обрушившагося дома. Вмѣсто ропота уста его только и изрекли: **Господь дадѣ: Господь о҆тѧ́тъ: ꙗ҆́кѡ Господеви ѩ҆зво́лисѧ, та́кѡ бы́сть: бл҃ги ѩ҆́мѧ Господи́не благословѣ́нно!** (Іов. I. 21.) Въ довершеніе, тѣло его поражено лютымъ гноемъ отъ ногъ до головы, и на гноищѣ лежа многое время бѣдствовалъ въ такомъ положеніи, но всѣ допустки немогли поколебати его вѣрности къ Богу, и Богъ его терпеливыя страданія вмѣнилъ въ высокую заслугу.

Наши страданія недостигаютъ величія страданій праведнаго Іова, но могутъ вмѣнитися Богомъ въ таковую высокую заслугу, какъ вмѣнены Іову. При такомъ освѣщеніи земной жизни: одна мысль о неизбѣжности смерти, о грядущемъ судѣ, должна отрезвити человѣка отъ заблужденій, и на настоящую стоимость низвести всѣ сегосвѣтнія вещи. Злато, сребро, драгоцѣнные камни, посѣданіе земель, домовъ, богатства, владѣніе цѣлыми областями, даже государствами — прейдутъ по смерти человѣка въ другія руки; краса, сила, слава, гордость, ласка и похвалы людей будутъ

ни по чемъ; угожденіе плоти, чреву, и гортани, пересыщеніе грѣховными наслажденіями и удовольствіями становятся отвратительными, и только кажутся удовольствіемъ, а въ самомъ дѣлѣ составляютъ только мучительную суету, и увеличаютъ въ сердцѣ пустоту. Безсмертная душа нуждается въ безсмертномъ нескончаемомъ блаженствѣ, которое достижимо только въ другосвѣтней жизни.

Впрочемъ ужасно ошибаются въ своихъ предположеніяхъ, которые могущество, богатство, и славу людей, считаютъ однозначущими со счастіемъ. Ахъ, никто не въ состояніи измѣрити величіе горя, удручающаго такъ часто бытъ и самыхъ могущественныхъ людей; они являются предъ нами въ великолѣпіи славы, а межь тѣмъ сердце ихъ разрывается отъ множества невидимыхъ нами мукъ. Они также подлежатъ бремени крестовъ, какъ подлежитъ и самый бѣдственнѣйшій нищій. Даже состояніе счастія у нищихъ, стоитъ иногда гораздо выше счастія стоящихъ на самомъ верху общества прославленныхъ людей.

Есть свой крестъ у всякаго. Богъ посылаетъ кресты, Онъ знаетъ о нихъ одинъ. Когда ты (названіе лица: вдовецъ, вдовица, отецъ, мати, и проч.) послѣ многихъ житейскихъ злополучій — какъ живый крестъ стоишь надъ гробомъ (названіе: жены, сына), и про утрату проливаешь слезы, принимай безпрекословно орошенный твоими слезами новый крестъ изъ рукъ Божіихъ. Посѣщеніе твое считай благодатію, что ты удостоенъ идти по слѣдамъ Спасителя, Опъ блаженными назвалъ плачущихъ, и обѣщалъ имъ въ награду утѣшеніе. Онъ по неисповѣдимой своей любви къ человѣку самъ испилъ горькую чашу всѣхъ страданій, вкусилъ и смерть. Какъ врачъ, когда видитъ что больный отвращается яствій и лекарства, подавая ему примѣръ, прежде самъ принимаетъ оныя, и больнаго побуждаетъ ко принятію: такъ и Спаситель прежде самъ вкусилъ страданія и смерть, чтобы ихъ вкусити неустрашался Христіанинъ.

Душа перешедшаго въ вѣчность мертвеца скажетъ тебѣ скорбящій (названіе), что Спаситель побѣдоносно попралъ смерть своею смертію, и съ того времени смерть неоставляетъ несчастія, но составляетъ только переходъ изъ жизни

временной въ жизнь вѣчную. — Прекрати любезный твою печаль, — взываетъ къ тебѣ душа — возвыси твой взоръ въ загробную жизнь, и пріими мое на исходѣ прощаніе, . . . и проч.

Прощаніе.

Заключеніе.

Въ житейскомъ бытѣ, зажиточные люди, нанимаютъ себѣ слугъ, для исполненія разныхъ должностей, за извѣстное жалованье. Царь небесный, усыновленныхъ своимъ крестомъ дѣтей, надѣляетъ крестами разныхъ житейскихъ бременъ, чтобы ими пріобрѣтая заслуги, удостоилися небесныхъ наградъ. Одною, изъ многихъ такихъ заслугъ суть слезы. Сокрушаемое скорбію сердце воздыхаетъ къ Отцу небесному, и Онъ принимаетъ слезы съ родительскою любовію. Велика разница между слугами и дѣтьми, велика между земнымъ жалованьемъ и небесными наградами, потому въ сознаніи нашей тѣсной принадлежности къ сердцу Царя небеснаго, съ дѣтскою любовію будемъ нести наши кресты. Онъ бо сказалъ: **Ѩже хо́щетъ по мнѣ ѩти, да отве́ржется себѣ, и во́зметъ кре́стъ свой, и по мнѣ гряде́тъ.** Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ МУЖЕМЪ.

Содержаніе: Что значитъ жити жизнію возлюбленнаго?

Ѝдѣ́же е́стъ сокро́вище ва́ше, тѣ́ вѣ́детъ и̑ се́рдце ва́ше.
Матѳ. VI. 21.

Давнымъ-давно — отъ глубокой древности пристрастіе людей прилагало усиліе къ пріобрѣтенію золота, сребра, драгоцѣнныхъ камней, и такое пріобрѣтеніе называли сокровищемъ. Обладатели сокровищъ, наслаждалися ими подъ краткимъ временемъ житія своего, потомъ предоставляли оныя въ наслѣдіе потомкамъ, или изъ боязни зарывали въ землю, и за сокровищами своими и сами слѣдовали въ землю. Сердце было порабощено бездушною силою, которая безъ условія счастія вмѣнялася во счастіе, безъ жизни служила наслажденіемъ и мукою для жизни.

Отъ грудъ золота и камней, неимущихъ въ себѣ ни жизни, ни живительной силы, выше стоитъ плодородная земля, которая подъ вліяніемъ солнца, росы, и воздуха, питаетъ множество растеній своимъ живительнымъ сокомъ, и тѣми въ свою очередь животитъ птицы небесныя, животныя, и людей. Подъ вліяніемъ солнца, росы, и воздуха, получаетъ свою бѣлизну лилія, свою красу и благоуханіе роза, стройность пальма, сочность и ароматъ виноградная лоза, плодородіе благородныя деревья, питательность пшеница, и человѣкъ условія и удобства своей земной жизни.

Впрочемъ сердце, развитаго нравственно христіанина неостановится при сихъ явленіяхъ, но идетъ далѣе по направленію настоящаго своего сокровища. Замѣчаетъ живи-

тельную силу въ благоустроенной природѣ, притомъ по присущему естественному влеченію сердца своего, находитъ среди множества однообразныхъ съ собою людей того, кто всѣхъ болѣе сообразенъ существу его, и вступаетъ съ нимъ по божественному закону въ нерасторжимое соединеніе, имущее свое довершеніе въ царствѣ безсмертія, въ соединеніи съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Значитъ, находитъ свое сокровище, къ которому привязывается сердце его, или станетъ жити жизнію возлюбленнаго — живою любовію живой любви, по словамъ Спасителя: **Идѣ́же е́сть сокро́вище ва́ше, тѣ́ бу́детъ и́ се́рдце ва́ше.** Такимъ образомъ два сердца становятся однымъ сердцемъ — соединеннымъ въ Господѣ.

Умѣстнымъ считаю благочестивое собраніе! такое соединеніе двухъ жизней въ одну жизнь — сравнити съ освященнымъ храмомъ умственнаго и нравственнаго міра. Въ немъ умственный отдѣлъ есть мѣстомъ святилища, и за занавѣсомъ святилища слѣдуетъ отдѣлъ духовный, составляющій мѣсто святая святыхъ, гдѣ на престолѣ воссѣдаетъ соединившій свое божеское естество съ нашимъ человѣческимъ Господь Іисусъ Христосъ. Соединеніе духовное нерасторгается смертію, но переходитъ и за загробный предѣлъ и продолжается въ вѣчности, гдѣ нѣтъ болѣзней, ни печали, ни воздыханія, нѣтъ скорби разлуки, нѣтъ смерти, но жизнь безконечная.

Возможно-ли, чтобы въ безсмертномъ существѣ смерть умертвила любовь которая неумираетъ? Ты утопающая въ слезахъ супруга! когда твой мужъ умиралъ приняла его послѣднее дыханіе, милый его образъ еще живо представляется тебѣ, душа твоя чувствуетъ соприкосновеніе души его, онъ живетъ въ сердцѣ твоемъ, и будетъ жити пока ненастанетъ и для тебе часъ отхода, даже будетъ жити и далѣе, будетъ жити до безконечности; ты слышишь его голосъ, слышишь всѣ бесѣды его чрезъ всю жизнь, чувствуешь что тѣшило — ублажало тебе. Возможно-ли, чтобы ты увлекалася бездушнымъ, несуществующимъ призракомъ? Нѣтъ! въ безсмертной душѣ живетъ и любовь, нерасторжимый союзъ вашъ продолжается невидимо, и продолжатися будетъ въ другосвѣтнемъ царствѣ, прилагай только

старательство: ненарушити условія нерасторжимости союза, которое состоитъ въ сохраненіи сходства образа жизни, сохраненнаго доселѣ въ сожитіи съ возлюбленнымъ мужемъ. Привожу слова св. Іоанна Златоустаго, утѣшавшаго молодую вдовицу знатнаго рода въ скорбяхъ вдовства и разлука съ супругомъ, онъ сказалъ ей:

„Ты, можетъ быти, хочешь слышати его (мужа) голосъ, и насладитися любовію къ нему, желаешь пользоватися привычнымъ обращеніемъ съ нимъ, тою славою, блескомъ, почетомъ, и спокойствіемъ, которыми наслаждалася изъ-за него, и потеря всего того смущаетъ и омрачаетъ тебе. Что касается до любви къ нему, ты и теперь можешь любовь питати также, какъ прежде; сила любви такова, что она обнимаетъ собою, совокупляетъ и соединяетъ не только тѣхъ, которые находятся при насъ или близко къ намъ, и которыхъ мы видимъ, но и тѣхъ, которые удалены отъ насъ; такъ что ни продолжительность времени, ни дальность разстоянія, и ничто тому подобное, неможетъ разстроити и прервати душевную дружбу. Если же ты желаешь видѣти и лицемъ къ лицу, а я знаю, что ты весьма желаешь того: то соблюди ложе его недоступнымъ для другаго мужа; постарайся сравнятися съ нимъ по жизни и ты, конечно, отойдешь отсюду въ тотъ же ликъ, въ которомъ и онъ теперь; и будешь жити вмѣстѣ съ нимъ не пять лѣтъ, какъ здѣсь, не двадцать или сто, не тысячу или двѣ, не десять тысячь или нѣсколько тысячелѣтій, но безпредѣльные и безконечные вѣки. Право наслѣдовати мѣсто упокоенія дается не по тѣлесному родству, но по сходству въ образѣ жизни. Если сходство по жизни привело и Лазаря незнакомаго Аврааму, въ самыя нѣдра послѣдняго, и открываетъ доступъ къ возлежанію съ нимъ отъ востока и запада: то и тебе приметъ мѣсто упокоенія вмѣстѣ съ прекраснымъ мужемъ (Тирасіемъ), если захочешь жити также, какъ онъ жилъ; ты снова увидишь его тогда не въ этой красотѣ тѣлесной, съ которой онъ умеръ, но въ иномъ нѣкоемъ блескѣ и сіяніи, которое гораздо свѣтлѣе лучей солнечныхъ. (Іоан. Златоустъ. Певрое слово къ молодой вдовѣ.)

Если таже ни продолжительность времени, ни дальность разстоянія, неоставляетъ препятствія женѣ, чтобы и

далѣе жити жизнію возлюбленнаго мужа, слѣдуетъ, что разлука, наступившая смертію, равняется путешествію, предпринятому мужемъ для полученія своего наслѣдія, и родительскаго достоянія, куда скоро или поздно, по необходимости должна будетъ слѣдовати и вѣрная супруга. И если право наслѣдовати мѣсто другосвѣтняго упокоенія, намъ дается по сходству образа жизни съ ними, дается съ условіемъ полнаго соблюденія сего условія. Въ достиженіи небесныхъ желаній, нетолько путеводитель, но путь, свѣтъ, и дверь, есть Самъ Спаситель; живя жизнію сладчайшаго Спасителя, мы непремѣнно достигнемъ цѣли нашихъ желаній, достигнемъ въ соединеніи съ Нимъ — соединенія съ тѣми, съ которыми мы въ земномъ житіи жили одною жизнію. Уклонитися отъ сего пути, значило бы уклонитися отъ достиженія желанной цѣли.

Положительно, въ зеркалѣ обращенномъ къ небу, можетъ отразитися только образъ неба, равно въ зеркалѣ сердца, привязанному къ другосвѣтнему сокровищу, можетъ отражатися только пламенное желаніе достиженія его. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, и въ томъ ты и несомнѣваешься опечаленная супруга! ты желаешь сохранити въ неприкосновенности святость искреннихъ чувствъ своихъ до конца, но въ настоящій часъ временной разлуки огорчаетъ тебе чаша предстоящаго земнаго одиночества, безпомощность, трудность перенесенія житейскихъ непогодъ. Незаполнима то утрата, но помни, что милостивое око сопровождаетъ твое бѣдствіе Того, Кто исцѣляетъ раны страждущихъ, и въ защиту ихъ предлагаетъ Самаго Себе, могущій для твоей пользы и благополучія больше сдѣлати, чѣмъ весь міръ; подержишь условія, за тобою останется вѣнецъ побѣды.

Сколькоразъ заволокается ясное небо темными тучами, и орошаютъ облаки землю обильнымъ дождемъ, по орошаютъ для произведенія плодородія: заволокается ясное небо нашего благополучія темными тучами постигающихъ насъ скорбей, очи изливаютъ потоки слезъ, но не для того-ли, чтобы душа наша оплодотворилася благородствомъ великодушія въ перенесеніи страданій? не для того-ли, чтобы сердце болѣе приблизилося къ Богу? вѣдь никогда мы нестоимъ такъ близко къ Богу, и Богъ къ намъ, нежели въ

постигающихъ насъ великихъ земныхъ несчастіяхъ. Темна гроза тучи, темна ночь гроба, ужасна ты разлука, когда настаетъ твой неотвратимый часъ! но для того существуютъ противоположности, чтобы мы могли отъ испытанія великихъ несчастій, прійти къ полному оцѣненію того блаженства, которое уготовалъ Господь любящимъ Его. Если бы мы постоянно плавали въ невозмутимомъ счастіи на землѣ, никогда бы мы не почувствовали въ сердцѣ нашемъ желанія за другосвѣтнимъ блаженствомъ; ужасно сказати, то значило бы уклонитися отъ Бога, или подпасти душевной смерти.

Гробъ, темный гробъ, мертвое тѣло, но живая душа, ты составляешь для вѣрной супруги ту лѣствицу, которая для ней приклоняетъ небо къ землѣ. Итакъ, настоящій гробъ уноситъ твое сокровище, но помни: твое сокровище соединено въ соединеніи съ Іисусомъ Христомъ, отъ Кого мы получили и жизнь, и земное благополучіе, и безсмертіе, и все благо. Слѣдовательно, и мужа, котораго даровалъ тебѣ Богъ, и по неизслѣдимымъ судьбамъ Своимъ отнялъ отъ тебе, замѣняетъ его Своимъ всегдашнимъ присутствіемъ, только неуклоняйся отъ него. Если по твоему поведенію возвысишься на высоту нравственнаго развитія, вконецъ въ блаженномъ упоеніи почувствуешь, что чувствовалъ св. апостолъ Павелъ, когда сказалъ: **Живѹ̀ не ктомѹ̀ а҃зъ, но живе́тъ во мнѣ̀ Христо́съ.** (Гал. II. 20.) Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ ЖЕНОЮ.

Содержаніе: О настоящихъ украшеніяхъ доброй жены.

Сѐ ны́нѣ ко́сть о҃тъ костє́й мои́хъ, и҆ пло́ть о҃тъ пло́ти мое҆мъ.
Бытіѧ II. 23.

Священное писаніе добрую жену называетъ частію благою; солнцемъ, восходящимъ на высокихъ Господнихъ; свѣтильникомъ, сіяющимъ на свѣщницѣ святомъ; столпомъ златымъ, на подстолпіихъ сребряныхъ; (Кн. прем. Іис. с. Сір. XXVI.) лозою плодовитою; (Псал. CXXVII. 3.) которыми сравненіями для ней безсомнѣнно отведено блестательное мѣсто, но выше всѣхъ сравненій стоятъ слова Адама: **Сѐ ны́нѣ ко́сть о҃тъ костє́й мои́хъ, и҆ пло́ть о҃тъ пло́ти мое҆мъ**, потому что кость отъ костей, и плоть отъ плоти дѣйствительно выражаетъ то единство, которое должно существовати между вѣрно любящими другъ друга супругами. Высшая степень брачнаго единства достигается нравственнымъ однообразіемъ, когда двѣ воли супруговъ становятся одною волею силою любви. Благодать мира поселяется въ тотъ домъ, гдѣ подъ осѣненіемъ страха Господня въ сердцахъ супруговъ царитъ единство воли; жена, въ своемъ двойномъ званіи супруги и матери является въ своемъ настоящемъ достоинствѣ, и нравственной красѣ, превосходящей всякую красу тѣлесную. Св. апостолъ Петръ женскою красою назвалъ: чистоту житія, кроткій и молчаливый духъ, которыя свойства многоцѣнны предъ Богомъ, а **не внѣ́шнѧѧ плетє́нія҆ вла́съ, и҆ ѡ҆бложе́нія҆ зла́та, и҆ли҆ ѡ҆дѣ́нія҆ ри́зъ лѣ́пота.** (I. Петр. III. 3.)

Слова Адама: **Ко́сть о́тъ костей́ мои́хъ, и́ пло́ть о́тъ пло́ти мое́я** сверхъ того, что дѣйствительно выражаютъ то единство, которое должно существовати между супругами, замѣчательны и по той причинѣ, что выражаютъ состояніе невинности, въ которомъ тогда находился Адамъ. Извѣстно, что въ сердцѣ человѣка отражается тотъ міръ въ которомъ онъ живетъ; измѣряетъ обстоятельства мѣрою сердца своего; очи его видятъ что представляется предъ ними въ томъ освѣщеніи, которое изливается отъ свѣта его духа: потому Адамъ жену свою видѣлъ въ той наготѣ, въ которой онъ самъ находился, но въ наготѣ чистой, божественной, въ наготѣ невинности. Изъ того слѣдуетъ, что единство супруговъ по плоти — коренится по преимуществу въ единствѣ ихъ духа. Итакъ, священное писаніе справедливо называетъ добрую жену частію благою; солнцемъ, восходящимъ на высокихъ Господнихъ; свѣтильникомъ, сіяющимъ на свѣщницѣ святомъ; столпомъ златымъ, на подстояніихъ сребряныхъ; лозою плодовитою; всѣ сіи названія стоятъ въ согласіи съ словами Адама, а слова Адама указываютъ: что главное украшеніе жены состоитъ въ ея невинности.

Должно быти, чѣмъ далѣе отстоитъ нравственный міръ жены отъ міра нравственной невинности, тѣмъ далѣе отстоитъ она отъ своихъ настоящихъ украшеній. Достоинство ея несостоитъ въ тѣлесной красѣ, которая можетъ плѣняти неправыя очи, и уязвляти приклонныя къ преступнымъ побужденіямъ сердца, но подлежитъ увяденію съ приближеніемъ старости, поврежденію болѣзнями, и тлѣнію съ наступленіемъ смерти. Достоинство ея несостоитъ въ богатствѣ и въ свѣтлыхъ одеждахъ, потому что это все само по себѣ суета, а потомъ превратность земнаго счастія можетъ привести людей изъ состоянія богатства къ бѣдствію нищеты. Достоинство ея несостоитъ въ знатности рода, или въ высокомъ общественномъ положеніи, потому что оно не есть необходимымъ условіемъ счастія; такою суетою могутъ увлекатися, и дѣйствительно увлекаются люди, живущіе въ подобномъ удушливомъ воздуху. Достоинство ея несостоитъ въ томъ, чтобы за ея приклонностью соперничали рои низкаго духа убѣгателей, съ низкими побужденіями, съ лестію

на устахъ, и лукавствомъ въ сердцѣ; все то далеко отъ словъ Адама: **Ко́сть о́тъ костей́ мои́хъ, и̂ пло́ть о́тъ пло́ти мое́м҃.**

Гдѣ же тотъ рай, въ которомъ жена является въ своемъ полномъ украшеніи? Тотъ рай находится въ сердцахъ, служащихъ храмомъ чистоты житія, къ которымъ можно примѣнити слова Спасителя: **Се́ бо ца́рствіе Бо́жіе вн҃трь ва́съ е̑сть.** (Лук. XVII. 21.) Итакъ, какъ бѣлая лилія можетъ расти и среди терній, равно можетъ чистота житія существовати и въ удушливомъ, нравственно испорченномъ воздухѣ многолюдныхъ городовъ, можетъ процвѣтати въ бѣдныхъ селеніяхъ; въ блестящихъ чертогахъ и въ убогихъ хижинахъ; можетъ процвѣтати межь людьми, надѣленными житейскими благами, и межь людьми ходящими въ шелковыхъ — золотомъ и драгоцѣнными камнями блестящихъ одеждахъ, и межь людьми, тѣло которыхъ покрыто скудною одеждою. Сердце у всѣхъ одинаково защищено костьями и плотію, и удобно быти храмомъ чистоты житія, о такой женѣ можетъ сказати мужъ словами Адама: **Се́ нын҃ѣ ко́сть о́тъ костей́ мои́хъ, и̂ пло́ть о́тъ пло́ти мое́м҃.**

Другое украшеніе доброй жены есть кроткій и молчаливый духъ. Если прекрасна бѣлизна лиліи сама собою, и кажется созданною для того, чтобы ея велелѣпіемъ наслаждался взоръ человѣка, она еще болѣе становится привлекательною свойствомъ превосходнаго своего запаха. Такимъ свойствомъ есть въ доброй женѣ кроткій и молчаливый духъ; она прилѣжна, трудолюбива, заботлива, любвеобильна во всемъ своемъ обиходѣ, но сверхъ того въ отношеніи къ мужу и ко всему семейному кругу является ангеломъ мира. Всѣ духовныя добродѣтели считаются ангельскими, но чистота житія есть по преимуществу ангельская добродѣтель, она какъ благородное дерево можетъ произрастити, и въ самомъ дѣлѣ произращаетъ благодатный плодъ мира.

Третье украшеніе доброй жены слѣдуетъ отнести къ ея званію доброй матери. Если жену можно сравнити съ цвѣтущимъ деревомъ, то матерь можно сравнити съ тѣмъ же деревомъ, когда оно стоитъ предъ нами съ плодами своими. Самымъ благороднымъ украшеніемъ матери служатъ ея благовоспитанныя дѣти. Отъ чистоты житія, какъ отъ

добраго корня, можетъ произойти одно доброе воспитаніе, равно какъ насупротивъ отъ вялыхъ корней вянетъ дерево, вянутъ, и безвременно низпадаютъ плоды. И къ дѣтямъ можно удобно примѣнити: **Ко́сть о҃тъ костє́й мои́хъ, и҆ пло́ть о҃тъ пло́ти моєѧ.**

Теперь уже излишнимъ считаю благочестивое собраніе! указати вамъ: что останется изъ украшеній доброй жены съ наступленіемъ смерти? Вы сами видите, что чистота житія переходитъ и въ загробную жизнь, и тамъ по достоинству будетъ награжденна Спасителемъ нашимъ, сказавшимъ: **Блаже́ни чи́стіи се́рдцемъ: я҆́кω ті҃и Бо́га у҃зрѧтъ.** (Матѳ. V. 8.) Было бы излишне и тебѣ доказывати опечаленный мужъ! что со смертію жены неутратили свое значеніе слова: **Сѐ ны́нѣ ко́сть о҃тъ костє́й мои́хъ, и҆ пло́ть о҃тъ пло́ти моєѧ**, даже теперь еще больше имѣютъ значенія, чѣмъ имѣли въ житіи вашемъ, потому что вопросъ вѣчности далеко превосходитъ вопросъ нашего временнаго на землѣ пребыванія. Понятна твоя печаль, понятны слезы, съ которыми ты сопроводишь жену и матерь дѣтей къ предѣлу другосвѣтняго царства. Въ настоящій часъ проносится предъ очами твоими образъ мирнаго сожитія вашего, подъ истеченіемъ (—ти) лѣтъ; все сіе время кажется уже теперь неуловимымъ сномъ, измѣняющимся въ памяти твоей въ своихъ явленіяхъ, и улетающимъ невозвратно въ даль. Каждый образъ, каждое явленіе больно сжимаетъ сердце, потому что еще болѣе чувствуется величіе утраты твоей. Небудетъ больше наблюдательницы за порядкомъ въ домовствѣ; помощницы въ предпріятіяхъ; утѣшительницы въ бѣдахъ и напастяхъ; теплоты пріюта приходящему съ дороги; пріязнующей вѣрности во время болѣзни; и доброй матери у дѣтей. Тяжесть, раздѣленнаго дотеперь по поламъ всего житейскаго труда становится на твоихъ плечахъ; правда, тяжело твое положеніе, по умѣри скорбѣ сердца твоего, потому что ты давно предвидѣлъ — долженъ былъ предвидѣти приближеніе сего темнаго для семейства дня, долженъ былъ съ христіанскою отважностію приготовлятися ко встрѣченію сего часа. Остается для тебе съ полною преданностію преклонити голову предъ судьбою Провидѣнія Божіяго, и приложи все усиліе къ тому, чтобы добродѣ-

тели покойницы — жены и матери — въ домѣ твоемъ и надалѣе пребывали. Что ты въ ней любилъ, что почиталъ, чего утрату такъ больно чувствуешь теперь, было отраженіемъ твоего собственнаго существа по плоти и по духу, **кость отъ костей твоихъ**, сожійся съ необходимымъ сознаніемъ, что ты оставленъ самъ на себе съ тѣмъ, дабы въ себѣ самомъ восполнити утрату упокоившейся возлюбленной жены и матери. Добрая память ея будетъ для тебе опорою въ превратностяхъ житія сего, и будетъ подкрѣпленіемъ ослабѣвающихъ силъ твоихъ. Но уже приступи ко гробу ея съ дѣтьми, и проч. (Примѣненіе.)

А что относится къ намъ благочестивое собраніе! часто повторяются предъ нами случаи, что неотвратимая смерть нарушаетъ единство, существующее между вѣрно любящими другъ друга супругами, обратимъ вниманіе наше и на духовную сторону единства ихъ. Принимая въ уваженіе, что въ тайнѣ брака супруги, благодатію св. Духа, по мѣрѣ нравственнаго ихъ достоинства, совокупляются и въ единство духовное, — представляется вопросъ: имѣетъ-ли смерть силу къ расторженію духовнаго ихъ единства?

Нѣтъ. Власть смерти кончится властію надъ тѣломъ, и нимало неприкасается духовнаго единства супруговъ, если оно въ земномъ житіи въ самомъ дѣлѣ существовало межъ ними. Значитъ, если нравственность ихъ въ земномъ житіи стояла на равной степени, въ томъ случаѣ единство ихъ переходитъ и въ загробную жизнь. Въ часъ смерти смертный человѣкъ оставляетъ смертную часть свою на землѣ до наступленія послѣдняго дня, а безсмертная часть его отходитъ въ безсмертное царство, гдѣ начинается духовная жизнь. Спаситель сказалъ: **Въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но якw ангели Божіи на небеси сутъ.** (Матѳ. XXII. 30.) Итакъ духовное единство, и загробное свиданіе супруговъ, стоитъ на основаніи соединенія съ Богомъ въ Его святости, которымъ соединены всѣ праведные духи въ единеніи небесномъ. Образъ Божій да отражается въ непорочности сердецъ нашихъ, сею силою побѣждается падшее естество наше. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ МУЖЕМЪ ИЛИ ЖЕНОЮ, ЖИВШИМИ ВЪ РАЗВОДѢ.

Содержаніе: О нерасторжимости брака.

Ѻженѝкшимсѧ завѣщава́ю, не а҃зъ, но Госпо́дь, женѣ сѡ́тъ мⷭ́жа не разлⷭ́ча́тисѧ: а҆́ще ли же разлⷭ́чи́тсѧ, да пребыва́етъ безбра́чна, и҆лѝ да смири́тсѧ съ мⷭ́жемъ свои́мъ: и҆ мⷭ́жⷭ жены̀ не сѡ́тпⷭща́ти.

I. Кор. VII. 10—11.

Въ общественномъ житіи часто произносится такое мнѣніе, что брачный союзъ, основанный на взаимной любви, вяжется не на землѣ но на небесахъ. Извѣстно, что таинство брака ведетъ свое начало отъ самаго Іисуса Христа, апостолъ языковъ назвалъ сію тайну — тайною великою, и необиновался сравнити сей союзъ съ союзомъ, существующимъ между Христомъ и церковію, въ довершеніе выражается такъ: *Христу глава Богъ, мужу глава Христосъ, жены глава мужъ.* (I. Кор. XI. 3.) Нравственное единство двухъ лицъ, въ которомъ воля одного подчинена волѣ другаго, зиждется на восполненіи другъ друга; мужъ тяготѣетъ къ женѣ чтобы восполнити себе, а жена влечется къ мужу, чтобы въ немъ найти свою опору и покой.

Естественно, такое — учрежденное Богомъ нравственное единство — соключено съ высокими нравственными цѣлями, которыя заключаются въ умноженіи и сохраненіи рода человѣческаго, далѣе въ рожденіи и умноженіи чадъ церкви Христовой, и вконецъ въ соблюденіи цѣломудрія. Для вступившихъ въ сей святый тѣсный союзъ, при вѣр-

номъ оцѣненіи своего званія, открываются семейныя радости, которыя въ такой мѣрѣ цѣнны, и способны дати жизни свѣтлое, мирное, счастливое, ублажающее теченіе, въ какой мѣрѣ достигаемы бываютъ высокія нравственныя цѣли брака, и съ тѣмъ — благословенный малый кругъ семейный — въ соединеніи съ подобными другими многими кругами семейными — нетолько даритъ государства надежнымъ гражданствомъ, но увеличиваетъ составъ всемірной церкви Христовой, званной въ царствѣ небесномъ для вѣчнаго блаженства.

Видите, нравственныя цѣли — заключеннаго на землѣ брака — довершаются въ царствѣ небесномъ, потому высокое достоинство брака должно быти измѣряемо не земною — но небесною мѣрою, и кто его нарушаетъ — нарушаетъ учрежденіе Божіе, самъ Спаситель изрекъ: **Є́же Богъ сочета́, человѣ́цы да не разлучи́летъ.** (Матѳ. XIX. 6.) Святая воля Господа рѣшительно состоитъ въ томъ, чтобы сочетаніе Его небыло человѣками расторгаемо, до того времени, пока Онъ Самъ неположитъ предѣла земному житію посланіемъ на одно лице изъ брачныхъ смерть. Кромѣ смерти разводъ возможенъ единственно **словесѣ прелюводѣйнаго ра́ди** (Матѳ. V. 32.), то есть, когда существо брака наперекоръ волѣ Божіей нарушено, и нарушеніемъ супружеской вѣрности нравственное значеніе брака явно оскорблено и уничтожено. Провинившаяся сторона явно непоняла превосходства учрежденія Божіяго, неоцѣнила и собственнаго достоинства — низводя себе съ высоты непорочности къ удовлетворенію чувственности.

Въ сожительствѣ супруговъ можетъ быти много поводовъ обоюднаго недовольствія, которое подобно затаенной болѣзни изнуряетъ сердца, но корень зла заключается въ двухъ главныхъ точкахъ, именно: *въ несовершенствѣ любви, и неуваженіи долга.* Ошибается, кто бы мыслилъ, что несовершенство любви впервыйразъ происходитъ среди сожительства, когда супруги въ непосредственной близи имѣютъ способъ замѣрати недостатки другъ друга: непривлекательность, дурныя привычки, не характерѣ, противныя наклонности, слабости, и проч. все ѳто можетъ неблагопріятно вліяти и ослабити даже уничтожити впечатлѣнія первона-

чальной любви, но утрата любви отъ несовершенства любви различается въ томъ, что несовершенство любви существуетъ уже прежде заключенія брака.

Смотрите, прежде сочетанія двухъ сердецъ въ составъ нерасторжимаго союза, къ сожалѣнію, двигателемъ рѣшимости ихъ обыкъ являтися — и является многоразъ всякій посторонній взоръ на расчетахъ обѣщающагося благополучія, — благополучія иногда только воображаемаго и невозможнаго, является надежда обезпеченія для себе легкаго и свѣтлаго прожитія, мнимая возможность пріобрѣтенія чѣмъ болѣе свободы для присущихъ наклонностямъ притязаній, или вконецъ у многихъ бываетъ побужденіемъ безпомощность трудныхъ житейскихъ обстоятельствъ, и главное, что неимѣется надежды на лучшій выборъ. Слѣдствіемъ основаннаго на такихъ побужденіяхъ союза, бываютъ недоразумѣнія, сперва малыя распри, потомъ несогласія, изъ-за малыхъ причинъ прекословія, скорбь про неисполненныя или неисполнимыя надежды, вражда, подозрѣнія и конечная ненависть.

Слѣдуетъ *неуваженіе долга.* Что день, состояніе сожительства — при учащающихся непріятностяхъ, столкновеніяхъ, раздорахъ и несогласіяхъ — кажется болѣе нестерпимымъ, и вконецъ — огорчившіе другъ друга до крайности супруги считаютъ себе въ правѣ разорвати (по ихъ мнѣнію неестественный) союзъ, который святая воля Божія учредила нерасторжимымъ. Союзъ, которому предстояло расторгнутымъ быти только смертію, они рѣшаются опередити смерть, и расторгаютъ сами. Такое безъисходное положеніе равняется кораблю, пострадавшему крушеніе, разорванному на двѣ части, которыя буря житейская относитъ въ противоположныя направленія, съ тѣмъ исчезаютъ всѣ надежды на семейныя радости. Святилище дома остается безъ жертвы, теплота домашняго очага, порядокъ, прелесть мирныхъ занятій, взаимная помощь, взаимныя утѣшенія, питомникъ потомства, все однимъ ударомъ пресѣкается. Въ такихъ случаяхъ, человѣку съ развитымъ твердымъ характеромъ, мужу или женѣ, неостается иного выбора, нежели взяти на плечи крестъ свой, съ полною преданностью въ волю Божію совершати подвигъ христіанскаго терпѣнія, и

въ нравственной борьбѣ принести себе въ жертву. Бываютъ случаи, что супруги прійдя въ себе, и сознавая свои несправедливые проступки и притязанію — примиряются, и возстановляется между ними прежнее согласіе, но есть и татовые, которыхъ примиряетъ одна смерть. Благо, если непослѣдовало большаго несчастія какъ расторженіе сожительства, но къ сожалѣнію, часто подвергается опасности кромѣ земнаго благополучія — уваженіе, честь, слава, и подвергается опасности и вѣчное спасеніе.

Примирительница — смерть обыкновенно неспѣшитъ, чтобы настигнути людей среди отклоненія ихъ отъ закона Божіяго, въ большинствѣ случаевъ даруется имъ время: страждущимъ для умноженія добродѣтели страданія, легкомысленнымъ для излѣченія легкомыслія ихъ — чтобы вразумилися, но вконецъ скоро или поздно **лежи́тъ человѣ́комъ еди́ною у҃мре́ти, пото́мъ же сѕ́дъ.** (Евр. IX. 27.) Человѣку надъ гробомъ мертваго человѣка непозволено произносити судъ, потому что мертвецъ находится уже предъ судомъ Божіимъ, а Богъ для себе задержалъ судъ, **мнѣ̀ о҃тмще́ніе, а́зъ возда́мъ, глаго́летъ Госпо́дь.** (Евр. X. 30.) Страшное слово! Пока мы живые находимся вокругъ гроба мертвеца, развлекаемся можетъ быти посторонними суетными мыслями, подъ тѣмъ душа мертваго человѣка находится предъ судилищемъ Господнимъ. Мнѣ, сколькоразъ ни нахожуся вблизи мертваго человѣка, всегда приходитъ на умъ: нескорбилъ-ли я покойнаго въ чемъ нибудь? несдѣлалъ-ли я ему кривды? накости? несправедливости? огорченія? не былъ-ли я причиною тому, чтобы онъ страдалъ въ земномъ или другосвѣтнемъ вѣку по моей винѣ? Подобныя мысли должны раждатися особенно у приближенныхъ къ покойнику.

Но кто можетъ быти болѣе приближенъ другъ ко другу, нежели мужъ къ своей женѣ? жена къ своему мужу? вѣдь они были соединены въ нерасторжимое единство, и если въ настоящую минуту Господь произноситъ судъ надъ покойникомъ (покойницей), невозможно сомнѣватися въ томъ, что произноситъ судъ и надъ оставшеюся еще въ живыхъ супругою (супругомъ.) Истинно, нѣтъ большаго испытанія для совѣсти оставшейся въ живыхъ стороны, нежели лежащая предъ нею — ея мертвая половина! Невозможно

чтобы предъ взоромъ духовнымъ непроходили безконечною вереницею дѣла, которыя дотолѣ усыплены были въ глубинѣ непробудной совѣсти.

Что естественнѣе? когда для оставшейся въ живыхъ стороны нѣтъ болѣе возможности подати руку примиренія покойнику (покойницѣ), остается надъ его (ея) гробомъ проронити слезу — послѣднюю жертву умиленія, вознестися духомъ къ духу, и предъ судомъ Господнимъ совершити полное помиреніе.

(Примѣненіе прочьаго прощанія къ обстоятельствамъ.)

Вконецъ подъ впечатлѣніемъ настоящаго смертнаго случая благочестивое собраніе! необинуюся сказати вамъ, что есть люди, увѣряющіе, что при всякомъ несчастіи, есть извѣстная доля счастія. Положимъ напримѣръ, что всѣ несчастные случаи въ земномъ житіи, совзоромъ послѣдствій своихъ, приносятъ въ одномъ или другомъ отношеніи нѣкоторую награду или пользу, но прошу васъ, что за пользу можетъ принести случай Богомъ учрежденнаго и людьми расторженнаго брака? Одно ужасное слово просится на уста: *Поздно, все поздно!* Для объясненія приведу сравненіе. Смотрите, нѣкоторый человѣкъ по своей неосторожности утратилъ одно око, вскорѣ — чѣмъ онъ замѣтилъ свое несчастіе, раскаялся о своей неосторожности, и сталъ избѣгати всѣ таковые случаи, которые произвели, или могли бы произвести подобное несчастіе, даже напоминалъ и другихъ, чтобы хранили себе отъ подобной опасности. Для него самаго осталося одно слово: *поздно!* но иные могутъ приняти къ сердцу его злополучный примѣръ, и остерегатися отъ подобной участи. Хотя утрата ока составляетъ самое чувствительное ничѣмъ незамѣнимое несчастіе, но въ расторженномъ бракѣ супруги утрачаютъ половину своего единства, и для нихъ остается съ наступленіемъ смерти то ужасное слово: *поздно;* и кто скажетъ: непереходитъ-ли оно и въ жизнь вѣчную? непереходитъ-ли предъ судъ Божій? непотребуетъ-ли Господь отвѣта про нарушеніе принадлежащаго Ему Самому права? права — оскорбленнаго по всей вѣроятности изъ-за ничтожныхъ маловажныхъ причинъ? кто скажетъ?

Божіе слово вѣчно, а жизнь не шутка. Для нашего поученія остаются слова апостола: **Женѝвшимсѧ завѣщава́ю, не а҃зъ но Госпо́дь, женѣ̀ о҆тъ мꙋ́жа не разлꙋча́тисѧ: А҆́ще ли же разлꙋчи́тсѧ, да пребыва́етъ безбра́чна, и҆лѝ да смири́тсѧ съ мꙋ́жемъ свои́мъ: И҆ мꙋ́жъ жены̀ не о҆тпꙋща́ти.** Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ УМЕРШИМЪ СКОРОПОСТИЖНОЮ СМЕРТІЮ, КАКЪ: ПОРАЖЕНЫМЪ МОЛНІЕЙ, УТОПЛЕНИКОМЪ, ЗАМЕРШИМЪ, ЗАСЫПАННЫМЪ ЗЕМЛЕЮ, ПОГИБШИМЪ ВЪ ПОЖАРѢ, РАСТЕРЗАННЫМЪ ЗВѢРЯМИ, УЖАЛЕННЫМЪ ЗМѢЕМЪ, И ПРОЧ.

Содержаніе: О скоропостижной смерти.

Сѐ ѐстъ писáніе вчинéное: Мани, Θекéлъ, Фáресъ.
Данiил. гл. V. ст. 25.

Сынъ, могущественнаго иногда царя Вавилонскаго Навуходоносора — Валтасаръ, въ царствованіе свое, однажды, сотворилъ вечерю велію для своихъ вельможъ. Число участвовавшихъ въ вечерни было тысячь людей, трапеза блистала пышностію и велелѣпіемъ, въ золотыхъ и сребряныхъ сосудахъ подносилося множество всяческихъ изысканныхъ яствій, разливалося дорогое вино, и все было устросно въ излишествѣ — что только пріятно для вкуса, и чего желаютъ очи. Принимающіе участіе въ вечери пируютъ, веселятся, пьютъ, и пьянѣютъ, а между всѣми царь подъ вліяніемъ вина въ веселіи превышаетъ всѣхъ, распущенность его духа неимѣетъ границъ.

Въ такомъ расположеніи духа, ему пришло на умъ, возвеличити безумное торжество вечери тѣмъ, чтобы подносимыя въ излишествѣ яствія и вина — подносилися въ тѣхъ освященныхъ сосудахъ, которыя отецъ его Навуходоносоръ — послѣ разрушенія имъ Іерусалима — изнесъ изъ храма Господа Бога, и хранилися въ царскихъ сокровищницахъ. И принесли рабы освященные сосуды — золотые и серебряные — и пилъ изъ нихъ царь, и вельможи его, и наложницы его, и всѣ участвовавшіе въ вечери.

Внезапно, насупротивъ великаго свѣтильника на стѣнѣ, явилися персты руки какъ бы человѣческой, и написали пламенными письменами сіи три слова: **Мани, Θекелъ, Фáресъ**... При видѣ сего явленія царь дотого устрашился, что лице его измѣнилося, во всемъ составѣ своемъ сталъ дрожати, члены тѣла разслабилися, и колѣна у него стали сбиватися другъ ко другу. Неиначе ужаснулися и вельможи. Минутно оставило всѣхъ безбожное самозабвеніе, и вліяніе пьянства, всѣ стоятъ они какъ прикованные къ мѣсту съ поблѣднѣвшими смертельно лицами, и въ недоумѣніи смотрятъ другъ на друга, ожидая скораго страшнаго проявленія гнѣва Божіяго.

И возопи́ царь привести волхвовъ, которые бы въ состояніи прочитати, и истолковати значеніе горящихъ на стѣнѣ страшныхъ письменъ. Но токмо Духомъ святымъ одаренный св. пророкъ Даніилъ былъ въ состояніи прочитати, и истолковати значеніе пламенныхъ письменъ. Толкованіе пророка Даніила было таково:

Мани... **Измѣри́ Богъ ца́рство твое́, и́ скончá е́**... **Θекéлъ**... **Постáвисѧ въ мѣ́рилахъ** (ца́рство твое́) **и́ обрѣ́тесѧ лишáемо. Фáресъ**... **Раздѣли́сѧ ца́рство твое́, и́ дадéсѧ Ми́домъ и Пе́рсомъ.**

Страшно подумати, что среди пира, веселія, и пьянства царя Валтасара, и его вельможъ, непріятель Дарій, царь Мидскій уже стоялъ подъ стѣнами Вавилона, нечаянно ворвался въ городъ, убилъ всѣхъ пировавшихъ въ царскомъ домѣ, и убилъ въ ту самую ночь и Валтасара, и отнялъ отъ него царство.

Тѣмъ, что было для царя Валтасара его царство, есть для всякаго человѣка этотъ мíръ, надъ тварями котораго поставилъ его Господь царемъ. Многоразъ безъ того, чтобы человѣкъ предполагалъ, подъ стѣнами его бытія уже давно ожидаетъ *непріятель — смерть*, чтобы ворватися въ городъ, разрушити до основанія домъ тѣла, и изторгнути оттуду жизнь. Среди нашего самозабвенія, насупротивъ свѣтильника жизни, въ послѣднюю минуту является перстъ Божій, и начертываетъ страшныя три слова: **Мани, Θекéлъ, Фáресъ.**

Въ самомъ дѣлѣ смерть неотлучная непріятельница жизни. Невидимо присутствуетъ надъ колыбелію дитяти, стрежетъ юношу, неотлучается отъ возмужалыхъ, своею добычею считаетъ старцевъ. Нескрыешься отъ ней въ уединенной пустынѣ, неубѣжишь въ отдаленную страну, неотвяжешься отъ ней ни на высотѣ, ни въ глубинѣ земли, ни въ безднахъ моря, неосвободишься въ многолюдномъ городѣ, ни въ открытомъ полѣ, ни въ дикихъ дебряхъ. Невидимая рука ея съ высоты низринетъ тебя въ бездну, въ глубинѣ засыплетъ землею, утопитъ водою, умертвитъ посредствомъ растерзанія звѣрями, нападеніемъ разбойниковъ, ужаленіемъ змѣй; поразитъ молніей, вреднымъ воздухомъ, моровыми язвами, гибелью на войнѣ и въ междоусобіяхъ; сожжетъ пожаромъ, . . . и кто бы исчислилъ всѣ дѣйствія ея рукъ? Она пользуется для уничтоженія жизни всѣми стихіями изъ которыхъ состоитъ человѣкъ, и всякимъ вреднымъ пособіемъ, могущимъ уничтожити жизнь. Безжалостно кладетъ она сѣмена тлѣнія въ подвластное ей тѣло, иногда дуновеніе ея коснется воспріимчивыхъ частей тѣла, и развивается въ безчисленныхъ видахъ недуговъ и болѣзней, какъ предшественницъ ея.

Видимо, никогда неможетъ считати себя безопаснымъ и самый здоровый человѣкъ, потому что сила смерти коренится въ его грѣховности. **Жа́ло сме́рти: гре́хъ**, говоритъ св. писаніе, (I. Кор. XV. 56.), итакъ корень зла, причина его тлѣнія, находится въ самомъ человѣкѣ. Разница между тихою, долговременною, мучительною, и между скоропостижною смертію есть та, что въ первыхъ случаяхъ предоставляетъ Богъ время для покаянія, или пріобрѣтенія добродѣтелей, а въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ.

Непозволено намъ отодвигати занавѣсъ, застилающій предъ взорами нашими причины, по которымъ Провидѣніе Божіе позволяетъ смерти скоропостижно поражати нѣкоторыхъ изъ людей. Но извѣстно намъ то, что и власы главы нашей изочтены предъ Богомъ, всевидящее Око Его сопровождаетъ насъ на пути жизни, и безъ позволенія Его неможетъ прикоснутися къ намъ смерть; если таже нѣкоторые изъ людей умираютъ скоропостижною смертію, то совершается по извѣстнымъ, для насъ недовѣдомымъ, но

премудрымъ и справедливымъ судьбамъ Провидѣнія Божіяго.

Можетъ случитися, какъ и случается допускъ скоропостижной гибели людей, по той причинѣ, что долготерпѣніе Божіе истощается про беззаконіе ихъ, и въ гнѣвѣ своемъ Онъ истребляетъ беззаконныхъ съ лица земли, какъ истребилъ иногда родъ человѣческій всеобщимъ потопомъ, какъ истребилъ Содому и Гомору огнемъ, какъ поразилъ царя Валтасара нашествіемъ непріятеля. Но можетъ случитися, какъ и случается, что нѣкоторому, дотолѣ благочестивому человѣку предстоитъ паденіе, и нравственная гибель; онъ провелъ житіе свое въ благочестіи, и такимъ образомъ удостоился любви Божіей, потому Богъ предохраняя его отъ гибели, позволяетъ смерти скоропостижно поразити его. Есть случай, что иныхъ поражаетъ молнія, убиваетъ древо, растерзаютъ звѣри среди молитвы, утопляетъ наводненіе, сожигаетъ огнь среди восклицаній о помощи къ Богу, убиваютъ разбойники среди сна, — въ таковыхъ случаяхъ да неосмѣляется оставшійся въ живыхъ человѣкъ впускатися въ разсужденіе причинъ, извѣстныхъ одному Богу. Да неосмѣляется себя выше ставити пораженнаго, не Спаситель-ли сказалъ: **Что̀ ви́диши сѹ́чецъ, и҃же въ о҃цѣ бра́та твоего̀, бе́рвна же, е҃же е҃сть во о҃цѣ твое́мъ не ч҃еши?** (Матѳ. VII. 3.) Во страсѣ Божіемъ біяся во грудь, болѣе да благодаритъ Его, что еще предоставилъ ему время для покаянія.

Не страшно-ли подумати, что и насъ, среди нашего самозабвенія, ахъ иногда среди грѣховъ, можетъ постигнути всякой минуты подобная судьба! Время житія нашего есть все, что имѣетъ для насъ значеніе, и цѣну ничѣмъ неоцѣнимую; пролетѣвшая понапрасну минута никогда невозвратится, и увы! наше поведеніе таково, будьтобы насъ невидѣло всевидящее Око, а межь тѣмъ, надъ нами, кто знаетъ, ненаписаны-ли уже страшныя слова: **Манѝ, Θеке́лъ, Фа́ресъ?**

Потрясающій случай твоей кончины о мертвецъ! заставляетъ насъ трепетати о собственной судьбѣ. Твой примѣръ приводитъ насъ къ размышленію: Что на мѣрилѣ нашихъ дѣлъ, можетъ быти, недостаетъ одного песчанаго

зерна, чтобы важка утратила равновѣсъ, и мы мгновенно ринулися въ бездну. Твой примѣръ внушаетъ намъ, чтобы мы постоянно пребывали въ страсѣ Божіемъ, и всякой минуты были готовы къ отходу. Вѣдь увы! ты неуспѣлъ сказати твоему семейству на прощаніе „Спасибогъ!“ неуспѣлъ дати дѣтямъ блогословенія.

Примѣненіе прощанія къ семейнымъ обстоятельствамъ.

Заключеніе.

..... Высоко почитаемъ мы угодниковъ Божіихъ, которые въ такой степени удостоилися благоволенія небеснаго, что они напередъ были освѣдомляемы о времени своей кончины. Степень достигнутаго или духовнаго совершенства отверзаетъ намъ очи: что они живя тѣломъ на землѣ, духомъ отдавна были жителями другосвѣтними, потому-то и получали предувѣдомленіе объ исходѣ своемъ.

Недостоитъ убавляти счастія и тѣхъ, которые проведя время въ недугѣ, послѣ богоговѣйнаго совершенія тайны покаянія, въ состояніи благодати принимаютъ напутствіе святѣйшаго тѣла и крови Христовой.

О умирающихъ скоропостижною смертію, обратимся къ самому Спасителю, и слышимъ Его божественное изреченіе: **Онѝ о҃смьна́десѧте, на ни́хже падѐ сто́лпъ Сі҃лѡа́мскій, и̂ повѝ и҃̈хъ, мни́те ли, ѩ҆́кѡ тіѝ до́лжнѣйши ва́хъ па́че всѣ́хъ живѹ́щихъ во Іерѹсали́мѣ? Нѝ, глаго́лю ва́мъ: но а҃ще не пока́етеся, всѝ та́кожде поги́бнете.** (Лук. XIII. 4. 5.) Въ довершеніе: и начало и конецъ нашъ въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. **А҃ще у҃́бо живе́мъ, а҃ще у҃мира́емъ Господнѝ е҆́смы. На сіѐ бо Христо́съ и̂ у҃́мре, и̂ воскре́се, и̂ ѡ҆́живѐ, да и̂ ме́ртвыми, и̂ живы́ми о҆́бладаетъ.** (Римл. XIV. 8. 9.) Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ УБІЕННЫМЪ.

Содержаніе: Не убій.

Речѐ Госпо́дь: что̀ сотвори́лъ є̂си сіѐ? гла́съ кро́ве бра́та твоего̀ копіе́тъ ко мнѣ̀ о́тъ землѝ.
Книга Бытія IV. 10.

Убійца въ томъ предположеніи наноситъ свои смертоносные удары, что съ своею жертвою покончитъ разъ навсегда. Думаетъ, въ уединенномъ пустомъ мѣстѣ нѣтъ свидѣтеля его преступленія, но вскорѣ убѣдится въ противномъ: предсмертный взоръ убіеннаго, послѣднія содроганія его тѣла, раны, кровь, съ послѣднимъ вздохновеніемъ умирающаго, окаменѣваютъ въ его памяти; присутствуетъ ужасающееся естество, выдвигаются изъ земли обвинители; слышитъ упреки въ шумѣ вѣтра, въ шелестѣ листьевъ, въ лету птицъ, въ біеніи собственнаго сердца, боится измѣны отъ стука своей походки. Обвинитель всякій встрѣчный человѣкъ, противенъ людскій голосъ; противны селенія гдѣ люди живутъ; кажется, еще и дубравный звѣрь смотритъ на злодѣя неестественнымъ взоромъ. Созади преслѣдуетъ сознаніе преступленія, впереди ожидаетъ наказаніе правосудія, а надъ головою грозный голосъ оскорбленнаго Создателя: **Гла́съ кро́ве бра́та твоего̀ копіе́тъ ко мнѣ̀ о́тъ землѝ!**

Желалъ бы въ дребезги разбити зеркало своей совѣсти, въ которомъ постоянно живетъ страшный образъ преступленія, но каждая частица разбитаго зеркала стократно отражаетъ тотже образъ; за слѣдами шествуетъ черная тѣнь, напереди черная тѣнь; черная тѣнь днемъ, черная тѣнь

среди мучительныхъ сновъ. Гдѣ обрѣтешь ты покой злочастный преступникъ! противо тебе вопіетъ плачь усироченнаго семейства, негодованіе общества человѣческаго, попранный естественный и нравственный законъ, противо тебе вопіетъ кровь къ небесамъ! Могутъ-ли тебе оправдати причины, побудившія тебе къ совершенію такого богопротивнаго дѣла? всѣ причины ничтожны въ сравненіи съ утратою вѣчнаго спасенія; исключилъ ты себе самовольно изъ общества честныхъ людей, исключилъ ты себе и изъ царства небеснаго. Гдѣ обрѣтешь ты пристань? гдѣ миръ? гдѣ милосердіе?

Непринимаемся отъискивати отягощающія, или омягчающія обстоятельства въ совершенномъ преступленіи, потому что то принадлежитъ въ область мірскаго правосудія, которое безсомнѣнно поступитъ по справедливости. Но сердце благочестиваго христіанина долженъ озаряти тотъ свѣтъ, лучи котораго отъ св. Креста пролилися по всей вселенной, когда Спаситель молился о своихъ убійцахъ, чтобы Отецъ небесный невмѣнилъ грѣха распинателямъ его. Никто неизмѣритъ того безпредѣльнаго милосердія, божественностію котораго желалъ Онъ облагородити духъ искупленнаго Имъ рода человѣческаго. Вмѣсто духа отомщенія, воцарилъ духъ прощенія и любви, — любви даже ко врагамъ. Такое небесное сѣмя и принесло обильные плоды благочестія. Изъ многихъ приведу одинъ:

Благородной матери принесли сосѣды убіеннаго на улицѣ единственнаго сына, наслѣдника многихъ имѣній. Несчастная мати съ разрывающимся отъ горя сердцемъ неутѣшно возрыдала надъ утратою своей земной надежды; межь тѣмъ едва простылъ слѣдъ за ушедшими сосѣдами, вбѣгаетъ къ утопающей въ слезахъ матери — преслѣдуемый приставниками правосудія самъ убійца, и проситъ отъ ней убѣжища. Мати, отъ предстоящаго предъ нею трепещущаго убійцы, безмольвно воздвигла взоръ свой къ небу, потомъ на распятіе у изголовья убіеннаго сына своего, получая свыше силу къ побѣдѣ надъ собою, мгновенно рѣшается скрыти убійцу отъ его преслѣдователей. Улучивши потомъ удобное для бѣгства время, напутствуетъ убійцу доброю одеждою сына, конемъ, и довольнымъ серебромъ, и

такъ отпускаетъ его въ мирѣ. Ея изумительное благочестіе вскорѣ было награждено тѣмъ, что въ слѣдующую ночь явился убіенный сынъ матери въ свѣтлой одеждѣ, и сказалъ ей: Во вѣки благодарю тебе госпожа и вдвойнѣ родительница моя! ибо когда ты врагу моему и врагу твоему искренно простила его вину, ты тѣмъ искупила всѣ долги мои, и для мене отверзла небо, которое имѣло быти для мене долго затворенно.

Въ поступкѣ благородной матери видимъ, въ полномъ смыслѣ слова исполненіе заповѣди любви ко врагамъ. Немало требуется духовной силы къ тому, чтобы преодолѣти чувство мести про оскорбленіе кровнаго единства, въ такія минуты, благородство духа побѣждаетъ тѣлесное естество; сердце обливается кровью, а межь тѣмъ духъ торжествуетъ. Торжество духа вѣнчаетъ свыше небесный голосъ: **Не оу҃бо́йтеса҆ о҆тъ оу҃бива́ющихъ тѣ́ло, дше́й же не могу́щихъ оу҃би́ти.** (Матѳ. X. 28.)

Дѣйствительно, хотя насильственная смерть, нанесенная кровожадною рукою убійцы, отрывающая изъ семейнаго круга полезнаго члена, и даже главу семейства, причиняетъ много слезъ, много горя, бѣдствій, составляетъ незамолнимую утрату; но въ душевномъ отношеніи не есть верхомъ несчастія. Есть еще большее несчастіе, именно, когда членъ семьи подвергаетъ опасности нетолько жизнь свою, но и душевное спасеніе. Таковые случаи: случай поединка, и случай самоубійства, потому что въ сихъ случаяхъ, прибавляется къ меньшему несчастію насильственной утраты жизни — вмѣстѣ — ничѣмъ, и никогда неисправимая вѣчная гибель души.

Смотрите, мѣра бѣдствій нашихъ еще не полна. Естество наше ужасается отъ пролитія крови, отъ всякаго убійства, потому что мы все сіе видимъ нашнми очами. Межь тѣмъ, въ нравственномъ мѣрѣ совершается среди насъ множество душевныхъ убійствъ, также смертоносныхъ для духа, какъ смертоносно убійство тѣла. И чтоже? Совѣсть наша остается невижимою; въ ней нѣтъ соболѣзнованія надъ гибелію другихъ, иногда самыхъ приближенныхъ къ нашему сердцу людей; а когда мы сами погибаемъ? при-

творяемся, что съ нами неслучилося ничего, выходящаго изъ нравственнаго порядка.

Или несвѣдомо намъ: что всякій смертный грѣхъ убиваетъ душу? несвѣдомо-ли намъ: что такими беззаконіями убиваемъ и другихъ, и совершаемъ и надъ собою самоубійство? При видѣ крови поминаемъ слова Создателя: **Гласъ кро́ве бра́та твоегѡ̀ вопіе́тъ ко мнѣ̀ ѻ́тъ земліѝ**, а при сознаніи убійствъ — и многократнаго самоубійства душевнаго непоминаемъ своей виновности предъ Спасителемъ, пролившимъ кровь свою для нашего искупленія. Горе помыслити на тѣ ужасныя восклицанія ожесточенныхъ Іудеевъ: **Кро́вь егѡ̀ на на́съ**. . . . (Матѳ. XXVII. 25.)

Насупротивъ сего, признаемся благочестивое собраніе! можемъ-ли привести въ наше оправданіе другую причину, чѣмъ ту, что въ насъ наперекоръ нашему искупленію, все еще преобладаетъ наклонность болѣе ко злу, нежели къ добру, все еще мы подвластны злому духу, который **человѣкоѵ́бійца бѣ̀ и҃сконѝ** (Іоанн. VIII. 44.); далеко да будетъ отъ насъ, чтобы къ намъ могли въ концѣ примѣнитися святѣйшія слова Спасителя: **Ѹ҃мрете въ грѣсѣ́хъ ва́шихъ.** (Іоанн. VIII. 24.)

Да небудетъ такъ. Не умремъ. . . Если предположеніе наше имѣетъ твердое основаніе, то на семъ основаніи — впервыхъ, да исполнится сердце наше прощаніемъ вины по духу Христову, Господь сказалъ: **Мнѣ̀ ѻ́тмще́ніе, а҃зъ воздаа́мъ.** (Евр. X. 30.); вовторыхъ, приложимъ усиліе, чтобы нашими смертными паденіями ненавлекати на себе отомщеніе суда Божіяго; и тогда уже въ третьихъ: въ сознаніи собственныхъ убійствъ, станемъ смотрѣти на случай настоящаго убійства съ сознаніемъ собственной душевной виновности, и въ духѣ всепрощенія нашимъ виновникамъ, воззовемъ словами умиравшаго на крестѣ Спасителя: **Ѻ́тче ѻ́тпѵ́стѝ и҃мъ: не вѣ́дятъ бо что̀ твора́тъ.** (Лук. XXIII. 34.)

Еще остается назади, вамъ сказати нѣсколько утѣшительныхъ словъ опечаленное семейство! Но откуду имѣю я взяти ихъ? когда утѣшеніе можетъ изойти единственно отъ утѣшающаго всѣхъ Отца небеснаго? Принимаю искреннее участіе въ постигшемъ васъ горѣ, соболѣзную вамъ, и съ вами вмѣстѣ оплакиваю убіеннаго, который судя по его

здоровому тѣлосложенію, могъ бы достигнути преклонной старости, но увы! Господь допустилъ, чтобы онъ, насупротивъ нашимъ желаніямъ и надеждамъ, скончался скоропостижною смертію. Что тутъ намъ вмѣшиватися въ судьбы провидѣнія Божіяго? Знаемъ, что ни одного волоса неспадетъ съ головы нашей безъ позвола Его, итакъ по нашему ограниченному сужденію, мы должны успокоитися въ святѣйшихъ судьбахъ Его. Онъ нашъ отецъ, Онъ покровитель, Онъ знаетъ что служитъ къ нашему благу. Онъ по своему Всемогуществу, по своимъ щедротамъ, по своей любви къ намъ, можетъ нетолько исправити сей — до крови и мозга чувствительный для васъ ударъ, но можетъ наградити васъ вмѣсто вашей утраты неизмѣримою своею милостію.

А ты падшій жертвою убійства покойникъ! неимѣвшій возможности сказати твоимъ приближеннымъ послѣднее живое сердечное спасибогъ, скажи имъ, съ какими послѣдними мыслями умиралъ ты? извѣстно съ твоимъ послѣднимъ дыханіемъ твоя мысль обращалась впервыхъ къ . . .

(Примѣненіе.)

Нужно-ли вконецъ благочестивое собраніе! запечатлѣвати въ сердцахъ вашихъ: значеніе беззаконнаго кровопролитія? нужно-ли доказывати лукавство убійствъ, и самоубійствъ душевныхъ? Всѣ мы извлечемъ и для себе, и для другихъ — ту пользу душевную, чтобы мы и въ душевномъ и въ тѣлесномъ значеніи со страхомъ поминали слова Создателя:

Гла́съ кро́ве бра́та твоего̀ вопіе́тъ ко мнѣ̀ о̀тъ землѝ. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ УМЕРШИМЪ ВЪ ПЛѢНУ, ЗАТОЧЕНІИ, ТЕМНИЦѢ, ИЛИ НАДЪ КОТОРЫМЪ-НИБУДЬ МЕРТВЕЦОМЪ.

Содержаніе: О свободѣ.

Ѷзведи ѷзъ темни́цы дⷭ҃шⷭ҃ мою,
ѷсповѣ́датисѧ ѷмени твоемⷭ҃.
Псал. CXLI. ст. 8.

Много говорится на свѣтѣ о свободѣ, а притомъ всякій человѣкъ чувствуетъ гнетъ своего рабства. Заключенному въ темницѣ узнику часто является видѣніе сновъ, о прекрасномъ Божіемъ свѣтѣ, которымъ наслаждаются люди; завидитъ дубравному звѣрю въ его доли, рыскающему безпрепятственно куда ему ни захочется; больно узнику подумати о вольной птицѣ, перелетающей отъ пространства въ другое пространство; или о рыбахъ игриво плавающихъ въ прозрачныхъ водахъ. — Находящемуся въ далекой странѣ плѣннику, или сущему въ заточеніи изгнаннику, живо представляется родный край, домовство, семья, все отечество; удушаетъ его чужій воздухъ, жаждетъ, тлѣетъ, пропадаетъ за родными, страдаетъ пожираемъ невыразимою мукою. Кажется, чувство свободы, равняется соку, поддерживающему растительность растѣній; елею, питающему пламя свѣтильника; крови, оживляющей тѣло; воздуху, служащему условіемъ жизни.

Межь тѣмъ, какъ ни велелѣпенъ сей мі́ръ, въ которомъ живемъ, онъ неиное есть, какъ нрекрасно построенная темница, но всетаки темница, въ которой жажда духа за свободой ненаходитъ полнаго удовлетворенія; тѣло для духа такое же узилище какъ мі́ръ; гробъ тоже что тѣло; грѣхи

тоже что гробъ, — слѣдовательно духъ не живетъ полною независимою жизнію. Конечно человѣкъ, живущій на свободѣ, гораздо счастливѣе отъ находящихся въ темницѣ, плѣну, или изгнаніи, потому что въ меньшей мѣрѣ ограничена его независимость, но духъ его больно чувствуетъ, что пользуется только незначительною частицею своей свободы. Возьмемъ вольнаго гражданина, въ чемъ состоитъ гражданская свобода?

Состоитъ въ возможности безпрепятственно дѣлати все, чего незапрещаютъ законы, или въ совершенной подчиненности законамъ; но законы установлены для ограниченія самоуправства и своеволій, и соключены съ должностію тяжелыхъ налоговъ, приносимыхъ имуществомъ и кровію; слѣдовательно, искупаемая такою цѣною гражданская свобода, одозначуща съ чистомъ принужденности, итакъ, въ такой свободѣ есть благородное побужденіе, но собственно нѣтъ свободы. По благородному побужденію, добрый гражданинъ, изъ любви къ отечеству, свое житіе вѣрно приводитъ въ согласіе съ могущими измѣнитися — и дѣйствительно измѣняющимися временными законами, въ надеждѣ единственно той награды, что потомки его будутъ наслаждатися наслѣдіемъ гражданскихъ преимуществъ, и отечественной славы, а для него самаго останется та награда, что тѣло его почіетъ въ родной землѣ, и соединится съ нею — прахъ съ прахомъ.

Видимо, гражданская свобода въ такомъ соотношеніи стоитъ съ свободою духа, въ какомъ стоитъ союзъ тѣла съ духомъ, или союзъ земнаго міра съ другосвѣтнимъ царствомъ. Межь тѣмъ мы чувствуемъ, мы убѣждены, что присущая духу жажда полной свободы, не есть болѣзненное состояніе поврежденнаго воображенія, гоняющагося за недостижимымъ призракомъ, или явленіемъ мимолетнаго сна, потому нужно намъ искати путеводительный лучь свѣта — ближе ко свѣту, и то въ нравственномъ мірѣ. Если бы для насъ возможно становитися въ положеніе Адама и Евы, предъ паденіемъ ихъ, мы безсомнѣнно отмѣтили бы близость свѣта свободы, потому что Богъ создалъ человѣка свободнымъ. Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ возстановилъ въ насъ первобытный божественный образъ, ко-

торый отразился въ человѣкѣ при его созданіи, и затмился въ немъ грѣхопаденіемъ; но поврежденная вслѣдствіе паденія больная натура человѣческая и теперь необинуется запятняти свой божественный образъ грѣхами, становится рабомъ грѣховъ, и тѣмъ лишаетъ себе свободы. Дитя, послѣ крещенія, пока въ своемъ развитіи, съ которымъ уровень держитъ и приклонность ко злу, недостигло предѣла вмѣняемости преступленій, безсомнѣнно сохраняетъ въ себѣ возстановленный Спасителемъ божественный образъ, слѣдовательно находится въ состояніи блаженной свободы; при видѣ невинныхъ дѣтей, положась въ ихъ состояніе, дотого чувствуемъ близость свободы, намъ кажется, что она даже прикасается нашего духа.

Гдѣ же она? въ чемъ состоитъ она?

Свобода есть идеалъ, въ которомъ духъ нашъ узнаетъ отраженіе собственнаго образа, или тотъ образъ на который онъ созданъ. Чѣмъ яснѣе представляется отраженіе, тѣмъ болѣе чувствуется тяжесть тѣла, тѣмъ мучительнѣе становится жажда за достиженіемъ независимости, совершенства, и блаженства, — чувствуется необходимость соединенія духа съ своимъ первобытнымъ образомъ, но увы! чувствуются и пута грѣховъ, препятствующія состоятися вожделѣнному соединенію.

Слѣдуетъ, что какъ далеко отстоитъ духъ нашъ отъ узнанія своего первобытнаго образа, такъ далеко отстоитъ онъ отъ достиженія свободы. Утолити присущую безсмертному духу жажду, значитъ жити сверхестественною жизнію, которая состоитъ въ совершенномъ исчезновеніи воли нашей въ волѣ Божіей. Симъ путемъ съ приближеніемъ къ нравственному совершенству, сразу въ одну счастливую минуту духъ озаряется свѣтомъ сверхестественнымъ, узнаетъ свой образъ въ соединеніи съ Богомъ. По сей причинѣ достиженіе свободы независитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, она состоитъ во внутреннемъ соединеніи духа — въ любви и правдѣ — съ Богомъ, всеравно среди шума житейскихъ треволненій, или въ безмольвномъ уединеніи, на далекой чужбинѣ, въ плѣну, у непріятелей, въ заточеніи на безлюдномъ островѣ, или въ подземельяхъ темницъ.

Исчезновеніе воли нашей награждается достиженіемъ источника всѣхъ блаженствъ, и послѣ освобожденія духа отъ тѣла предстоитъ входъ въ вѣчное царство небесной славы, въ состояніе полной свободы отъ зла, отъ судьбы, отъ людей, отъ грѣховъ, отъ недуговъ и болѣзней, отъ печали, смерти, тлѣнія, отъ всѣхъ земныхъ несчастій и злополучій.

Но возможно-ли достиженіе такого высокаго совершенства? Зависитъ при помощи небесной благодати отъ нашего нравственнаго развитія. И прежде насъ жили люди сверхестественною жизнію, и послѣ насъ будутъ жити, что для иныхъ оказалося возможнымъ, можетъ оказатися возможнымъ и для насъ. Св. апостолъ Павелъ сказалъ: **Нашe житіе на небесѣхъ ѥсть** (Філипп. III. 20.) но нѣтъ во всемъ священномъ писаніи одной странницы, которая невпушала бы намъ житія небеснаго. Безсмертному духу человѣческому настолько присуща тоска по Богѣ, что среди всѣхъ удовольствій житейскихъ нѣтъ такого самозабвенія, нѣтъ такого блаженнаго упоенія, чтобы онъ чувствовалъ себе довольнымъ. Всегда, всегда чувствуетъ онъ въ себѣ невыразимую словами бездну неизмѣримой пустоты, и сія пустота есть недостатокъ соединенія съ Богомъ. Насупротивъ праведники, по мѣрѣ нравственнаго ихъ совершенства, уже въ земномъ житіи духомъ приходили въ состояніе соединенія съ Богомъ, предвкусили сладость другосвѣтняго блаженства, предвкушали упоеніе свободы, и когда наставалъ желанный часъ перехода ихъ въ другосвѣтнее царство, уже болѣе ничто непрепятствовало имъ вполнѣ утолити свою жажду въ нескончаемой вѣчности.

Та минута носилася предъ духовнымъ взоромъ пророка Давида, когда воззвалъ къ Господу: **Изведи ѿзъ темницы дшю мою, ѡсповѣдатиса имени твоемѹ.** Подъ темницею безсомнѣнно разумѣлъ тѣло, но подразумѣвалъ и земный міръ сей, служащій пышною гробницею человѣка, подразумѣвалъ и всѣ увлеченія страстей, которыя заграждаютъ духу возможность соединенія съ Богомъ.

Послѣ сихъ, скажите: какія чувства должны родитися въ глубинѣ души нашей, при видѣ сущаго предъ нами

гроба? Мы еще живемъ, а духъ мертвеца высвободившися изъ земной темницы перешелъ ту роковую границу, за которою божественною спокойностію продолжаетъ теченіе свое величественная рѣка вѣчности, гдѣ исчезаетъ вѣка за вѣками, переходятъ роды за родами, благо! если переходъ переходящихъ соключенъ съ торжествомъ побѣдителей, горе! если они, освободившися отъ оковъ одной временной темницы, попадаютъ въ другую вѣчную, неисповѣдимо горьшую той, изъ которой высвободилися. Межь тѣмъ, наперекоръ другосвѣтней торжественности, на землѣ все идетъ по прежнему съ шумомъ, легкомысліемъ, нарочнымъ скрываніемъ терзающаго душу недовольства, пустоты, угрызеній совѣсти, мукъ, несчастій, кажется, люди соперничаютъ другъ предъ другомъ въ изобрѣтеніи способа, какъ бы лучше выразити, что у нихъ разсудокъ затмился до крайности, и засвидѣтельствовати, что необузданность увлекаетъ ихъ въ самовольное далекое заблужденіе, откуда возврата не будетъ.

Умѣстнымъ считаю благочестивое собраніе! пріостановити наше вниманіе на рѣшеніи сихъ вопросовъ: надъ кѣмъ должны мы собственно сѣтовати и слезы изливати? Надъ тѣмъ-ли покойникомъ, который освободившися изъ темницы земной, съ доброю надеждою перешелъ въ державу свободы другосвѣтней? или надъ тѣми, которые въ самозабвенномъ ослѣпленіи необузданно готовятъ себѣ темницу вѣчную, изъ которой высвобожденія никогда не будетъ? или, если бы мы и сами находилися въ числѣ тѣхъ, самовольно обрекшихъ себе къ вѣчному осужденію, и наперекоръ сему сознанію воля наша нимало недвижется побужденіемъ къ подвигу собственнаго спасенія? Скажите, надъ кѣмъ слезы изливати? надъ судьбою кого сѣтовати?

Кто полагаетъ свою свободу въ нравственной распущенности, подобенъ попадшей въ сѣть рыбѣ, бьется, рвется, мечется до послѣдняго изнеможенія, и погибаетъ. Какъ для рыбы вода составляетъ необходимое условіе нетолько свободы но и жизни, такъ для безсмертнаго духа человѣческаго Богъ составляетъ единственное условіе свободы и духовной жизни. **Бо́гъ любы̀ е́сть, и̑ пребыва́й въ любвѝ, въ Бо́зѣ пребыва́етъ, и̑ Бо́гъ въ не́мъ пребыва́етъ.** (I. Іоанн. IV. ст. 16.) Смотрите, въ чемъ состоитъ условіе нашей

свободы и жизни, въ чемъ узнаетъ духъ нашъ отраженіе того образа на который онъ созданъ, съ той минуты почувствуетъ, что онъ нетолько вполнѣ свободенъ но и нравственно живъ. Блаженное созданіе! **Мы̀ о҃тъ Бо́га ѣ́смы̀.** (I. Іоанн. IV. 6.) **Ѻ не́мъ во живе́мъ, и̂ движе́мсѧ, и̂ ѣ́смы̀.** (Дѣян. ап. XVII. 28.) Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ СЛѢПЦЕМЪ.

Содержаніе: О очахъ тѣлесныхъ и душевныхъ.

Сла́дко свѣ́тъ, и бла́го со́чима зрѣ́ти со́лнце.
Екклесіастъ XI. 7.

Очи составляютъ изряднѣйшую часть тѣла, и между пяти чувствами имъ надлежитъ первенствующее мѣсто. Ихъ можно сравнити со звѣздами, получающими красоту своего свѣта отъ солнца — души, которая получаетъ свой свѣтъ отъ солнца солнцовъ — Создателя. Тѣлесныя очи съ помощію прочихъ чувствъ, равняясь стоящему на высотѣ крѣпости повелителю, въ области своей, наблюдаютъ за всѣмъ, что совершается вблизи и вдали, и соотвѣтно съ ихъ наблюденіемъ, о всемъ современно извѣщаютъ душу. Чрезъ чувства таже — какъ чрезъ окна, или двери — приходящія извнѣ впечатлѣнія сообщаются съ душею, очи душевныя — впечатлѣніе чувствъ берутъ подъ разсужденіе, а по согласіи души — бываетъ движима воля на дѣло. Видимо и душа и тѣло сходятся въ одномъ: въ движеніи воли.

Но поелику очи душевныя, такимъ же образомъ состоятъ дверями, для принятія впечатлѣній небесныхъ, какъ очи и прочія чувства тѣлесныя, для принятія впечатлѣній земныхъ: между душею и тѣломъ часто происходитъ разногласіе и борьба, и побѣда остается на сильнѣйшей сторонѣ. Безсомнѣнно несчастливъ человѣкъ, когда строеніе его тѣла страдаетъ недостатками, и чувства его неспособны къ принятію впечатлѣній, если онъ глухъ, нѣмъ, или слѣпъ,

— но болѣе несчастливъ, душа котораго страдаетъ такими же душевными недостатками, если у него душевныя дарованія находятся въ омертвѣломъ состояніи, и въ борьбѣ съ тѣломъ, предоставляютъ тѣлу преобладаніе надъ душею.

Всѣ чувства тѣлесныя легко уязвимы, но всѣхъ болѣе уязвимы очи. Чрезъ нихъ, какъ чрезъ отверзтыя ворота нѣкоторой крѣпости, входятъ прежде другихъ впечатлѣнія искушеній. Всё, что является предъ ними въ красивомъ привлекательномъ видѣ, легко получаетъ входъ. Они влекутъ за собою другія чувства, и современно наклоняютъ и волю къ преступнымъ дѣйствамъ. Потому сказалъ Спаситель: **Ѧще о҃ко твоѐ десно́е соблажня́етъ тѧ, и҆змѝ ѥ̃, и҆ вє́рзи о҆тъ себѐ, у҃не во тѝ ѥ̃сть, да поги́бнетъ ѥ҆ди́нъ о҆тъ у҃дъ твои́хъ, а҆ не всѐ тѣ́ло твоѐ ввє́ржено бу҃детъ въ гее́нну҃ о҃гненну҃ю.** (Матѳ. V. 29.)

Если таже несчастливъ слѣпецъ въ томъ, что невидитъ красоты свѣта, не наслаждается прелестями міра, въ томъ можно его считати счастливымъ, что у него затворены найболѣе уязвимыя ворота, для входа искушеній, ведущихъ къ паденію. Даже, неимѣя тѣлесныхъ очей, у него душевныя очи получаютъ большую воспріимчивость для небесныхъ впечатлѣній. Тогда разумъ можетъ становитися управителемъ, наблюдателемъ, царемъ, свѣтиломъ и души и тѣла. Сей царь, можетъ взойти въ обладаніе полной своей власти и надъ слухомъ, и надъ языкомъ, и надъ руками, и надъ ногами, что бы незаблудили отъ пути повелѣній Божіихъ.

Съ исходомъ души отъ тѣла, у всѣхъ одинаково затворяются очи, вмѣсто солнца земнаго всходитъ другосвѣтній свѣтъ, и настаетъ другая жизнь. Отъ блаженнаго Августина въ посланіи къ Евводію, о тѣлесныхъ и душевныхъ очахъ имѣемъ слѣдующій разсказъ:

„Братъ нашъ Геннадій былъ славный врачъ. Онъ въ молодости своей былъ очень милосердъ къ нищимъ, но по собственному сознанію сомнѣвался въ томъ: продолжается-ли жизнь по смерти? Господь Богъ взирая на его милостыни, наставилъ его въ снѣ такимъ образомъ: Явился ему прекрасный юноша, и воззвалъ его идти съ нимъ, и ввелъ его въ городъ, гдѣ слышалъ чудесныя пѣнія. „Что это зна-

читъ?“ — спросилъ онъ юношу. То пѣніе и веселіе святыхъ Божіихъ, — отвѣчалъ этотъ. Межь тѣмъ возбудился ото сна, и не могъ разсудити значеніе его. Въ слѣдующую ночь снова явился ему юноша, и спросилъ его: Познаешь меня? „Хорошо познаю, — отвѣчалъ Геннадій. Гдѣ видѣлъ ты меня? Геннадій отвѣчалъ, что недавно видѣлъ я тебя, и слышалъ прекрасныя пѣнія въ городѣ, въ который ты меня ввелъ. Скажи мнѣ теперь, — вопросилъ его юноша, — какъ ты меня видѣлъ: въ снѣ, или наявѣ? „Въ снѣ“, — отвѣчалъ врачъ. Вѣрно разсуждаешь, — сказалъ юноша, — потому что и теперь въ снѣ видишь меня. Но скажи мнѣ: гдѣ теперь тѣло твое? . . . „Въ домѣ моемъ“, — отвѣчалъ Геннадій. Но знаешь-ли — спросилъ снова юноша, — что очи твои теперь въ тѣлѣ заключенны и связанны, и ничего невидятъ? „Знаю“, — сказалъ Геннадій. Которыми очами видишь меня? — продолжалъ юноша, — Смотри, очи тѣлесныя теперь празднуютъ и зрѣти немогутъ, тѣ же очи, которыми теперь взираешь на меня, то очи душевныя. Итакъ когда умрешь, безъ очей тѣлесныхъ будешь видѣти и жити. Затѣмъ явившійся юноша вслѣдъ сталъ невидимъ“.

Въ ту саму минуту, когда смерть затворяетъ тѣлесныя очи, въ новой жизни душа обращаетъ взоръ свой къ источнику безсмертнаго свѣта, къ незаходимому солнцу жизни и спасенія — Господу нашему Іисусу Христу, сіяющему въ неизреченной славѣ на небесахъ. Блаженна душа, отходящая въ другосвѣтнія селенія въ состояніи благодати, и могущая съ радостію примѣнити къ себѣ слова священнаго писанія: **Сла́дко свѣ́тъ, и̂ бла́го о́чи́ма зрѣ́ти со́лнце!**

Сладко воистину. Если невозможно выразити словами радость слѣпорожденнаго, когда Спаситель отверзъ ему очи, и впервый разъ узрѣлъ свѣтъ, и открывшуюся предъ нимъ дотолѣ никогда имъ невидѣнную роскошь міра, когда увидѣлъ предъ собою самаго Спасителя: кто выразитъ радость праведной души съ явленіемъ предъ нею новаго свѣта? кто изобразитъ великолѣпіе и свѣтлость селеній небесныхъ? кто представитъ сладость при слышаніи пѣснопѣній ангельскихъ? кто измѣритъ восторгъ при слышаніи славословія всѣхъ праведниковъ? кто въ состояніи исповѣсти блажен-

ство при узрѣніи съ лица-на-лице во Тройцѣ святой славимаго и покланяемаго Бога?

Что въ числѣ почившихъ во Господѣ находился, и будутъ находитися таковые праведники, души которыхъ святостію своей жизни удостоивалися, и удостоятся быти участниками небеснаго блаженства, о томъ неможно сомнѣватися. Но извѣстно и то, что великая часть душъ Христіанскихъ должна переходити чрезъ мытарства, и по мѣрѣ своихъ долговъ большее или меньшее время бываетъ задерживаема, пока достигнетъ вконецъ славы небесной.

Ничего нѣтъ естественнѣе, что при сей мысли, всякій живущій на землѣ человѣкъ, какъ бы онъ небреженъ ни былъ до сихъ поръ насчетъ своей вѣчной будущности, невольно сосредоточится, остепенится, и задумается объ ожидающей его судьбѣ. Присущая впрочемъ человѣческой природѣ слабость, всегда поступаетъ такъ, что напередъ ставитъ свою свѣтлую сторону, а только потомъ представляются предъ нимъ темными пятнами недостатки. Такихъ пятенъ сперва отличаетъ онъ въ себѣ немного, потому что о нихъ мало думалъ, если кое-когда пронеслися предъ нимъ, то пронеслися мимолетно, безъ того, чтобы съ упрекомъ и обвиненіемъ коснулися его сердца. Значитъ, такій человѣкъ неудостоивался дѣйствія въ немъ благодати. Но чѣмъ прикоснется его сердца небесная благодать, вмѣстѣ станутъ замѣчати очи, что у него пятенъ-гораздо больше нежели предполагалъ, пятна до того умножаются, что уже и совсѣмъ застеляютъ его мнимую свѣтлую сторону. Стало быти онъ находился въ темнотѣ насчетъ своего состоянія.

Извѣстно, должно считатися ужаснымъ несчастіемъ, если человѣкъ имѣетъ очи, и незнаетъ о существованіи ихъ; если имѣетъ очи, и не въ состояніи видѣти ими; но найбольшее несчастіе, если имѣетъ очи, и нехочетъ видѣти. Какъ же узнаетъ онъ свое нравственное состояніе? свое назначеніе? свое достоинство? свое безсмертіе?

Смотрите, тѣлесныя очи видятъ то, что представляется имъ; разумъ видитъ неизмѣримо дальше: воображительною своею силою можетъ вознестися и въ другосвѣтнія пространства, творческая его сила въ состояніи представити себѣ новые міры, память возсоздаетъ прошедшее время,

разсудокъ соображаетъ будущее. Къ симъ прекраснымъ свойствамъ душа, въ распоряженіе разума предоставила еще четыре Серафимскія крылья: совѣсть, вѣру, надежду и любовь. Совѣсть занимаетъ мѣсто судіи, и совѣтника разума во всемъ царствѣ царицы души. Тамъ, гдѣ кончится предѣлъ силы разума, ведетъ его далѣе вѣра, въ утружденности приноситъ освѣженіе силъ надежда, а любовь доноситъ до самаго престола Всевышняго. Такимъ путемъ достигаетъ душа до самаго сердца Создателя, и вконецъ вступаетъ въ царство безсмертія. Несчастливъ, у кого душевныя чувства до того ограниченны, что далѣе земли — и текущаго дня ничего непонимаетъ; несчастливъ, кто не въ состояніи прійти къ сознанію: *что его существо больше отъ его тѣла.* Человѣкъ самъ свидѣтель, и потвержденіе своего безсмертія.

Но возвратимся снова къ тому предмету, отъ котораго мы пришли къ сему заключенію. Возвратимся къ тѣлеснымъ очамъ. *Свойство очей таково, что они видятъ всё, что представится имъ, невидятъ только одного — невидятъ безъ зеркала самыхъ себя.* Неужели можно примѣнити сіе свойство очей тѣлесныхъ и къ душевнымъ очамъ? Мы такъ любимъ величатися нашими пятью тѣлесными чувствами, что когда одного или другого недостаетъ у насъ, мы то считаемъ несчастіемъ: почему въ такой же мѣрѣ невеличаемся чувствами душевными, темноту и отупѣніе ихъ почему несчитаемъ несчастіемъ? Почему чувства душевныя непользуются зеркаломъ созданной Богомъ вселенной, и наукою божественнаго евангелія, что бы въ немъ увидѣти самыхъ себя? и гдѣ же? не въ безсмертной-ли жизни? Подумайте.

Теперь уже къ тебѣ обращаюся Покойникъ! Отъ тебя въ земной жизни, земный свѣтъ былъ закрытъ, но теперь душа твоя по исходѣ снова награждена зрѣніемъ, ты видишь и землю и другій свѣтъ. Ты видишь за собою земное житіе въ образѣ долгой темной ночи, недостатокъ зрѣнія отнялъ было отъ тебя способность стояти съ другими людьми на одномъ уровнѣ, принимати въ ихъ трудахъ участіе, и пользоватися преимуществами земнаго житія. Таковая судьба тебя конечно огорчала, ты сравнивалъ свое

несчастіе со счастіемъ другихъ людей, и считалъ себя невинно страдающимъ. Темнота еще увеличивала носившіеся предъ душею грустные образы твоего положенія, ты страдалъ но не ропталъ. Повѣряясь волѣ судебъ Божіихъ, каждый день былъ для тебя упражненіемъ въ христіанской терпеливости, и преданности, такъ истекалъ годъ за годомъ, вконецъ приближилася и смерть. Однимъ утѣшеніемъ твоимъ, была въ житіи земномъ пріязнь твоихъ приближенныхъ, которыхъ ты познавалъ только по голосу, но слыша ихъ голосъ, лице твое отъ радости всегда просіяло. Ты познавалъ ихъ даже по ходу, и вѣрно отличалъ отъ чужихъ. Теперь душа твоя видитъ ихъ но уста сомкнуты. Вмѣсто тебя мнѣ предстоитъ близкимъ твоему сердцу сказати прощальныя слова. **Примѣненіе проціанїѧ.**

Заключеніе. А мы благочестивые Христіане, сошедшіеся на похоронъ отшедшаго въ вѣчность покойника, съ благодарнымъ сердцемъ помнимъ, что насъ Богъ надѣлилъ великимъ дарованіемъ здороваго зрѣнія, посредствомъ котораго можемъ удивлятися всемогуществу и премудрости Создателя, въ созерцаніи велелѣпоты вселенной, и наслаждатися роскошью всего, что представляется намъ. Но еще болѣе должно насъ удивити то, что маленькіе очи надѣлены такою силою воспріимчивости, что въ нихъ можетъ помѣститися образъ великой части вселенной, а душа на крыльяхъ любви можетъ вознестися къ самому Создателю. Мы видимъ какъ великъ міръ, какъ велико солнце, но если приставимъ къ оку такій маленькій кружокъ, который небольше ока, онъ застелитъ отъ насъ весь міръ и солнце. Застеляющій очи кружокъ неиное, — какъ отвлекающія насъ отъ нашего спасенія житейскія суеты. А солнце — незаходимое солнце нашего спасенія есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Потому помнимъ: **Сла́дко свѣ́тъ, и̂ бла́го о̂чи́ма зрѣ́ти со́лнце.** Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

НАДЪ НѢМЫМЪ.

Содержаніе: Значеніе языка въ нравственномъ мірѣ.

Кто̀ да́стъ мѝ оу҃ста̀ мои҃̀ хранѝлище, и҆ на оу҃стнѣ́ мои҃ печа́ть разꙋ́мнꙋ? да не паде́ся ѿ̀ тѣ́хъ нѝхъ, ꙗ҆зы́къ мои҃ да не погꙋбѝтъ мѧ̀.

Кн. прем. Іисꙋ́са сына Сира́х. XXII. 31.

Если сдѣлаемъ сравненіе, благочестивое собраніе! между естественными способностями человѣка, и способностями прочихъ животныхъ, въ многихъ отношеніяхъ вскорѣ придется намъ встрѣтити таковыя стороны, въ которыхъ тѣлесныя способности человѣка стоятъ гораздо ниже отъ способностей животныхъ. Въ воздухѣ птицы летаютъ, человѣкъ восполняетъ свою немощь плаваніемъ на корабляхъ; звѣри превосходятъ его силою, быстротою ногъ, остротою зрѣнія, слуха и обоянія, иныя высоко стоятъ вкусомъ и осязаніемъ; животныя неподвержены столькимъ болѣзнямъ и недугамъ, которыя навлекъ на себе человѣкъ первороднымъ грѣхомъ; — а что всего болѣе чувствительно: Создатель украсилъ животныя естественною прекрасною одеждою, а человѣкъ родится нагимъ. Стало быти, существовали причины, вслѣдствіе которыхъ Создатель невосхотѣлъ одарити человѣка такими тѣлесными преимуществами, какими одарены животныя; предполагается, что человѣкъ по своей приклонности ко злу, свои тѣлесныя преимущества вскорѣ злоупотребилъ бы въ оскорбленіе Создателя, и сталъ бы виновникомъ своей неминуемой конечной гибели.

Очевидно, Создатель главное значеніе человѣка полагалъ не въ тѣлѣ, но въ душѣ его; нарочно ограничилъ нѣкоторыя способности его, но вмѣсто того въ другомъ отношеніи высоко наградилъ его за прочія недостатки. Напримѣръ, у животныхъ есть голосъ, у человѣка есть дарованіе слова; языкъ его состоитъ вѣстникомъ всего, что производитъ въ существѣ его хотя само слабѣйшее впечатлѣніе; все что коснется воспріимчивости чувствъ, творчества ума, памяти, воображенія: посредствомъ языка получаетъ соотвѣтственный образъ; кругъ дѣйствія его въ такой мѣрѣ пространенъ и неограниченъ, въ какой мѣрѣ неограничена держава духа и свободная воля. Соображая неизмѣримость таковаго неоцѣнимаго дарованія, сердце человѣка должно бы исполнитися благодарностію къ Создателю, и твердымъ предположеніемъ пользоватися орудіемъ языка преимущественно для благоугожденія умоляемой Его волѣ, и для прославленія святаго имени Его, но увы! на языкѣ виситъ и благословеніе и клятва, жизнь и смерть. Тѣмъ благословляемъ Бога и Отца, и тѣмъ кленемъ человѣковъ созданныхъ по подобію Божіему, тѣмъ подвергаемъ опасности себе, и подвергаемъ опасности другихъ. Священное писаніе сравниваетъ языкъ съ огнемъ, **сѣ мали҃ о҆гнь и҆ ко́ль вели́ки ве҆щи сожига́етъ.** (Іак. III. 5.) и опять: **Сме́рть и҆ живо́тъ въ рѫцѣ҆ ѩ҆зы́ка.** (Кн. притч. Солом. XVIII. 21.)

Сравненіе языка съ огнемъ, жизнію и смертію, заключаетъ въ себѣ значеніе его добраго и вреднаго вліянія. Благодѣтеленъ огонь, пока невыходитъ изъ извѣстныхъ границъ, но въ случаяхъ неукротимости причиняемый имъ вредъ неизмѣримъ. Какъ неотстающій отъ человѣка домашній врагъ способенъ разорити и его самаго, способенъ смертоносно вліяти и на другихъ; подобно огню на одномъ мѣстѣ угасаетъ, одновременно на другихъ мѣстахъ производитъ пожаръ, и трудно сказати, гдѣ будетъ граница распространенію его вреднаго опустошенія. Справедливо можемъ воззвати словами св. писанія: **Кто҆ да́стъ мѝ во оу҆ста҆ мо҆а҆ храни́лище, и҆ на оу҆стнѣ҆ мои҆ печа́ть разѳмнѣ҆? да не падѣ҆м ѿ҆тъ ни҆хъ, и҆ ѩ҆зы́къ мо́й да не погѣ҆бѝтъ мѧ҆.**

Въ нравственномъ мірѣ дѣйствіе языка безсомнѣнно производитъ жизнь и смерть. Для уподобленія жизни возьмемъ домъ Божій, и для уподобленія смерти мѣсто сраженія. Въ домѣ Божіемъ возносится безкровная жертва, присутствуютъ безплотныя силы, подобно дыма кадила восходятъ молитвы и пѣснопѣнія хвалы, поклоненія, и благодаренія къ небесамъ, чувства и мысли исполнены страхомъ Божіимъ, прошеніями о себѣ, о ближнихъ, о любящихъ и ненавидящихъ насъ, о благодѣтеляхъ и врагахъ, значитъ: языкъ бываетъ исполнителемъ горящей въ сердцѣ любви къ Богу и ко ближнему, жизнію нравственной жизни. Насупротивъ, на мѣстѣ сраженія совершаются убійства, проливается кровь; гордость, гнѣвъ, завѣсть, ненависть и отомщеніе пожинаетъ свои жертвы; повсюду раны, непощадность, немилосердіе: равно и языкъ, движимый злыми побужденіями, производитъ тѣже вредныя нравственныя слѣдствія и бываетъ подвижникомъ нравственной смерти. Языкъ послушный рабъ всего, что повелѣваютъ ему исполняти чувства и мысли, неоглядываясь, произведутъ-ли плодъ благословенія? пожара? или убійства?

Оцѣнивши значеніе языка, представляется вопросъ: Больше-ли пользы? больше-ли вреда приноситъ вліяніе его въ нравственномъ мірѣ? Безсомнѣнно языкъ принадлежитъ къ совершенствамъ человѣка, дающимъ ему превосходство надъ прочими созданіями, и какъ высокое дарованіе можетъ принести — и въ самомъ дѣлѣ много принесло и приноситъ пользы въ нравственномъ мірѣ, но и то безсомнѣнно что вредное сѣмя въ сердцѣ человѣческомъ гораздо скорѣе принимается нежели доброе, растетъ, разрастается, множится, роскошествуетъ, слѣдовательно на мѣрилѣ оцѣненія равновѣсіе остается сомнительнымъ, и собственно дѣйствіе языка зависитъ отъ сердца и ума, которыми движимо бываетъ къ добру или злу. Неопровержимо стоитъ, что люди стремившіеся къ достиженію нравственнаго совершенства избѣгали соприкосновеніе съ обществомъ человѣческимъ, убѣгали въ пустынное уединеніе, изъ многихъ довольно назвати пустынника Павла, проведшаго въ уединеніи все долголѣтнее житіе свое; а которые жили въ обществѣ человѣческомъ, чувствовали исходящую отъ языка опасность.

Давидъ царь такъ взывалъ къ Богу: **Положи́ Госпо́ди хра-ни́ніе оу҃стоу́мъ моймъ, и̂ две́рь wгражде́нїа w̑ оу҃стна́хъ мои́хъ.** (Псал. 140. 3.)

Мы одаренные языкомъ люди, при видѣ одного изъ собратій нашихъ, у котораго отнято дарованіе слова, его недостатокъ считаемъ несчастіемъ, сожалѣемъ надъ нимъ, а собственно должны бы сожалѣти только о томъ, что онъ не былъ въ состояніи выразити любовь къ Создателю и ближнимъ своимъ, а въ прочихъ отношеніяхъ его недостатокъ составлялъ для него только такое несчастіе, какое несчастіе составляетъ для всѣхъ насъ то обстоятельство, что мы неимѣемъ дарованія лѣтати по воздуху какъ лѣтаютъ птицы, плавати и жити въ водѣ какъ плаваютъ и живутъ рыбы. Развѣ меньше пространство нравственнаго міра доходящее до высоты престола Создателя — отъ пространства воздуха, въ которомъ летаютъ птицы? развѣ меньша глубина нравственнаго міра доходящая до бездны преисподней ада — отъ глубины рѣкъ и морей, въ которыхъ живутъ и плаваютъ рыбы? Дарованіе слова въ какой мѣрѣ можетъ служити къ спасенію, въ такой же мѣрѣ можетъ служити и къ осужденію.

Кто измѣритъ нравственную гибель, исходящую отъ словъ? На первомъ мѣстѣ оскверняющая уста ложь, — ложь по легкомыслію, ложь отъ лицемѣрія, ложь изъ тщеславія и гордости, изъ неуступчивости и пересказыванія вѣстей; обманъ, совѣты, подозрѣнія, обѣщанія, угрозы, осужденія съ недобрымъ намѣреніемъ; оскорбленное самолюбіе, гнѣвъ, зависть, злорѣчіе изъ ненависти, восхваленія изъ лести; сквернословія по гнусной привычкѣ, соблазнъ, сѣяніе раздоровъ между пріятелями, супругами, и семействами; лжесвидѣтельства, клятвы, неуваженіе начальства, божественнаго закона, вѣры, святыхъ, и богохуленіе! Кто измѣритъ нравственную гибель, исходящую отъ словъ?

Птицы лѣтаютъ по воздуху, и неоставляютъ за собою слѣдовъ; злыя слова равно какъ пчелы изъ улея роятся изъ устъ, исчезаютъ въ воздухѣ, но жала словъ подобно ядовитымъ стрѣламъ обрываются въ сердцахъ слушателей, и производятъ иногда неизлѣчимый вредъ. Зная благочестивое собраніе! что за всякое праздное слово должны мы

отдати отвѣтъ предъ судомъ Господнимъ, соберите теперь всѣ ваши бесѣды, зачавъ отъ дѣтскаго возраста до настоящаго часа въ одну громаду, и разсудите: много-ли душевной пользы принесли вамъ? Взоръ вашъ невольно становится на гробѣ лежащаго предъ нами дарованіемъ слова, и необходимо прійдете къ такому заключенію: что покойнику отраднѣе будетъ предъ судомъ Господнимъ, нежели злоупотреблявшимъ даръ слова съ преступными умыслами. Угодники Божіе убѣгали въ уединеніе, чтобы избѣгнути праздно собесѣдованія съ людьми, и болѣе посвятити себе собесѣдованію съ Богомъ; отъ тѣхъ опасностей, отъ которыхъ они спасалися изъ общества человѣческаго въ уединеніе, ты мертвецъ! самымъ Провидѣніемъ Божіимъ былъ огражденъ. У тебе вмѣсто языка говорили очи, въ нихъ пламенемъ сіяла исходящая изъ сердца любовь къ тѣмъ, которыхъ ты въ житіи любилъ, неговорилъ ты лестныхъ словъ, но бесѣда очей твоихъ была искреннѣе всѣхъ любезныхъ увѣреній, потому что она исходила отъ чистаго сердца. Теперь уже и очи твои сомкнуты смертію, но на безсмертную твою душу смерть не въ состояніи наложити своихъ оковъ, душа твоя съ любовію прощается съ возлюбившими тебе. (Дальшее примѣненіе прощанія къ обстоятельствамъ.)

А что относится къ намъ благочестивое собраніе! намъ остается помолитися о спасеніи души покойника, и сопроводити тѣло на мѣсто покоища его, а для собственной душевной пользы собрати плоды настоящаго поученія. Мы просѣдили, что въ нравственномъ мірѣ добрыя или злыя побужденія зараждаются сначала въ мысляхъ, потомъ переходятъ въ привычку, но легче нежели слова, а тайныя неуловимыя мысли мало-помалу изо-дня-въ день дотого загромождаютъ чуткость совѣсти, что она вконцѣ становится совсѣмъ безчувственною, и множество сихъ мнимо ничтожныхъ — мнимо простительныхъ мыслей бываетъ причиною осужденія множества христіанъ. Слѣдуетъ-ли теперь назвати плоды, которые для нашей душевной пользы составляютъ важность необходимости? Первымъ плодомъ представляется постоянно имѣти въ виду, что опасность существуетъ, и изъ мнимо ничтожныхъ — мнимо простительныхъ мыслей

и словъ — равно отъ ничтожныхъ искръ могутъ произойти и происходятъ опустошительные пожары; вторымъ плодомъ будетъ, что мы нетолько имѣемъ свѣдѣніе о существованіи опасности, но и видимъ, что стоимъ надъ зіяющею бездною; третьимъ плодомъ да будетъ приложеніе усилій спастися отъ опасности, и стремитися къ нравственному совершенству. По словамъ св. Іоанна Златоустаго: *У святыхъ нетолько слова, но и самъ взоръ полнъ духовной благодати.* (Омил. 3 къ народу.) Потому и заключимъ слово наше печатію св. писанія: **Кто̀ да́стъ мѝ во оу̑ста̀ моа̀ храни́лище, и̂ на оу̑стѣ̀ моѝ печа́ть разѳлиѳ̂? да не падѳ̂тъ ѿ̑ тѝхъ, и̂ ѿ̑ зы́къ моѝ да не погѳ̂бѝтъ мѧ̀.** Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

надъ безумнымъ, или сумасшедшимъ.

Содержаніе: Притча о золотомъ яблокѣ.

Ходи́те, до́ндеже свѣ́тъ и́мате,
да тма́ васъ не и́метъ, и́ ходя́и
во тмѣ́ не вѣ́сть ка́мw и́детъ.
Іоанн. XII. 35.

Много несчастій на землѣ, но ни одно невозбуждаетъ въ такой мѣрѣ нашего состраданія, какъ то, когда видимъ человѣка, у котораго свѣтъ разума угасъ, тѣло здорово, а духъ во тмѣ ночи. Слѣпца, немогущаго обходитися безъ водителя, но одареннаго здоровымъ разсудкомъ, въ сравненіи съ слѣпцемъ душевнымъ можна считати счастливымъ. Уже не подлежитъ сомнѣнію, что люди съ здоровымъ умомъ считаютъ себя высоко счастливѣйшими отъ безумныхъ, но и то безсомнѣнно, что сумашедшій человѣкъ ставитъ себя мудрѣйшимъ отъ всѣхъ земнородныхъ, чѣмъ еще въ большей мѣрѣ возбуждаетъ въ насъ сожалѣніе къ себѣ.

Но кто правъ? Слѣпецъ-ли душевный, которому по сумасшествію его ничто неможетъ вмѣнитися въ вину? или одаренный здоровымъ умомъ человѣкъ, который въ состояніи отличити добро отъ зла, а всетаки непослушается своего здороваго разсудка, но на перекоръ оному дѣлаетъ зло? Конечно, такій съ здоровымъ умомъ человѣкъ гораздо несчастливѣе сумасшедшаго. Для сравненія возьмемъ вполнѣ пьянаго, надъ состояніемъ котораго и мальчики насмѣиваются, и ему досаждаютъ, не представляетъ-ли онъ сумасшедшаго, ставящаго себя мудрѣйшимъ отъ всего свѣта? и притомъ его безуміе непринужденно, самовольно, потому

что онъ по доброй волѣ приводитъ себя въ безобразіе безумнаго.

Къ сожалѣнію, такое обвиненіе неограничается одними пьяными. **Їго тѧ́жко на сынѣ́хъ А҃да́млиҳъ, ѿ҆тъ дне҃ і҆сх҃о́да і҆зъ чре́ва ма́тере і҆́хъ до дне҃ погребе́нїа҆ въ ма́терь всѣ́хъ.** (Сір. 40. 1.) Все относящееся къ одержимымъ пьянствомъ, къ слѣпцамъ душевнымъ, полуднымъ, безумнымъ, сумасшедшимъ, можно примѣнити ко всѣмъ земнороднымъ, даже тѣмъ, которыхъ міръ прославляетъ учеными и премудрыми.

Возможно-ли? Слышите слѣдующую притчу:

Нѣкій царь, далъ сдѣлати многоцѣнное золотое яблоко, и приближаясь къ своей кончинѣ, призвавъ своего престолонаслѣдника, въ завѣщаніе далъ ему такое повелѣніе: чтобы взялъ золотое яблоко, и тому отдалъ, кого найдетъ на свѣтѣ найглупшимъ. Царевичъ повинуяся родительскому повелѣнію, послѣ великолѣпнаго похорона пустился въ путешествіе по свѣту. Встрѣчалъ онъ многихъ, всякаго рода глупцовъ, но вконецъ прибылъ въ одной чужой странѣ въ престольный городъ, гдѣ увидѣлъ царя страны, шествующаго съ торжествомъ среди пышной многочисленной свиты. Вопрошается отъ гражданъ объ обычаяхъ того края, и получаетъ такій отвѣтъ, что въ ихъ государствѣ таковъ законъ: Что царь поставляется только на срокъ одного года, подъ истеченіемъ года предоставляется ему наслаждатися всѣмъ, чего душа его возжелаетъ, а потомъ съ великимъ торжествомъ выпровождаемъ бываетъ въ отдаленное изгнаніе, гдѣ въ бѣдствіяхъ и лишеніяхъ долженъ окончити жизнь свою. Царевичъ подумалъ: Здѣсь мой человѣкъ, кого искаю. Съ сею мыслію идетъ въ царскій дворъ, даетъ доложити о себѣ царю, и представляясь ему со всѣмъ почтеніемъ отдаетъ ему золотое яблоко съ такими словами: Славный царь! мой отецъ въ завѣщаніи своемъ приказалъ тебѣ отдати это золотое яблоко, которое я тебѣ и отдаю. Изумился царь и спросилъ: Сынъ мой, непонимаю какъ это возможно, что твой отецъ, съ которымъ я не былъ знакомъ, никогда ему добра не сдѣлалъ, однакожъ онъ меня такимъ цѣннымъ даромъ почтилъ? Царевичъ отвѣчалъ: Лично, не тебѣ завѣщалъ этотъ подарокъ, но предъ своею

смертію призвавъ меня, далъ мнѣ такое приказаніе: по моей кончинѣ иди, и кого найдешь самымъ глупѣйшимъ на свѣтѣ, тому отдай это яблоко. Я повинуясь его повелѣнію, поелику я невстрѣтилъ болѣе безумнаго отъ тебя, вотъ пожалуй и отдалъ тебѣ завѣщанный даръ. — Уже теперь скажи мнѣ — требовалъ царь — по какой причинѣ считаешь ты меня найбольшимъ глупцемъ на свѣтѣ? — Какъ? — отвѣчалъ царевичъ, — вѣдь знаешь законъ этой страны, что послѣ истеченія года твое царство прекратится, и однакожъ ты такъ безпеченъ, будьтобы твое царствованіе никогда неимѣло прекратитися, и не предстояло бы тебѣ подвергнутися изгнанію и бѣдственной кончинѣ. Ужели не было-ли бы умнѣе, пока срокъ твоего царствованія непрекратится, помыслити о твоей будущей судьбѣ, и запастися всѣмъ нужнымъ къ дальшему благополучію?.. Ты правъ пріятель мой, — отвѣчалъ царь, — я постараюся послѣдовати твоему доброму совѣту. И съ того времени, сталъ царь помышляти объ улучшеніи своего состоянія, ожидающаго его въ предстоящемъ ему изгнаніи, и собралъ столько сокровищъ на мѣстѣ своего изгнанія, сколько достаточно было для всей его жизни.

Если ктонибудь необиновался бы примѣнити къ образу своего житія настоящую притчу, получилъ бы для себя потрясающій выводъ. Именно, что къ полученію того знаменитаго завѣщаннаго яблока всякій можетъ имѣти притязаніе, кто на перекоръ здоровому разуму, срочнымъ временемъ своего житія пользуется не для пріобрѣтенія сокровищъ къ вѣчной жизни, а болѣе для своевольной растраты тѣхъ условій, коими могъ бы обезпечити свое будущее вѣчное благополучіе.

Отколи міръ Божій стоитъ, никто никогда не жаловался про недостатокъ ума, но болѣе отъ перваго до послѣдняго всѣ величалися своими дарованіями, превозношая себя надъ другими. Находится-ли ктонибудь таковъ въ мірѣ, кто бы своимъ мнѣніямъ — разсужденіямъ недалъ предпочтенія надъ мнѣніями другихъ? Значитъ, Создатель всякаго человѣка такъ богато надѣлимъ умомъ, что въ этомъ отношеніи никто не жалуется, пока въ другихъ отношеніяхъ жалобамъ и ропоту нѣтъ конца. Естественно,

слабость самомнѣнія всѣмъ присуща, со всѣми своими произрастеніями, и кто скажетъ: убѣжденіе о своемъ умственномъ надъ другими превосходствѣ, не носитъ-ли на себѣ печать поврежденія ума первороднымъ грѣхомъ? **Йго тѧжко на сынѣхъ Ѧдамлихъ, отъ днѣ їсхода їзъ чрева матере всѣхъ.** (Сір. 40. 1.)

Кто самъ нещадитъ другихъ, неможетъ оскорбитися такимъ непощаднымъ вопросомъ: Кто счастливѣе? сумасшедшій-ли человѣкъ, которому ничто не можетъ вмѣнитися въ вину? или человѣкъ съ здоровымъ разумомъ, который наперекоръ своимъ убѣжденіямъ дѣлаетъ беззаконія, зная, что слѣдствіемъ ихъ бываетъ конечная гибель? Кто дѣлаетъ болѣе заслуги для полученія притчеваго золотаго яблока?

Съ душевной точки зрѣнія, у насъ больше причины, чтобы мы сожалѣли надъ собою, нежели надъ лежащимъ предъ нами сумасшедшимъ покойникомъ. Почему? Потому что онъ по невмѣняемости своего состоянія, уподобился неразвитымъ невиннымъ дѣтямъ, о которыхъ Спаситель неложно увѣрилъ насъ, что таковыхъ есть царство небесное, даже если несдѣлаемся подобными дѣтямъ, то мы далеко отстоимъ отъ спасенія.

Покойникъ былъ потерянъ для міра, и всѣхъ его увлеченій и наслажденій. Тѣхъ самыхъ средствъ и пособій, которыя составляютъ для нашего осужденія столь приманчивую западню. Твоя утрата покойникъ невелика, потому что всѣ житейскія увлеченія составляютъ одно ничтожное самообольщеніе, суету, тѣнь, даже мерзость. Въ замѣнъ, ты послѣ недолгаго безсознательнаго ожиданія, теперь снова получилъ обладаніе умомъ, и получилъ тогда, когда находишься въ безпечности отъ всѣхъ житейскихъ опасностей. Смерть не послѣднее слово. Безсмертная твоя душа вступила въ свои неотемлемыя права, вступила въ пользованіе сокровищемъ искупленія Іисуса Христа, пострадавшаго за всѣхъ. Извѣстно незамѣнилъ бы ты твое счастіе за славу всѣхъ мудрецовъ земныхъ, которыхъ величаетъ міръ про ихъ высокодаровитый разумъ, на счетъ которой славы, можетъ быти душамъ ихъ придется страдати въ нескончаемыхъ мукахъ.

Провидѣніе Божіе, по благости своей, замѣнило припавшее на твою долю золотое яблоко вѣнцемъ небесной славы и блаженства. Не печально-ли, что мы величаемся свѣтомъ разума, а на перекоръ ему ходимъ во тмѣ нравственныхъ заблужденій нашихъ?

Добрый конецъ вѣнчаетъ дѣла. Повѣствуется о великомъ Александрѣ, что по его повелѣнію въ извѣстное время, зажигаема была великая свѣча, и предварительно вѣстникъ огласилъ: что царь прощаетъ всѣмъ тѣмъ вину преступленій ихъ, которые заблаговременно успютъ явитися предъ нимъ съ просьбою о помилованіи — пока зажженная свѣча неугаснетъ или недогоритъ. Сообразуясь съ царскимъ оглашеніемъ, преступники спѣшили отовсюду въ царскій дворъ и получали прощеніе. Но горе было тому, кто являлся послѣ того, когда свѣча догорѣла, или по случаю угасла, тогда они уже судимы были по мѣрѣ ихъ преступленій. Создатель всякаго человѣка одарилъ свѣтомъ жизни и свѣтомъ разума, притомъ предоставилъ всякому пользоватися во благо временемъ, пока свѣтъ неугаснетъ, и прибѣгати заблаговременно къ Его щедрому милосердію. **Ходи́те** — сказалъ Спаситель — **до́ндеже свѣ́тъ и́мате, да тма̀ ва́съ не и́метъ, и̂ ходя́й во тмѣ̀ не вѣ́сть, ка́мѡ и́детъ.** Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

надъ молодою женою умершею въ родахъ, преимущественно умершею въ первыхъ родахъ.

Содержаніе: Союзъ любви неразрывается смертію. Свиданіе за гробомъ.

> Й возвратйсѧ кѣ немѹ голѹбйца кѣ вечерѹ, й ймѣѧше свчецѣ маслйчнѣѧ сѣ лйствіемъ вѣ оустѣхѣ свойхъ.
>
> Бытіѧ VIII. 11.

Родильница въ исполненіи своего благороднаго званія подверже болѣзнямъ, но земное ея блаженство сосредоточается въ любви къ мужу и раждаемымъ дѣтямъ, потому она вслѣдствіе любви своей охотно переноситъ болѣзни, которыя иногда превышаютъ ея силу, и кончатся даже смертію. Самъ Спаситель сказалъ: **Жена̀ егда̀ рождаѣтъ, скорбь ймать, ѩкѡ прійде годъ ѥ҃мѹ: ѥгда̀ же роди́тъ отрочà, ктомѹ̀ не по́мнитъ скорби за ра́дость, ѩкѡ роди́сѧ человѣ́къ въ мірѣ.** (Іоан. XVI. 21.)

Иногда и дитя здоровымъ раждается на свѣтъ, и мати благополучно перемогаетъ болѣзни, тогда можно счастливую родильницу сравнити съ высланною изъ ковчега Ноемъ голубицею, возвратившеюся съ масличною вѣточкой съ листвіемъ во устахъ своихъ. Иныйразъ дитя здоровымъ раждается, но рожденіе его искупляется только жертвою материнской жизни; или вконецъ имѣвшее родитися дитя неисходитъ на свѣтъ, а мати вслѣдствіе непосильныхъ болѣзней переходитъ на другій свѣтъ, и тогда душа ея равняется голубицѣ, возлетающей съ вѣтвію масличною изъ

предѣловъ земныхъ въ другосвѣтнія селенія. Мученикъ подвергается ужаснымъ страданіямъ ради полученія вѣнца небеснаго, воинъ проливаетъ кровь за благополучіе и свободу своего народа, жена — умирающая въ родахъ достойна масличной вѣтви, ибо умираетъ въ исполненіи своего благороднаго званія.

Супружеская любовь украшаетъ жизнь, какъ прелесть сіяющаго розовымъ свѣтомъ яснаго дня, вокругъ все блеститъ радостію и блаженствомъ, впереди питомникъ счастливыхъ дѣтей, семейный кружокъ изображаетъ масличный садъ мира и благоденствія, — а тутъ сразу небо затягивается темными тучами, и настаетъ черный день. Ясная была жизнь патріарха Іакова съ женою своею Бахилью, предстояла имъ радость въ имущемъ родитися отрочати, межь тѣмъ среди путешестія наступило время родовъ, и родильница возбѣдствовала въ рожденіи. **Бы́сть же егда̀ ѡ҃ставля́ше ю҃ дш҃а, оу҃мира́ше бо, прозва̀ и҃мя̀ ем҃ѹ: сы́нъ волѣ́зни мое́а̀.** (Бытія XXXV. 18.)

Видя предъ собою человѣкъ уничтоженіе многообѣщавшихъ золотыхъ надеждъ, неможетъ безъ состраданія взирати на насильный разрывъ двухъ пламенною любовію связанныхъ жизней. Въ такомъ-ли видѣ представлялася еще недавно предстоявшая будущность? Предполагалъ-ли кто-нибудь, что въ этомъ гробѣ такъ скоро заключится богато облитый лучами солнца весенный обликъ юности? Смерть угасила свѣтъ очей, сомкнула уста, перестало біеніе сердца, — сердца, движимаго вѣчною къ мужу любовію. Кто оцѣнитъ по достоинству: какое сокровище уноситъ этотъ гробъ отъ убитаго горемъ мужа? Уноситъ счастіе, уноситъ все земное!

Правда, опечаленный мужъ! этотъ гробъ уноситъ твое сокровище, уноситъ счастіе, уноситъ все земное, . . но въ замѣнъ для тебя небо приклоняетъ ниже къ земли, потому что союзъ любви смертію неразрывается, любовь дѣлаетъ сердце воспріимчивымъ для небесныхъ впечатлѣній, и въ концѣ земнаго поприща предстоитъ свиданіе за гробомъ. Скоро убѣгнетъ время земной жизни, и отлетѣвшая мысленная голубица къ вечеру встрѣтится съ тобою съ масличною вѣтвію — съ воскликомъ радости свиданія — въ устахъ своихъ.

Любовь неразрывается смертію. Св. писаніе приказуетъ мужьямъ **любити своѧ жены, ѩкоже и Христосъ возлюби церковь.** (Ефес. V. 25.) Божественная благодать въ сей великой тайнѣ возвысила брачный союзъ въ образъ духовнаго соединенія Христа съ церковію. Но живая церковь Господа нашего Іисуса Христа неограничается землею, она продолжается на другомъ свѣтѣ, — и будетъ продолжатися до наступленія Его царства славы: итакъ подобно таинственному образу союза Христа съ церковью, и любовь супруговъ неразрывается смертію, но продолжается на другомъ свѣтѣ, — и продолжается въ высокомъ смыслѣ. Въ какой мѣрѣ превосходитъ душа тѣло, въ такой мѣрѣ превышаетъ и любовь души — любовь земную, и возвышается до той степени чистоты и святости, каковою возлюбилъ Христосъ свою церковь.

Уже, кто взнайдетъ иногда подходящія слова для выраженія неизмѣримой любви Іисуса Христа къ своей церкви? Вѣдь и пострадалъ Онъ на крестѣ за церковь, и обѣщался съ нею быти до скончанія вѣка. Видимо, и таинство брака, какъ благословенный Богомъ законъ природы, сообщающій супругамъ благодать къ естественному рожденію дѣтей, (будущихъ чадъ церкви,) неограничается словами **и вѣдета два въ плоть єдиноу** (Ефес. V. 31.), но состоитъ вмѣстѣ и въ высокомъ союзѣ духовномъ, — продолжающемся и на другомъ свѣтѣ, — и достигающемся верхъ высоты своей въ соединеніи духа съ Господемъ, слова бо священнаго писанія утверждаютъ, что **Прилѣпляйся Господеви, єдинъ дѫхъ єсть съ Господемъ.** (I. Кор. VI. 17.) Смотри неизмѣримую любовь небесную и неизреченное Бога къ намъ снисхожденіе: чтобы и плоть соединилася съ плотію, и духъ съ духомъ.

Въ сознаніи семъ усиливается въ сердцѣ и воспріимчивость впечатлѣній небесныхъ. Ибо если любовь супруговъ неразрывается смертію, то переходитъ и въ загробные предѣлы, и иногда на — супруги слаждатися будутъ и другосвѣтнимъ свиданіемъ.

Итакъ скорбящій мужъ! видя предъ собою условія твоего земнаго блаженства въ развалинахъ, обрати взоръ твой къ блаженству другосвѣтнему. Тамъ и сладость непо-

рочной любви, тамъ и прелесть предстоящаго свиданія. Если ты взирая на бездыханное тѣло супруги, считаешь её жертвою взаимной любви, огонь сей жертвы несчитай угасшимъ, но еще болѣе прежняго возгорѣвшимся святостію пламени. Если ты жизнь ея считаешь свѣтившимъ предъ тобою свѣтиломъ, сопровождай свѣтъ ея и въ другосвѣтнія страны, взоръ твой скоро привыкнетъ, потому что очи всегда обращаются ко свѣту, и узнаешь суету всѣхъ земныхъ надеждъ. Если ты считалъ её помощницею въ прохожденіи земной жизни, считай её теперь духовною. помощницею. Если ты считалъ её утѣшеніемъ, утѣшеніе твое будетъ иногда полно, и ты съ презрѣніемъ будешь относится къ утѣшеніямъ земнымъ. Если ты вконецъ чувствуешь непобѣдимое влеченіе за нею, оно приведетъ тебя въ дворъ — достоянія нашего — въ наслѣдіе Господа нашего Искупителя, смотри, **прилѣпляяйся Господеви, ѥдинъ дхъ ѥсть съ Господемъ.** (I. Кор. VI. 17.)

Когда ты стоишь на берегѣ моря, и видишь предъ собою далеко отпывшій въ даль моря корабль, унесшій твои сокровища, чувствуешь во всей полнотѣ своей величіе твоей утраты. Человѣкъ гдѣ чувствуетъ рану, вслѣдствіе болѣзни, туда невольно прилагаетъ руку свою. У тебя рана въ самой срединѣ твоего сердца, ты туда и прилагаешь руку. Ждешь, чтобы отходящая супруга хотя издали махнула тебѣ на прощаніе рукою, желаешь на исходѣ ея хотя издали услышали изъ устъ ея нѣсколько живыхъ прощальныхъ словъ. Сердце твое при разлукѣ разрывается, слыши:

— Испили мы чашу любви любезный мужъ! и сія любовь есть залогомъ и причиною того, что я удостоилася пріяти родъ смерти, въ которой сосредоточается вся слава женщины. Въ предсмертныя минуты, когда жизнь моя стояла на переломѣ, и болѣзни могли разрѣшитися радостію, ты душевно неменѣе страдалъ отъ меня, надѣялся на слезы радости, а вмѣсто нихъ тебѣ пришло изливати слезы горя, палящимъ огнемъ снѣдающія твое любящее сердце. Умиравшая Рахиль прозвала рожденное ею дитя *сыномъ болѣзни*, я называю рожденное мною дитя *сыномъ любви*, этотъ плодъ моего благороднаго званія и положилъ конецъ всѣмъ болѣзнямъ. Скоро, нечаянно, неожиданно наступила наша раз-

лука! Неужели лучше было бы, ежели бы мы никогда невидали другъ-друга, нежели связаннымъ быти безпредѣльною любовію на такое краткое время? Нѣтъ, любовь наша непрерывается, не печалься обо мнѣ, земная жизнь кратковременна, скоро пролетитъ, и на другомъ свѣтѣ насладимся радостнымъ свиданіемъ, гдѣ нѣтъ болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Рожденное дитя приголуби и вмѣсто меня. Прощай!

Прощайте и вы любезные родители. Вы одарили меня жизнію, устроили по вашей достаточности мою земную судьбу, благодарю васъ отъ полноты сердца за ваши труды, попеченіе, и любовь ко мнѣ. Вы приложили все старательство, чтобы меня сдѣлати счастливою. Вы благословили меня въ жизни, и теперь упрошаю васъ дати мнѣ на отходѣ ваше родительское благословеніе, чтобы оно было моимъ путеводителемъ къ вѣчной славѣ въ царствѣ Господа нашего Іисуса Христа.

Дальшее прощаніе по семейнымъ обстоятельствамъ.

Заключеніе.

Подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній окружаете вы всѣ гробъ умершей родильницы, но однимъ общимъ чувствомъ состраданія проникнуто сердце каждаго изъ насъ. Вы матери, живо должны чувствовати благодарность къ Богу, когда вы благополучно разрѣшаетеся отъ родовъ безъ опасности жизни. Вы мужи вмѣните себѣ въ должность защищати слабшій полъ отъ опасностей, неотягощайте ихъ непосильными трудами, особенно во время ихъ беременности. Вы дѣти чтите вашихъ родителей, матери ваши въ болѣзняхъ родили васъ, а отцы въ потѣ лица своего труждаются о вашемъ пропитаніи. Всѣ же съ молитвою о спасеніи души умершей, и съ умиленіемъ въ сердцѣ простимся съ отходящею, прійдите, отдадимъ ей послѣднее цѣлованіе. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

надъ сыномъ, по преимуществу единороднымъ.

Содержаніе: Человѣкъ, пришлецъ и пресельникъ на землѣ.

Пришéльцы éсмы предъ тобóю, и пресéльницы, ꙗкоже вси сѡ́тцы нáши: дніе нáши ꙗкѡ сѣнь на земли́, и нѣ́сть постоáнія.

I. Паралипоменонъ XXIX. 15.

Одинъ только Господь, создатель сердца, можетъ измѣрити глубину вашей печали, о родители! про постигшій васъ столь неожиданный ударъ. Недавно юное дерево стояло въ полномъ развитіи, и въ возмужалости обѣщало обильные плоды, межь тѣмъ, непредвидимо приближался вредный вѣтеръ, и вырвалъ дерево съ корнями изъ родной земли. До послѣдней минуты питалися вы надеждою, пока лучь жизни конечно не сталъ угасати, что крѣпкое сложеніе и цвѣтущее прежнее здоровье сына возметъ верхъ, надъ сразившимъ его съ ногъ недугомъ, онъ боролся, но всеодолѣвающая неумолимая смерть конечно сломила его силу. Лучь жизни угасъ.

Въ такомъ положеніи, который родитель непредавался бы порывамъ рыданій и слезъ? чье сердце было бы въ состояніи побороти природную слабость? кто неоправдалъ бы естественнаго изліянія чувствъ? кто бы возбранялъ? Понятна намъ всѣмъ сокрушающая сердце ваше неутѣшность, съ искреннимъ состраданіемъ принимаемъ мы участіе въ вашей скорби, потому что знаемъ, какое цѣнное для васъ сокровище заключается въ этомъ гробѣ. Въ немъ заключается предметъ вашей родительской любви, и сломан-

ныхъ преждевременно ублажающихъ сердце надеждъ, тщетные плоды воспитанія, утрата въ приращеніи семейства, и предстоявшая помощь подъ старость лѣтъ.

Все пропало. Житіе наше, какъ тѣнь пробѣгающаго надъ поверхностію моря облака, на нѣсколько минутъ отражается въ водѣ, какъ образъ въ зеркалѣ, смотришь, облакъ далеко, а тѣнь исчезла. Какъ же можно согласити неизмѣримую любовь отца небеснаго, съ такою нашею на видъ печальною судьбою? Страшно бы и на минуту увлечися такимъ предположеніемъ: будьтобы отецъ небесный создалъ человѣка не для полнаго блаженства, когда необиновался отдати единосущное съ Нимъ предвѣчное Слово — единороднаго Сына своего для искупленія человѣка, а межь тѣмъ блаженства на землѣ нѣтъ!

Поелику въ самомъ дѣлѣ блаженства нѣтъ на землѣ, слѣдуетъ: что мы не въ домовствѣ блаженства, есть другое домовство, въ которомъ предстоитъ намъ достигнути блаженство. Итакъ если мы на землѣ не дома, то наше житіе есть путешествіе, переходъ изъ одного состава въ другій.

Въ самомъ дѣлѣ: **Пришéлцы éсмы предъ тобóю** (Господи!) **и пересéльницы, ꙗ҆коже всѝ о҆тцы̀ нáши!** Человѣкъ всѣми силами стремится, чтобы издарованныхъ жизнію преимуществъ извлечи все ублажающее, и удивительно, что послѣ всѣхъ усилій нигдѣ ненаходитъ постояннаго пріюта. Съ жаждою утѣшеній проходитъ путь жизни, и когда считаетъ себя у цѣли, съ прискорбіемъ убѣждается, что всѣ надежды его суетны. Мы не дома, мы пришельцы и пересельницы, на землѣ блаженства нѣтъ.

Если таже мы пришельцы и пересельницы, куда же ведетъ нашъ царь? Одни говорятъ, *что наше житіе есть путь ко гробу,* вѣрно, мы всѣ путешествуемъ ко гробу. Иные вѣрнѣе разсуждаютъ, говоря: *что наше житіе есть путешествіе въ наше другосвѣтнее вѣчное домовство.* Но всѣхъ вѣрнѣе разсуждаютъ, произносящіе страшное изреченіе: *что наше житіе есть путешествіе на страшный судъ.*

Естественно, предъ нами открывается множество путей, но который же изъ нихъ, надлежащій, справедливый, ведущій ко блаженству? Чтобы дати рѣшительный отвѣтъ на

этотъ вопросъ, представлю въ притчѣ образъ, путешествія человѣка чрезъ земное житіе:

„Два братья-близнецы были связаны другъ со другомъ и въ счастіи, и въ несчастіи узами неразлучимости, даже до смерти. Что одинъ возжелалъ, его желанію и другій долженъ былъ подчинитися. Многоразъ желанія ихъ были противоположны, но въ силу неразлучности своей, они должны были дѣйствовати одинаково. Итакъ они самодругъ пустилися въ путешествіе. Среди путешествія приходятъ къ распутію, одна дорога ведетъ направо, другая налѣво. Которую избрати изъ двухъ? вскорѣ завязуется между ними споръ: одинъ хотѣлъ идти правою, другій и слышати нехотѣлъ, но далъ предпочтеніе лѣвой. Межь тѣмъ, отъ проходящихъ узнаютъ, что дорога по лѣвой сторонѣ обильна всѣми, для путешествія удобствами, она ведетъ по прекраснымъ цвѣточнымъ садамъ, по тѣнистымъ рядамъ плодоносныхъ деревъ, съ множествомъ освѣжающихъ жажду человѣка источниковъ, и журчащихъ прозрачныхъ потоковъ, а дойдешь до одной изъ многихъ гостинницъ, тамъ ожидаетъ тебя накрытый столъ съ лакомыми яствіями и напитками, межь тѣмъ слышится плѣнительная музыка, и вольшебныя пѣсни, и когда всѣ чувства удовлетворены всякими возможными наслажденіями, для желаннаго вконцѣ сна ожидаетъ тебя уютный ночлегъ. Но сія роскошная дорога опасна отъ множества разбойниковъ, могущихъ нежданно-нечаянно напасти на путешественниковъ, и что главное: ступившій на эту дорогу рѣдко можетъ возвратитися назадъ, но обыкновенно попадается въ вѣчное рабство, изъ котораго нѣтъ спасенія, потому что въ рабствѣ при ужасныхъ истязаніяхъ легкомысленной его поступокъ наказуемъ бываетъ мучительною смертію. — Насупротивъ, на дорогѣ ведущей въ правую сторону, нѣтъ никакихъ удобствъ. Она узка и безпріютна, скалиста и терниста, безводна и пуста, ведетъ вверхъ на гору къ далеко отстоящему городу. Пока дойти до города, много придется перенести путешественнику трудовъ и страданій отъ недостатковъ, отъ голода, отъ зноя, стужи и непогодъ, много потечетъ по лицу пота и даже и слезъ; но кто достанется послѣ долгихъ трудовъ въ городъ: достанется въ обитель

вѣчнаго мира и жизни, и неотемлемыхъ блаженствъ, ихже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣка невзыдоша.“

Кто отгадаетъ: которою дорогою пойдутъ братья-близнецы? На концѣ трудной правой дороги ожидаетъ путешественника блаженная жизнь; на концѣ веселой и пріятной лѣвой дороги рабство, мученія и смерть. Естественно, разумный человѣкъ изъ двохъ дорогъ непремѣнно избралъ бы правую дорогу, только безумный пустился бы идти лѣвою дорогою. Вы безсомнѣнно размышляете о томъ: которую дорогу избрали эти притчовые братья-близнецы? А я скажу вамъ прежде: кто они?

Эти братья-близнецы *мы сами, наше тѣло и душа, связанныя въ земномъ житіи узами неразлучности до смерти, которыя послѣ воскресенія равнымъ образомъ будутъ связаны или для спасенія, или для осужденія.* Многіе изъ насъ шествуютъ лѣвою дорогою, угождая грѣшнымъ пожеланіямъ тѣла, радо посѣщаютъ гостинницы, которыя называются: похоть плоти, похоть очесъ, и гордость жизни; попадаются въ рабство разбойниковъ-діаволовъ, и судьба ихъ кончится душевною смертію, вѣчнымъ осужденіемъ. Соразмѣрно гораздо меньше тѣхъ, которые въ подвигѣ душевномъ идутъ правою дорогою къ городу вѣчнаго блаженства, созиданнаго для насъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ; и хотя невелико число ихъ, хотя часто изнемогаютъ на скалистомъ пути отъ трудовъ, силы ихъ укрѣпляютъ кровавымъ потомъ орошенные слѣды самаго Спасителя. Предъ ними Самъ Спаситель вознесъ крестъ своей на гору Голгоѳу, и божественнымъ своимъ голосомъ всѣхъ призываетъ послѣдовати за собою глаголя: **Йже хощетъ по мнѣ йти, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по мнѣ градетъ.** (Марк. VIII. 34.)

Дошедши разъ такимъ образомъ возлюбленные, къ пристанищу нашего искупленія — ко кресту, мы мысленно перешли путь ведущій ко блаженству, надъ крестѣмъ бо написано: *въ семъ знамени побѣдиши.* А у васъ опечаленные родители! предполагаю столько нравственной силы, что вы, когда нетолько дошли до креста, но по судьбамъ Провидѣнія Божіяго удостоилися того, чтобы крестъ возложенъ

на рамена ваши, съ полною преданостью въ волю Отца небеснаго, нестанете больше отягощатися и стонати подъ сею святою ношею креста. Богъ далъ Сына, Богъ и взялъ его. Предстояло ему въ животѣ пройти немалое пространство среди многихъ опасностей, горя, и страданій, вѣдь и вы сами шествуете и теперь таковымъ же путемъ.

Изливайте слезы въ умиленіи, и поминайте, что любезный сынъ вашъ уже перешелъ границу, за которой воспріемленъ въ селенія Іисуса Христа. Оттуду онъ съ подобнымъ же умиленіемъ смотритъ на слезы ваши, и въ сознаніи благополучнаго исхода своего посылаетъ вамъ другосвѣтній привѣтъ:

— Утѣшайтеся любезные родители, Отецъ и мати, и проч.

Примѣненіе прощанія къ семейнымъ обстоятельствамъ.

Заключеніе.

Великое событіе переселенія на другій свѣтъ исполняется, и уже исполнилося. Смерть совершила свое торжество, но совершила не въ пользу уничтоженія, посредствомъ ея открылася дверь входа въ новую безсмертную жизнь. Воскреснути имущее иногда тѣло съ должнымъ почтеніемъ отдадимъ родной землѣ, и возблагодаримъ Бога, давшаго намъ побѣду надъ смертію Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

А мы земные жители, будемъ продолжати нашъ путь въ соблюденіи заповѣдей Господнихъ, пока Его святой волѣ будетъ угодно вызвати насъ отсюду, въ томъ сознаніи, что:

Пришéлцы ѣ́смы̀ предъ̀ тобóю (Господи!) **и̂ пресéлницы, ѩ́коже всѝ о̂́тцы̀ на́ши: днíе на́ши ѩ́кw сѣ́нь на землѝ, и̂ нѣ́сть постоа́нія.** Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

надъ женихомъ или невѣстою.

Содержаніе: Что видитъ душа въ минуту освобожденія своего отъ тѣла?

Положи́лъ є҆сѝ на главѣ̀ є҆гѡ̀ вѣнцы̀ ѿтъ ка́мене чѐстна.
Псал. XX. 4.

Много на свѣтѣ людей, а у всякаго есть свой вѣнецъ. Одни приносятъ свой вѣнецъ съ рожденіемъ на сей свѣтъ, иные добиваются своего вѣнца всѣми силами, остальные вконецъ получаютъ свои вѣнцы по необходимости. Есть такіе люди, у которыхъ одинъ только вѣнецъ, у иныхъ два или больше, а есть и такіе, которыхъ судьба надѣлила многими вѣнцами. Есть вѣнецъ красы сплетенный изъ розъ, есть славы изъ лавра, доблести изъ дубовыхъ вѣтвей, есть вѣнецъ терновый, есть вѣнецъ жизни, есть вѣнецъ смерти. Терновый вѣнецъ съ однимъ другимъ, или въ совокупности съ больше вѣнцами, приходится въ жизни носити многимъ, а вѣнецъ смерти предстоитъ приняти по необходимости — всѣмъ.

Поелику превосходство вещей измѣряется ихъ цѣнностію, потому брачному вѣнцу — состоящему изъ честнаго камня — придается такое значеніе, что онъ служитъ нетолько великолѣпнымъ украшеніемъ, но вмѣстѣ и многоцѣненъ по своему достоинству. Положительно, по волѣ Создателя, женихъ и невѣста, двѣ жизни, вступаютъ въ соединеніе жизней, зиждущееся на взаимной любви и однообразности ихъ природныхъ свойствъ, въ общую пользу человѣчества, церкви Христовой, и ихъ собственнаго въ

Христѣ соединенія. Съ положеніемъ на главу ихъ вѣнца отъ камене честна, впервыйразъ приходятъ къ тому сознанію: что мы всѣ на землѣ существуемъ нетолько для себе, но и для другихъ; мы созыдаемъ счастіе другихъ, но созыдаемъ и собственное счастіе, а вконецъ въ силу однородности, на другомъ свѣтѣ приходимъ въ соединеніе съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

Ясно, такое соединеніе вяжется на землѣ, и послѣ принесенія плодовъ для земли, довершается на другомъ свѣтѣ въ соединеніи съ Іисусомъ Христомъ. Но кто изслѣдитъ судьбы Провидѣнія Божіяго, по которымъ желанное соединеніе жениха и невѣсты немогло прійти въ исполненіе, разорвалося смертію, и одной сторонѣ вмѣсто брачнаго вѣнца изъ камене честна, украсило голову вѣнцемъ смерти? Пронеслося предъ взоромъ явленіе сна скоро прошедшей надежды, равно явленіе радуги предъ заходомъ солнца; зашло солнце, и съ нимъ земная надежда. Но послѣ земной жизни, послѣ захода солнца, украшается небо явленіемъ звѣздъ, — равно образъ послѣднихъ минутъ перехода души на другій свѣтъ, а тамъ уже восходитъ новое незаходимое солнце.

Ангелъ жизни! предоставь вѣнецъ отъ камене честна на землѣ для имущихъ вступити въ брачное соединеніе, и вмѣсто него поднеси предъ престолъ Судіи вѣнецъ славы небесной для увѣнчанія души, оставившей подъ собою всѣ земныя удовольствія. А для насъ благочестивое собраніе! остается, отвести взоры наши отъ земли, и отодвинути по возможности хоть на минуту загробный занавѣсъ, и призадуматися надъ тѣмъ: *Что видитъ душа въ минуту освобожденія своего отъ тѣла?* Представлю въ двухъ образахъ.

Первый образъ.

Въ Франкфуртѣ на Майнѣ, въ смутное время первой революціонной войны все вооружалось на отраженіе приближающейся французской арміи. Нѣкто Гофманъ, молодый человѣкъ, недавно обрученный съ дѣвицею Маріанною, которую нѣжно любилъ, и которая всею душею была къ нему привязана, подобно другимъ увлекся одушевленіемъ защиты

города, и упалъ мертвый отъ перваго непріятельскаго выстрѣла. Неожиданная объ этомъ вѣсть страннымъ образомъ поразила невѣсту: услышавъ, что женихъ убитъ, Маріанна поблѣднѣла, но незаплакала, и никакая жалоба не сошла съ языка ея; въ ней въ мгновеніе исчезла память, духовная жизнь ея вдругъ остановилась, одна тѣлесная осталась неприкосновенною. Состояніе Маріанны немогло быти названо сумасшествіемъ: въ ней небыло ничего разстроеннаго, она была тиха, смиренна, никого ничѣмъ нетревожила; но ни въ комъ и ни въ чемъ непринимала участія, и жила въ кругу людей, какъ будто непримѣчая, что она съ ними; и всѣ, знавшіе грустную причину случившейся съ нею перемѣны, оказывали ей нѣжное вниманіе, заботились о ней, какъ о безпомощномъ, осиротѣвшемъ ребенкѣ. Такъ провела Маріанна болѣе тридцати лѣтъ; въ послѣдніе годы особенно привязалась она къ молодой дочери хозяина того дома, въ которомъ жила. Луиза (такъ называлась эта дѣвушка) навѣщала ее часто, и ей одной оказывала Маріанна что-то похожее на дружбу. Вдругъ Луиза начала примѣчати какую-то необыкновенную живость въ Маріаннѣ, дотолѣ тихой и ни на что необращавшей вниманія; казалось, что ее безпрестанно тревожила какая-то мысль, для ней самой непонятная; можно было также подумати, что въ ея тѣлѣ работала болѣзнь. Со дня на день сія тревога становилась сильнѣе и постояннѣе. Однажды, когда Луиза по обыкновенію своему принесла обѣдъ Маріаннѣ, послѣдняя сказала ей съ таинственнымъ видомъ: *Знаешь-ли что Луиза?.. Онъ писалъ ко мнѣ... онъ ко мнѣ будетъ.* Кто онъ? спросила Луиза. *Онъ... онъ* — отвѣчала та, потирая лобъ и напрасно стараясь вспомнити, — *ты знаешь онъ... я жду его.* Болѣе она немогла сказати ничего. *Я жду, онъ будетъ, онъ писалъ мнѣ,* эти слова повторяла она съ видимымъ волненіемъ; воспоминаніе тѣснилось въ ея душу, но душа еще была затворена для него. Дни черезъ три Маріанна сказала Луизѣ: *Приходи ко мнѣ завтра... я жду его... онъ будетъ у мене завтракати.* И когда на другой день Луиза пришла, она увидѣла, что Маріанна сидѣла въ своемъ праздничномъ платьѣ за накрытымъ столикомъ; глаза ея были ярки, щеки горѣли,

она смотрѣла быстро на двери. Вдругъ, подавъ знакъ рукою Луизѣ, чтобы молчала и нешевелилась, она сказала ей шепотомъ: *Слушай . . . слушай . . . онъ идетъ.* Вдругъ глаза ея вспыхнули, руки стремительно протянулись къ дверямъ, она вскрикнула громко: *Гофманъ!* и упала мертвая на полъ. (Соч. В. Жуковскаго. Томъ XI. Спб. 1857.)

Другій образъ.

Настоящее событіе представляетъ омертвѣніе духовной жизни въ здоровомъ тѣлѣ; съ противной стороны, подобное омертвѣніе тѣлесной жизни происходитъ въ тѣхъ, у которыхъ душа беретъ перевѣсъ надъ плотію. Если прослѣдимъ со вниманіемъ земное теченіе праведниковъ, въ житіи ихъ, по мѣрѣ успѣянія ихъ въ нравственномъ совершенствѣ, станемъ отмѣчати явленіе свѣтлыхъ точекъ, сперва слабѣе, послѣ сильнѣе въ увеличенномъ видѣ озаренныхъ солнцемъ облаковъ, пока вконецъ все житіе ихъ сливается въ образъ сіянія зари предъ восходомъ солнца. Иногда переходъ души въ состояніе оживленія — происходитъ тихо — по незамѣтному дѣйствію внутренней нравственной силы, иныйразъ оживленіе настаетъ вслѣдствіе потрясающаго душу несчастія, все равно, исходъ одинъ: по мѣрѣ оживленія духовной жизни слѣдуетъ омертвѣніе преобладанія плоти.

Предъ нами неисчестные примѣры умиравшихъ въ юномъ и возмужаломъ возрастѣ, равно и умиравшихъ въ преклонной старости праведниковъ, у всѣхъ, можно отмѣтити въ нравственномъ ихъ состояніи извѣстный предѣлъ, являвшійся у однихъ скорѣе у иныхъ позднѣе, за которымъ всѣ земныя увлеченія исчезали, и духовныя очи стали неудержимо увлекатися силою небеснаго свѣта. Для нихъ всѣ земныя радости, удовольствія, и суеты, казалися несуществующими; они смотрѣли на все происходившее вокругъ нихъ безучастнымъ взоромъ, безъ страстей, безъ вниманія, и непримѣчая, что они находятся среди житейскихъ бурь. По мѣрѣ преобладанія въ нихъ духовной жизни, и по мѣрѣ ослабѣнія тѣла, дѣйствіе одушевлявшаго ихъ свѣта небеснаго усиливалося, въ предсмертный часъ съ

приближеніемъ послѣднихъ минутъ лице ихъ озарялося несегосвѣтнимъ блаженствомъ, въ очахъ являлся неестественный блескъ, уста дрожали отъ радости, и произносили несвязныя слова молитвы; видимо, совершалося освобожденіе души отъ оковъ тѣла. Предъ духовнымъ взоромъ ихъ уже носился проблескъ небесной зари, но это все происходило равно сквозь сонъ, предвѣщающій близкое пробужденіе безсмертной жизни... вдругъ срывается съ устъ воскликновеніе: *Господи Іисусе Христе Боже мой!* или: *Пречистая Дѣва Богородица!* или просто: *Въ руцѣ твои передаю духъ мой!...* съ послѣднимъ словомъ, съ послѣднимъ воздыханіемъ настаетъ полное воскресеніе жизни, и съ нимъ конечное отрѣшеніе души отъ тѣла — смерть.

Сопроводивши умирающихъ до той грани, гдѣ для нихъ начинается восходъ неизреченнаго свѣта, мы принужденны остатися на землѣ съ неудовлетворенною нашею любознательностію, довольствуясь тѣмъ небольшимъ отблескомъ загробнаго свѣта, который удается намъ уловити въ послѣднія предсмертныя минуты переходящихъ отъ сего житія людей. Больше свѣта! больше свѣта! требуетъ наше желаніе, но смотрите: чего же вы желаете? желаете-ли съ тѣломъ вступити въ предѣлы безсмертныхъ? Есть люди, которые видѣніямъ умирающихъ, въ минуту происходящаго въ нихъ отлученія души отъ тѣла, непридаютъ большаго значенія, и наклонны приписывати ихъ болѣзненному состоянію воображенія, именно полагаютъ, что таковыя видѣнія состоятъ отраженіемъ того пламеннаго желанія, которое издавна въ сердцѣ умирающихъ жило. Положимъ такъ. Но кто поручится въ томъ: нѣтъ-ли въ такомъ мнѣніи сомнѣвающихся заблужденія, что у нихъ самыхъ воображеніе находится въ болѣзненномъ состояніи именно въ неспособности воспріимчивости загробнаго свѣта, которая воспріимчивость можетъ получитися единственно по благодати вѣры. Какъ въ вещественномъ мірѣ солнце, есть источникомъ свѣта есть Богъ, Онъ существуетъ, Онъ свѣтитъ, но безъ благодати вѣры къ сему неизреченному свѣту приблизитися невозможно. Равно свѣтитъ свѣча, но лишенные зрѣнія не въ состояніи наслаждатися ею.

Итакъ, желаніе „больше свѣта!“ болѣе слѣдуетъ отнести къ намъ остающимся на землѣ, чѣмъ къ умершимъ, душа которыхъ перешла въ царство свѣта, и неограниченно наслаждается имъ. Одно извѣстно, что по благодати возможно видѣти часть славы небесной, какъ видѣлъ св. Стефанъ первомученикъ; такъ стоитъ о немъ въ св. писаніи: **Стефа́нъ же сы́й и҃спо́лнь дх҃а свата́, воззрѣ́въ на не́бо, ви́дѣ сла́вꙋ Бо́жію, и҆ Іи҃са стоя́ща ѡ҆десны́ю Бо́га, и҆ рече́, се҄ ви́жꙋ небеса́ ѡ҆тве́рста, и҆ Сы́на челове́ча ѡ҆десны́ю стоя́ща Бо́га.** (Дѣян. апост. VII. 55. 56.) Явленіе свѣта небеснаго и слышанный свыше голосъ обратилъ св. Павла апостола, что онъ изъ гонителя сталъ избраннымъ сосудомъ.

Но для чего распространяемся далѣе? Мы нетребуемъ больше свѣта, но больше воспріимчивости, вѣдь цѣлое евангеліе представляетъ отраженіе царства небеснаго, отъ величества свѣта его мы дотого утрачаемъ силу зрѣнія, что чудеснѣе кажется намъ небольшій отблескъ загробнаго свѣта, который удается намъ уловити въ послѣднія предсмертныя минуты переходящихъ отъ сего житія людей, нежели ясность солнца — ясность солнца солнцевъ. О загробномъ царствѣ и о блаженныхъ жителяхъ его писано въ св. писаніи, что **но́щи не бꙋ́детъ та́мо, и҆ не потре́бꙋютъ свѣ́та о҆́тъ свѣти́льника, ни свѣ́та со́лнечнаго, я҆́кѡ Госпо́дь Бо́гъ просвѣща́етъ ѧ҆̀, и҆ воцара́тся во вѣ́ки вѣ́ковъ.** (Апок. XXII. 3—5.) А божественный Искупитель заключаетъ печатію словъ своихъ, что: **Тогда́ пра́ведницы просвѣта́тся я҆́кѡ со́лнце, въ ца́рствіи О҆́тца и҆̀хъ.** (Матѳ. XIII. 43.)

Послѣ сихъ благочестивое собраніе! излишне впуститися въ сравненіе цѣнности вѣнца брачнаго отъ камене честна съ цѣнностію вѣнца славы небесной, брачное соединеніе вяжется на землѣ, и послѣ принесенія плодовъ для земли, довершается на другомъ свѣтѣ въ соединеніи съ Іисусомъ Христомъ. Онъ сказалъ: **О҆́тче, и҆̀хже далъ є҆сѝ мнѣ҆́, хощꙋ́, да и҆̀дꙋ́тъ сѝ҆ мно́ю, да ви́дятъ сла́вꙋ мою́...** (Іоан. XVII. 24.) Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

надъ женихомъ.

Содержаніе: О достояніи небесномъ.

Господь ча́сть достоя́нія моегѡ̀, и̂ ча́ши моея́: ты̀ е̂сѝ оу̑строя́й достоя́ніе моѐ мнѣ̀.
Псал. XV. 5.

Никто другій.... Господь есть часть достоянія нашего, и чаши нашей,... до того возлюбившій насъ, что желаетъ спасенія нашего болѣе, чѣмъ мы сами. Иногда по невѣдомымъ для насъ судьбамъ Его, посѣщаютъ насъ тяжелыя скорби, неожиданно разрушающія наши надежды, къ которымъ мы издавна привыкли, сжилися съ ними до того, что онѣ казались намъ необходимостью. Въ такихъ случаяхъ неутѣшности нашей нѣтъ предѣловъ, мы ихъ считаемъ посѣщеніемъ — несчастіемъ.

Конечно, еслибы цѣдь жизни нашей состояла въ непрерывныхъ радостяхъ, и въ томъ, чтобы всѣ наши предпріятія исполнялись по желанію, тогда можно бы считати всякій ударъ несчастіемъ; но наше существованіе неограничается земною жизнію, потому и найбольшее на видъ злополучіе можетъ заключати въ себѣ причину, невѣдомаго для насъ будущаго счастія. И поелику Господь безъ премудрой причины недопускаетъ на насъ безполезныхъ бѣдствій, мы зная, насколько желаетъ Онъ нашего спасенія, должны прійти къ заключенію: что мы никогда не бываемъ ближе къ нашему спасенію, какъ во время посѣщеній. Сы́не — взываетъ св. писаніе — не пренебрега́й наказа́нія Господня̀, нижѐ ѡ̂слабѣва́й ѡ̂тъ негѡ̀ ѡ̂блича́емый: Его́же

бо лю́битъ Господь, наказ8етъ, біе́тъ же всѧ́каго сы́на, ѥ́гоже прі́емлетъ. (Притчей Солом. III. 11 12.)

Мы видимъ предъ собою гробъ безвременно увядшаго юноши — жениха, котораго родители тщательно воспитали, съ любовью тѣшилися въ немъ, и онъ того своимъ поведеніемъ вполнѣ былъ достоинъ. Въ близкомъ времени предстояло ему обвѣнчатися бракомъ съ обрученною себѣ невѣстою, и начати новую жизнь, соключенную съ разными трудностями, а можетъ быти и несчастіями. Но положимъ найлучшій случай, что онъ препроводилъ бы всю жизнь во всевозможномъ земномъ благополучіи, въ радостяхъ, довольствіи и благоденствіи, и чтоже? есть-ли кто-нибудь изъ людей, кто бы могъ поручитися о томъ, что земное счастіе небудетъ поводомъ его гибели вѣчной?

Если допустимъ такую возможность, то вмѣсто печали, мы должны высоко цѣнити милость Господа, предохранившаго душу отъ опасности осужденія. Видя же его отходящимъ изъ сего міра въ юномъ возрастѣ, предполагаемъ, что онъ отходитъ въ непорочности, и состояніи благодати, и слѣдовательно получитъ вѣнецъ вѣчнаго спасенія.

Судьбы Господа неизслѣдимы. Какое попеченіе имѣетъ Онъ о людахъ, почерпнемъ примѣръ изъ слѣдующаго событія:

„Жилъ въ Царьградѣ человѣкъ благородный и очень богатый, привыкшій милосердію къ нищимъ. Сей сказалъ къ единственному сыну: Избери, сынъ мой, хочешь-ли быти наслѣдникомъ моего имѣнія, или имѣти Христа опекуномъ и попечителемъ. Избравшу сыну Христа, отецъ сталъ такъ щедро раздавати свое имѣніе нищимъ, что по его смерти ничего неосталося сыну, который хотя видѣлъ себя въ нищетѣ и униженіи, твердою надеждою полагался на своего попечителя Христа. Были въ томъ городѣ благородные и весьма богатые супруги, имѣвшіе единственную дочь, наслѣдницу великаго своего имѣнія; когда же стали думати о ея замужествѣ, мати сказала къ своему мужу: Господинъ мой, дочь наша имѣетъ столько благъ, что ненуждается въ другихъ: если мы изберемъ для ней мужа также богатаго, можетъ быти не будетъ ни любити ни уважати её: отищемъ для ней мужа благороднаго, и добраго, хоть бы и убогаго, чтобъ её любилъ и уважалъ. Совѣтъ нравился

отцу, и по внушенію Бога сказалъ женѣ своей: Иди въ церковь, и проси мужа для дочери нашей, какого мы желаемъ, и предположи, кого увидишь первымъ входити въ церковь, тотъ есть, кого Богъ избралъ нашимъ зятьемъ. Добрая жена поступила по приказанію мужа, и смотри первымъ входилъ въ церковь юноша, избравшій своимъ попечителемъ Христа. Жена пригласила его къ себѣ, и спросила: кто онъ? и откуду? когда узнала, что онъ сынъ извѣстнаго благороднаго человѣка, и освѣдомилася о произшествіи между нимъ и его отцемъ, и что онъ по той причинѣ ничего неимѣетъ кромѣ Христа попечителя, сказала ему: Знай, сыне мой, что твой попечитель постарался о твоей супругѣ и богатствѣ, которыми будешь пользоватися въ страсѣ и служеніи Божіемъ; и поведя его съ собою въ домъ, отдала ему за мужъ дочь свою, и такое богатство, которое далеко превзошло богатство имѣвшее достатися ему по наслѣдію отъ отца.“*)

Посмотримъ теперь, въ какомъ соотношеніи можно примѣнити примѣръ царьградскаго юноши, къ оторванному смертію отъ своей невѣсты жениху? За щедрыя милостыни царьградскаго отца, наградилъ попечитель — Христосъ его сына — хотя и въ большей мѣрѣ — такими же земными благами, жертвою каковыхъ онъ пріобрѣлъ себѣ покровительство Спасителя, надѣлившаго его сверхъ богатства и благочестивою супругою.

Нашъ мертвый женихъ неполучилъ земнаго богатства, отозванъ отъ своей невѣсты, отъ родителей, отъ родственниковъ, оставилъ всѣ житейскія удовольствія. Но попечитель всѣхъ насъ — Христосъ, устроилъ для него другое достояніе, другую чашу, Онъ пригласилъ его на свою брачную вечерю, и чтобы неимѣлъ возможности отречися: **женѣ пояхъ, и сегѡ ради не могѣ пріити**, (Лук. XIV. 20.) отозвалъ его на другій свѣтъ. Счастливый юноша! Господь даровалъ тебѣ сокровище, превосходящее всѣ сокровища земныя, Онъ даровалъ тебѣ самаго себя. Въ счастіи твоего наслѣдія ты можешь воззвати: **Господь часть достоянія моегѡ, и чаши моея: ты єси оустрояй достояніе моє мнѣ.**

*) Sophron. in praro spirituali. Item.: Cornel. a Lapide Commentaria in omnes D. Pauli epistol. pag. 401.

Св. мученикъ Піоній предъ своею смертію сказалъ: „И я считаю жизнь сію временную сладкою, но несравненно сладчае для насъ Христіанъ та, которую мы получити желаемъ. Свѣтлость міра сего я признаю веселою и отрадною, но несравненно веселѣе и отраднѣе для насъ тотъ свѣтъ истинный, который мы увидѣти надѣемся. Мы не говоримъ, чтобы все, что мы видимъ тѣлесными нашими очами, не было прекрасно; мы не ненавидимъ творенія Божіяго, но есть міръ иной, невидимый, который превосходитъ красотою все нами видимое. (См. въ житіи святыхъ.)

Къ тому сводится таже заключеніе о твоей смерти о юноша, что ты оставилъ сей прекрасный свѣтъ, но вступилъ въ свѣтъ еще болѣе прекрасный, вмѣсто веселія твоего брака, удостоился участвовати во бракѣ небесномъ, вмѣсто радостей земныхъ въ радости небесной. Во всѣхъ случаяхъ перемѣнъ состоянія нашего: большее счастіе естественно выше цѣнимъ отъ меньшаго. Оттуду свыше смотришь ты на землю, и говоришь родителямъ: **Сы́нъ бы́хъ и̑ а̑зъ о̑тцу̑ послу̑шли́вый, и̑ люби́мый предъ лице́мъ ма́тере.** (Притчей Солом. IV. 3.) Все дали вы мнѣ любезные родители, что зависѣло отъ васъ, одарили меня жизнію, воспитали въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, вконецъ желали устрояти по вашей достаточности мою земную долю. Что могла доставити мнѣ жизнь и мое состояніе, я наслаждался всѣмъ, подъ вашими крыльями безъ противныхъ приключеній, безъ грустныхъ дней. Я принялъ часть своего земнаго наслѣдія безъ того, чтобы пришлося испытати и ея темныя стороны. Вамъ одно только можетъ причиняти боль, что я непережилъ васъ, а вы меня; но всѣ же не можемъ разомъ умирати, и непозволено намъ изслѣдовати причины Божіихъ дѣлъ, слѣдствія которыхъ намъ невѣдомы. Еще разъ напослѣдокъ, на малое время обращается мой взоръ къ велелѣнію устроеннаго для временнаго нашего пребыванія — земнаго міра, который въ той же прелести красуется, какъ красовался прежде меня, и будетъ красоватися по мнѣ, пока не прійдетъ часъ и его уничтоженія. Подъ солнцемъ тотъ малый семейный кругъ составляетъ для послѣдняго моего взора средоточіе, въ которомъ воспитался я, и въ который слѣдовало ввести еще одинъ новый членъ

— мою невѣсту, я несомнѣваюся въ томъ, что вы вслѣдствіе ея благочестиваго нрава возлюбили бы сё, какъ возлюбили и меня. Примите любезные родители, выраженіе моей сыновней къ вамъ любви и благодаренія за всю вашу доброту, благословите меня, и благословите и мою невѣсту.

Процаніе.

Заключеніе.

Этотъ міръ есть гостинный домъ, который постоянно наполненъ постояльцами, одни отходятъ, иные прибываютъ, и многолюдіе неистощается, потому что мѣсто отходящихъ занимаютъ прибывающіе. Міръ черезъ много вѣковъ находится въ томъ же неизмѣнившемся состояніи, только гости его — съ рода въ родъ, съ племени въ племя измѣняются, предоставляя свое мѣсто новопришельцамъ. Иногда вконецъ прійдетъ время, когда и міръ будетъ уничтоженъ, не будетъ людей, не будетъ нужды и въ мѣстѣ, для ихъ прекращеннаго навсегда постоя. Къ тому сводится таже наше земное существованіе, что земля составляетъ только временное наслѣдіе для людей, равно такое, какое получается въ гостинномъ домѣ, когда одинъ постоялецъ предоставляетъ мѣсто свое другому, а тотъ снова слѣдующему. Если такъ, къ чему годится наше мірское пристрастіе? къ чему привременныхъ мечтаніе? Ахъ человѣки, что всуе мятемся? путь скорый, и жестокій, который течемъ; дымъ есть житіе, пара, прахъ, пепелъ, и сѣнь, въ малѣ бываемъ, и какъ цвѣтъ увядаемъ. Достояніе наше въ рукахъ безсмертнаго царя, обѣщавшаго насъ наградити вѣчными благами. Потому воззываетъ насъ св. апостолъ Павелъ благодарити Бога и Отца, который призвалъ насъ **въ причастіе наслѣдіа святыхъ во свѣтѣ . . . и престави въ царство Сына любве своеа. . .** (Колосс. I. 12. 13.) Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

надъ невѣстою.

Содержаніе: О земныхъ и небесныхъ надеждахъ.

Ѡстáвите менѣ, да гóрцѣ восплáчѹсѧ: не належúте оу҃тѣшáти мѧ ѡ҃ сокрѹшéніи дщéре рóда моегѡ̀.

Исáіи XXII. 4.

Сими словами оплакиваетъ пророкъ гибель царственнаго города, называя его дочерію рода своего. Съ городомъ можно сравнити жизнь человѣка, для разоренія котораго изо-дня-въ день ближе подступаетъ непріятель — смерть. Подступъ ея совершается невѣдомо, часто въ одинъ неожиданный часъ разрушаетъ до основанія городъ всѣхъ блестящихъ надеждъ нашихъ.

Надежды, блестящія сегосвѣтнія надежды! какъ зыбко, непрочно основаніе ваше! какъ воздушное явленіе, какъ радуга, наслаждаете одно время взоръ, а потомъ незамѣтно исчезаете; являетеся, какъ утромъ сіяющіе розовымъ свѣтомъ облаки, а потомъ по дуновенію вѣтра разлетаетеся. Человѣкъ изъ дарованныхъ жизнію преимуществъ составляетъ себѣ виды на счастіе, стремится за достиженіемъ ихъ, часто уже простретъ руки чтобы привлечи ихъ къ себѣ, смотришь, а надежды убѣгли, и убѣгли навсегда.

Который родитель несоставляетъ себѣ видовъ на счастіе своихъ дѣтей? который неприлагаетъ усилій, чтобы по возможности обезпечити ихъ благополучіе? Вѣдь счастіе дѣтей составляетъ счастіе родителей, развитіе ихъ составляетъ гордость ихъ, благовоспитанность составляетъ славу

ихъ. Кто выразитъ съ какимъ старательствомъ охраняютъ родители здравіе дѣтей отъ всякаго вреднаго вліянія? трепещутъ въ случаѣ опасностей, страдаютъ со страждущими, взоръ ихъ съ наслажденіемъ сопровождаетъ каждое движеніе ихъ, милъ ихъ голосъ, любезенъ весь обиходъ.

Понятна ваша печаль о родители, когда вы дошли къ самому предѣлу имущихъ вскорѣ исполнитися вашихъ надеждъ, когда вы принялись уже за устроеніе доли вашей дочери, сразу разсыпалися въ прахъ всѣ надежды. Отклоняете вы всякое утѣшеніе, и въ постигшемъ васъ горѣ взываете къ утѣшителямъ: **Ѡ҆ста́вите менѐ, да го́рцѣ воспла́чѫ҆сѧ: не належи́те ѹ҆́тѣша́ти мѧ̀ ѿ҆ сокрꙋше́нїи дїме́ре ро́да моегѡ̀.**

При видѣ слезъ родителей, во всемъ кругѣ семейномъ, въ кругѣ родственниковъ и пріятелей, грустно отзывается чувство скорби. Взирая на мертвую, невольно воспоминается ея любезность и пріязнь къ вамъ. Вы еще недавно сообща строили планъ на предстоявшее торжество имущаго вскорѣ состоятися брака, приготовлялися къ нему, и теперь вы вмѣсто торжества слышите похоронныя пѣсни, возносится дымъ кадила съ молитвами о спасеніи души усопшей, и поется „вѣчная память“. Всѣ отдѣльно раздѣляете неутѣшность родителей, рыдая вмѣстѣ съ ними: **Ѡ҆ста́вите менѐ, да го́рцѣ воспла́чѫ҆сѧ: не належи́те ѹ҆́тѣша́ти мѧ̀ ѿ҆ сокрꙋше́нїи дїме́ре ро́да моегѡ̀.**

Но если естественна печаль родителей и родственниковъ, кто изобрѣтетъ слова для выраженія твоего горя о женихъ! Ты дошедши къ той грани жизни, когда всякій почувствуетъ одиночество и пустоту въ сердцѣ, потому что недостаетъ сужденной половины его состава — вѣрной подруги, съ которою могъ бы дѣлити радости и печали, въ области твоихъ надеждъ составился образъ того неоцѣнимаго сокровища, и будущаго счастія. Ты искалъ сіе сокровище среди многолюдности міра, и безпредѣльно возрадовался когда ты обрѣлъ его. Но недолго было суждено радоватися своему сокровищу, обручальное кольце застыло на твоемъ перстѣ, брачные вѣнцы разорвалися, дѣвическую голову твоей невѣсты украшаетъ вѣнецъ преждевременнаго увяденія, вмѣсто брачной постели смерть постелила ей

гробное покоище. Разстроился твои надежды, и ты стоишь, равно стоящему властителю корабля на берегѣ моря, корабль котораго претерпѣлъ крушеніе, бездна проглотила твое сокровище, и ты смотришь на остовъ сокрушеннаго корабля, предоставленнаго игрѣ волнъ въ далекой дали. Кто утѣшитъ тебя? ты отклоняешь всякое утѣшеніе, чаша переполнена горемъ, сердце требуетъ свое: **Ѡ҆ста́вите мене́, да го́рцѣ воспла́чѫ҆сѧ: не належи́те ѹ҆тѣша́ти мѧ҆ ѡ҆ сокрѹше́нїи дще́ре ро́да моегѡ̀.**

Пока въ сердцѣ человѣка кровь неомертвѣетъ, огонь любви неугаснетъ, принужденъ произносити стоны подъ ударами судьбы, изливати слезы при разлукѣ съ возлюбленными — насильно оторванными отъ его сердца. Естественны таже взрывы скорби надъ гробомъ возлюбленныхъ. Но надъ земною нашею скорбію раздается небесный голосъ, заставляющій насъ сличити различіе между уничтоженными нашими земными надеждами, и между надеждами другосвѣтными. **Вѣ́мы же, ꙗ҆́кѡ лю́бящимъ Бо́га всѧ҆ поспѣ́шествѹ́ютъ во бла́го́е**, говоритъ св. писаніе. (Римлян. VIII. 28.) Не покойная невѣста есть причиною несчастія тѣхъ, которые любили её, но Божіе Провидѣніе, которому угодно было вызвати её отсюду. Въ кончинѣ ея и родители, и родственники, и ты опечаленный женихъ, имѣете причину оплакивати только свое оскорбленное самолюбіе, потому что вы принуждены обходитися безъ ея любезнаго общества.

Постигающія насъ среди житейскаго самозабвенія печали, заставляетъ насъ отличити земныя надежды отъ небесныхъ. Посмотримъ: что такое земныя надежды? Влеченіе за призракомъ созданныхъ нами на счастіе разныхъ видовъ, также непорочныхъ и мимоидущихъ, какъ и мы сами, не смотря на то, послужатъ-ли онѣ намъ къ пользѣ, или нѣтъ. Надежда небесная есть успокоеніе сердца въ Богѣ, съ увѣреніемъ, что онъ непрестанно печется о нашемъ спасеніи, и даруетъ намъ обѣщанное блаженство.

Посему, уничтоженіе нашихъ земныхъ надеждъ, хоть оно иногда больно уязвляетъ наши сердца, можетъ въ исходѣ своемъ послужити причиною невѣдомаго для насъ счастія. **Вѣ́мы, ꙗ҆́кѡ лю́бящимъ Бо́га всѧ҆ поспѣ́шествѹ́ютъ во бла́го́е.** Никто изъ людей несмѣлъ бы поручитися о томъ:

не предстояло-ли въ жизни для невѣсты, лежащей предъ нами теперь мертвою, нѣкоторое большее несчастіе нежели смерть ея?

Но то уже видимъ, что мертвая невѣста отходитъ отъ сего свѣта украшенна вѣнцемъ дѣвства — знаменіемъ свойства, общаго съ ангелами. Самъ бо Спаситель сказалъ: **Въ воскресе́ніе ни же́нятсѧ, ни посѧга́ютъ, но ѩкѡ А҃ггели Бо́жіи на небесѝ сыть.** (Матѳ. XXII. 30.) Видимъ таже, что она причислена къ тому воинству, въ которомъ Царица небесъ — Пречистая Дѣва — предноситъ ангельскій прапоръ.

Есть-ли таже въ томъ поводъ къ печали, что Отецъ небесный предпочелъ: тѣхъ, которые любили земною любовію отозванную невѣсту, вмѣсто исполненія ихъ земныхъ надеждъ, одарити ихъ исполненіемъ небесныхъ надеждъ? а саму невѣсту вмѣсто земнаго — измѣнчиваго счастія небеснымъ?

Отложите родители брачное убранство невѣсты, она имѣетъ другое нетлѣнное, въ которомъ появится на бракъ Агнчій, и сотрите слезы изъ очей вашихъ, ибо **блаже́нни зва́нніи на ве́черю бра́ка а҃гнча.** (Апок. XIX. 9.) Вмѣсто земной любви возлюбите её любовью небесною, видите Господь такъ возлюбилъ насъ, что желаетъ спасенія нашего гораздо болѣе, чѣмъ мы сами. Десница Его посылаетъ утѣшеніе въ печали, и благословеніе послѣ побѣжденія испытаній, буди имя Его благословенно!

Примите отъ дочери вашей на ея исходѣ благодареніе за вашу родительскую любовь, старательство, попеченіе, и слезы. Послѣ Отца небеснаго вамъ одолжается за дарованіе жизни, которою она пользовалася до сего времени, и наслаждалася великимъ и прекраснымъ Божіимъ міромъ, а теперь уже наслаждается еще болѣе прекраснымъ другосвѣтнимъ, дадите ей родительское благословеніе.

Вы родственники, пріятели, и подруги примите благодареніе за вашу пріязнь, ко мнѣ, и любезное со мною обхожденіе. Пользуйтеся невинною веселостію земной жизни, такъ, чтобы вы постоянно пребывали въ любви Отца небеснаго и страсѣ Его, надежды ваши полагали во всѣхъ отношеніяхъ на Него единаго. Помяните меня добромъ, прощайте.

И ты прощай земный мей женихъ, нашъ союзъ разорвала смерть, помни, намъ предстояло на землѣ перенести всѣ бремена житейскія, отъ которыхъ я заблаговременно освобождена. Да будетъ устланъ путь твоей жизни цвѣтами благополучія и благоденствія, да даруетъ тебѣ Господь довольство и покой душевный, чтобы твоя жизнь протекала постоянно ясными днями. Благодарю тебя за твою любовь и слезы, прощай.

———

Мы же благочестивые Христіане, отдающіе послѣднее почтеніе усопшей невѣстѣ, — въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчныя, возведемъ очи наши отъ земныхъ надеждъ къ небеснымъ, по словамъ св. апостола Павла: **Не смотр҃ящимъ намъ ви́димыхъ, но невиди́мыхъ: ви́дима́а бо, вре́менна: невиди́ма́а же, вѣ́чна.** (II. Кор. IV. 18.) **Идѣ́же предте́ча ѡ̀ на́съ вни́де Іисѹ̀съ.** (Евр. VI. 20.) Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

надъ младенцемъ 12-ти 16-ти лѣтъ.

Содержаніе: О жертвѣ.

Поймѝ сы́на твоегѡ̀ возлю́бленнаго, ѥ̀гоже возлюбилѧ̀ ѥ̂сѝ, Ісаа́ка, и̑ и̑дѝ на зе́млю высо́кѹ, и̑ принесѝ ѥ̂гѡ̀ тамѧ̀ ко всесожже́нію.

Бытіѧ XXII. ст. 2.

Такое повелѣніе далъ Богъ Аврааму, чтобы подвергнути твердость вѣры и любви его испытанію. Содрогается все естестество человѣческое при самой мысли: еслибы родителю предстояло неотмѣнно собственною рукою заколоти самаго себя. То самое съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы Авраамъ, старецъ выше сто лѣтъ, чтобы жертвою собственной жизни, искупити цвѣтущую жизнь возлюбленнаго сына своего. Но у него вѣра и любовь была до того тверда, что ни на минуту незадумался повиноватися повелѣнію Божіему. Приближаяся къ мѣсту жертвы, возложилъ дрова на Ісаака, а самъ взялъ ножь и огнь. Какъ пришли на мѣсто, соорудилъ жертвенникъ, возложилъ дрова, и связавъ Ісаака сына своего, возложилъ его сверху дровъ. Теперь поднялъ ножъ, чтобы заколоти сына своего, но въ ту минуту воззвалъ къ нему ангелъ Господень, чтобы невозложилъ руки на сына, **ны́нѣ бо познáхъ** — рече — **ꙗ́кѡ боѧ́шисѧ ты Бо́га, и не пощадѣ́лъ ѥ̂сѝ сы́на твоегѡ̀ возлю́бленнаго менѐ ра́ди.** (Бытія XXII. 12.) Безсомнѣнно жертва Авраама стояла предъ Богомъ въ высокой цѣнности, но она была только образомъ той жертвы, которую принесъ самъ Отецъ небесный, отдавши Сына своего Единороднаго въ искупленіе рода чело-

вѣческаго. Умиляется человѣкъ представляя себѣ Исаака, несущаго дрова на мѣсто жертвы, равнымъ образомъ несъ и Іисусъ древо креста на гору Голгоѳу, и нетолько несъ, но и распятъ на немъ.

Дойдя мысленно до этой точки человѣкъ, подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ умиленія, несмѣетъ и помыслити: о сравненіи этихъ жертвъ съ тѣми жертвами, которыя иногда угодно Богу требовати отъ него, для испытанія его любви. Такою жертвою считается и смерть, похищающая любимыхъ членовъ и ъ круга семейнаго. Но поелику жертва есть добровольное посвященіе Богу такого предмета, который составляетъ безсомнѣнную нашу собственность, то похищеніе смертію любимыхъ членовъ семейства неможно считати жертвою, потому что хотя они принадлежатъ къ семейству, но составляютъ собственность Бога.

Нѣтъ больше ничего у человѣка, что бы могъ поднести Богу въ жертву, какъ *онъ самъ*. Самыхъ себя подносили св. мученики, и дѣлалися пріятною предъ Богомъ жертвою; самыхъ себя посвящали Богу пустынники, и всѣ угождавшіе Богу своимъ благочестіемъ праведники; по ихъ примѣру пріятную приносятъ жертву Богу всѣ благочестивые люди, живущіе въ святости.

Въ какомъ же смыслѣ называется жертвою жертва Авраама, когда онъ желалъ принести въ жертву на себя, но сына, составлявшаго собственность Бога? Въ томъ смыслѣ, что онъ приносилъ въ жертву сына по прямому повелѣнію Божіему, онъ повиновался въ страсѣ Божіемъ, и его повиновеніе вмѣнилося ему въ многоцѣнную жертву. Въ томъ смыслѣ и смерть, похищающую любимаго младенца отъ родителей можно назвати жертвою, поелику они съ сокрушеннымъ сердцемъ успокоиваются въ волѣ Божіей, съ тѣмъ: что они и добровольно согласилися бы принести въ жертву полученнаго отъ Бога младенца, котораго по повелѣнію Его смерть отъ нихъ оторвала. Ибо по словамъ св. писанія: **Же́ртва Бо́гꙋ дⷭ́хъ сокрⷭ́шенъ: се́рдце сокрⷭ́шенно и̑ смире́нно Бо́гъ не ѹ̑ничижи́тъ.** (Псал. 50. 19.)

Какъ ни горька смерть, горесть ея производитъ на духъ человѣка полезное дѣйствіе, потому что отрываетъ взоръ его отъ мнимаго земнаго блаженства, и навращаетъ

къ истинному — небесному. Дѣйствіемъ ея наши мысли, чувства, и желанія возвышаются надъ землею, доходятъ до самыхъ небесъ, и тогда виды на земное блаженство сами собою исчезаютъ. Возьмите всѣ возможныя въ земномъ житіи преимущества, которыми можно наслаждатися до годины смерти, — и чтоже? пространство времени отъ колыбели до гроба, въ сущности своей представится: *минутою въ отношеніи къ вѣчности, воображеннымъ увлеченіемъ въ отношеніи къ дѣйствительности, безцѣнкомъ въ отношеніи къ цѣнности, мнимымъ домовствомъ въ отношеніи къ правдивому домовству.* Стало быти: въ этомъ земномъ мнимомъ домовствѣ всѣ увлеченія, составляютъ тяжелыя пута, отъ нихъ-то и разрѣшаетъ человѣка смерть.

Видя предъ собою въ возрастѣ невинности, освобожденнаго отъ земныхъ путъ младенца, невольно представляются намъ всѣ тѣ суеты, которыя насъ такъ твердо привязываютъ къ землѣ, которыхъ мы иногда такъ упрямо держимся, что только смерть отрываетъ насъ отъ нихъ, и помыслимъ, что этотъ младенецъ свободенъ отъ нихъ. Какъ взираетъ стоящій на верху горы зритель внизу долины наводненіе, или свѣрѣпствующій вдали пожаръ, или разорительную войну: такъ взираешь ты младенецъ изъ безопасности, отъ которыхъ ты успѣлъ благовременно спастися. Съ игралъ ты весело на землѣ твои лѣтскія невинныя игры, и изъ состава одного веселія душа твоя перелетѣла въ другій составъ веселій, безъ того, чтобы ты и на малое время испыталъ омраченіе неба надъ собою.

Умѣрите таже вашу печаль неутѣшные родители, и благословите вашего младенца на отходѣ. Скорбь ваша естественна, потому что если и найменьшій членъ отсѣкаемъ бываетъ отъ тѣла, болѣзнь чувствуетъ все тѣло, младенецъ отрывается отъ вашего сердца, приросшій къ нему родительскою любовію. Духъ его уже въ селеніяхъ другосвѣтныхъ, возвыситеся и вы духомъ надъ землею, и разсудите: Огорчаетеся-ли тѣмъ обстоятельствомъ, что возлюбленный младенецъ вашъ опередилъ васъ въ шествіи своемъ, и скорѣе достигъ въ предѣлы истиннаго сеоего домовства нежели вы? Огорчается-ли тѣмъ, что онъ предпочелъ вѣчность минутному существованію? Огорчаетеся-ли тѣмъ, что

предпочелъ дѣйствительность воображеннымъ увлеченіямъ? неоцѣнимость безцѣнкамъ? блаженство страданіямъ?

И уже престаньте считати тяжелою жертвою утрату младенца, взятаго Отцемъ небеснымъ въ свои обители. Предъ жертвою Искупителя нашего Господа Іисуса Христа пропадаетъ всякая жертва, предъ Его любовію исчезаетъ всякая любовь, предъ Его терновымъ вѣнцемъ исчезаетъ всякое сраданіе и посѣщеніе.

Посѣщеніе? съ любовію прошу васъ, неназывайте посѣщеніемъ *вечерю велію*, уготованную Іисусомъ всѣмъ любящимъ Его, въ которой послѣ благополучнаго непорочнаго исхода своего удостоился участвовати возлюбленный младенецъ вашъ.

Заключеніе.

Какъ прекрасно, какъ успокоительно для васъ, всѣ, любившіе отходящаго. Неуспѣлъ онъ оскорбити никого, кривду несдѣлалъ никому; отходитъ съ благожеланіями всѣхъ, прощается благожеланіями для всѣхъ. Только исполнилъ долгъ, неизбѣжно предстоящій всѣмъ земнороднымъ. Давнымъ-давно предъ нимъ шествовалъ на смерть иногда Исаакъ, на плечахъ съ ношею дровъ, имѣвшихъ истребити жертву всесожженія прообразовательную, исполнившуюся же крестною смертію Господа нашего Іисуса Христа за наше Искупленіе и вѣчное блаженство. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

надъ дѣвицей 12—16-ти лѣтъ.

Содержаніе: Объ увяданіи цвѣтовъ и жизни.

Человѣкъ ѩкѡ трава, дніе его ѩкѡ цвѣтъ селный, тако ѡцвѣтетъ.

Псал. 102. 15.

Между растѣніями цвѣты являются въ пышности разнообразія своихъ красокъ, и велелѣпіи превосходнаго запаха. Наслаждается взоръ человѣка ихъ красою, и неможетъ насытится ихъ упоительнымъ запахомъ. Самъ Спаситель сказалъ о цвѣтахъ: **Глаголю вамъ: ѩкѡ ни Соломонъ во всей славѣ своей ѡблечеся, ѩкѡ единъ отъ сихъ.** (Матѳ. VI. 29.) Конечно, краса цвѣтовъ высоко превосходитъ пышность одежды Соломоновой. Есть-ли что нибудь нѣжнѣе отъ цвѣта во всей природѣ? Есть-ли привлекательнѣе для взора? пріятнѣе и плѣнительнѣе отъ крина, на которомъ почилъ иногда божественный взоръ Спасителя? Эти привлекательныя свойства цвѣтовъ осѣняютъ самое мѣсто своимъ великолѣпіемъ, гдѣ они находятся, по садамъ-ли, по зеленымъ-ли полямъ, или по холмамъ рощей, какъ осѣняетъ весною явленіе радуги всю весенную природу. Пріютившее ихъ мѣсто, которое безъ нихъ осталося бы незамѣченнымъ, получаетъ отъ нихъ достоинство: производити на людей пріятное впечатлѣніе. Впрочемъ, всѣ эти прекрасныя свойства цвѣтовъ, въ томъ достигаютъ степень высшаго своего оцѣненія, что они служатъ образомъ невинности души человѣческой.

Но увы! съ мыслію о цвѣтахъ, разомъ соключена мысль о скоромъ ихъ увяданіи. Малое время жизни дано

имъ, чтобы ими наслаждался человѣкъ. Крину и розѣ дано нѣсколько дней, инымъ весеннымъ цвѣткамъ даны только часы, утромъ съ восходомъ солнца развиваются во всемъ велелѣпіи своемъ, а съ заходомъ солнца, или еще скорѣе увядаютъ. А сколько для нѣжныхъ цвѣтковъ всесторонныхъ напастей? одной постигнетъ непогода, другого умертвитъ засуха, вредный вѣтеръ, убьетъ морозъ, а тамъ невидимо взялся откуду-то червь, сталъ точити корни его, точилъ, и вконецъ подточилъ.

Взирая на тебя, съ вѣнцемъ на главѣ дѣвица, съ застывшею на устахъ невинною улыбкою, сравниваю тебя, въ весенномъ твоемъ возрастѣ, съ сорваннымъ преждевременно цвѣтомъ. Неумолимую руку смерти неотвратила отъ тебя ни твоя юность, ни краса, ни любезность, ни невинность, ни любовь родителей. Только-что пришла ты къ сознанію начавшагося твоего развитія, начала радоватпся первымъ впечатлѣніямъ жизни, какъ цвѣтъ среди цвѣтовъ, любовь среди любви, — едва успѣла ты осмотритися кругомъ въ окружавшемъ тебя обществѣ, какъ только-что занявшаяся утреняя заря, открывающая дверь имущему неодолга воцаритися ясному дню, сразу омрачается весь небосклонъ, и явленіе твое измѣняется въ образъ уничтожившейся надежды.

При совершившемся великомъ таинствѣ смерти, дающемъ новую жизнь, надъ твоимъ мертвымъ тѣломъ раздался плачь и рыданіе. Родители неутѣшно сокрушаются надъ тобою, никто неизмѣритъ глубины ихъ скорби, что ты такъ скоро оторвана отъ ихъ сердца. Но прочто проливасте вы родители слезы? прото-ли что Отецъ небесный по благости своей вызвалъ ваше дитя изъ опасностей сего міра въ свои селенія? прото-ли, что Онъ такъ скоро вызвалъ изъ временнаго сего житія въ вѣчное? прото-ли, что оно перешло отъ тлѣнныхъ въ нетлѣнныя радости? Но опомнитеся, на землѣ полнаго блаженства нѣтъ, и неможетъ быти. Опомнитеся, что земное житіе дано намъ не для безмятежныхъ радостей, но для приготовленія къ будущей жизни. Опомнитеся, что дитя ваше отходитъ на другій свѣтъ въ томъ возрастѣ, когда вредное вліяніе сего свѣта еще неуспѣло коснутися невиннаго сердца его. Опом-

нитеся, что Отецъ небесный создалъ сердца и дѣтей, и ихъ родителей для Себя. Угасшая жизнь, которою вы долго жслали наслаждатися, заставляетъ васъ, въ сердцѣ вашемъ уступити мѣсто для преданности въ волю Божію. При постоянномъ воспоминаніи смерти, мы узнаемъ настоящую цѣну земныхъ радостей, и когда посѣщаетъ насъ тяжелый ударъ, безпрекословно должны мы преклонити голову. *Посмотрите на птицу, которая прилетаетъ къ намъ изъ теплыхъ странъ: она вьетъ себѣ временное гнѣздо, трудится и заботится о птенцахъ своихъ, — но приходитъ пора — и она отлетаетъ въ свою далекую родину; — такъ и душа наша: она здѣсь лишь перелетная птица, а не вѣчная жительница.*

Дни жизни нашей оскудѣваютъ, время убѣгаетъ неудержимо, смерть приближается, разъ ударитъ и наша послѣдняя година, и мы равно такъ будемъ лежати въ гробѣ, какъ лежитъ предъ нами въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ умершая дѣвица.

Чтобы мы ни на минуту невыпускали изъ виду сей предстоящей намъ общей неизбѣжности, снова и снова увядаетъ предъ нами цвѣтъ за цвѣтомъ, жизнь за жизнію, несмотря на то, что оторванныя отъ насъ жизни были для насъ дорогими на семъ свѣтѣ. Впрочемъ, когда Богъ отнимаетъ кого-либо отъ насъ, отнимаетъ свое, то само, что мы отъ него получили. Предоставляетъ намъ пока Ему угодно, можетъ также и отняти, и даже отнимаетъ когда Ему угодно. **Йли нѣсть ми лѣть сотвориті ѣже хощѫ во свойхъ ми?** (Матѳ. XX. 15.) О! какъ многоразъ проситъ Его святая воля отъ насъ то, что всего болѣе любитъ, т. е. сердце наше, но сердце наше обыкновенно раздѣлено между Богомъ, и сегосвѣтними удовольствіями; Онъ пожадаетъ наше повиненіе, а мы непослушаемся Его, итакъ удивительно-ли: что Онъ отнимаетъ отъ насъ то, чѣмъ мы всего болѣе дорожимъ.

Такимъ образомъ желаетъ Богъ испытати нашу вѣрность и повиновеніе, значитъ: любимъ-ли мы Его выше всего на свѣтѣ? Ибо что за заслуга, угождати Богу отданіемъ того, безъ чего мы легко можемъ обходитися? или чѣмъ мы вовсе недорожимъ? Насупротивъ изъ того явству-

етъ наша вѣрность и повиновеніе, если мы самовольно отдаемъ Ему, что намъ всего дороже. Такимъ способомъ бываемъ мы направляемы къ нашему спасенію, Богъ пользуется принудительнымъ средствомъ, чтобы мы любили Его выше всего, чтобы мы нетворили себѣ сокровища изъ сего-свѣтнихъ наслажденій, исключающихъ изъ сердецъ нашихъ любовь къ Нему. Знаетъ Богъ, что гдѣ наше сокровище, тамъ и сердце наше, потому любимыхъ нами отнимаетъ отъ насъ на другій свѣтъ, чтобы тѣмъ и сердце наше привязати ко другому свѣту.

Прекрасна судьба упокоившейся дѣвицы, что её Провидѣніе Божіе избрало своимъ орудіемъ, для того, чтобы посредствомъ ея привязати сердца всѣхъ ко другому свѣту, которые въ земномъ житіи съ любовію относилися къ ней. По мѣрѣ любви, которою привязывала къ себѣ сердца приближенныхъ и знакомыхъ на землѣ, привязываетъ она ихъ сердца къ царству Отца небеснаго.

Цѣною вѣнца твоей непорочности, получила ты неувядаемый вѣнецъ славы небесной, вмѣсто земныхъ радостей, радости ангельскія, вмѣсто земныхъ благъ, блага нетлѣнныя, которыя уготовалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ любящимъ Его.

Возносися таже въ небесныя обители съ торжествомъ побѣды надъ смертію, и непрестань испрошати отъ Господа, чтобы сердце у возлюбившихъ тебя никогда неотрывалося отъ любви Отца небеснаго, до послѣдняго ихъ издыханія. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

надъ отрокомъ.

Ѧмі́нь глаго́лю вáмъ, а҆́ще не ѡ҆братитéсѧ, и҆ бу́дете ꙗ҆́кѡ дѣ́ти, не вни́дете въ ца́рство небе́сное.
Матѳ. XVIII. 3.

Сердцевѣдецъ Спаситель, во время своего благословеннаго пребыванія на землѣ, никого неотличилъ болѣе отъ дѣтей своею божественною любовью. Среди подвига нашего искупленія, среди борьбы противъ змѣинаго лукавства, взоръ Его съ особеннымъ благоволеніемъ останавлялся на дѣтяхъ, приносимыхъ матерями ихъ подъ Его благословеніе, и то было для Него отрадою, когда ихъ къ Нему приносили. Что-за любовь излилася изъ святѣйшихъ устъ Его, когда сказалъ: **Ѡ҆ста́вите дѣте́й приходи́ти ко мнѣ́, и҆ не браните́ и҃мъ: тацѣ́хъ бо е҆́сть ца́рствіе Бо́жіе.** (Марк. X. 14.) Господи! Ты прежде всѣхъ людей желалъ населити царство Твое дѣтьми; прежде всѣхъ кровь младенцевъ изливалася въ свидѣтельство воплощенія Твоего, справедливо избралъ Ты ихъ быти первенцами царства Твоего небеснаго. Предъ взоромъ нашимъ представляется сіяющій Божествомъ Ликъ Твой! мало-гдѣ находившій въ искупляемомъ Тобою мірѣ болѣе ублажающей пристани, чѣмъ въ непорочномъ сомнѣ дѣтей, потому Ты и поставилъ условіемъ достиженія царства небеснаго тѣ божественно великоважныя словеса: **Ѧмі́нь глаго́лю вáмъ, а҆́ще не ѡ҆братитéсѧ, и҆ бу́дете ꙗ҆́кѡ дѣ́ти, не вни́дете въ ца́рство небе́сное.**

Сердцевѣдецъ! что-за причина побудила Тебе къ такой любви? любви отличительной: что Ты дѣтей поставилъ намъ въ примѣръ? душевное ихъ состояніе въ условіе достиженія царства небеснаго? Въ чемъ такой любви причина?

Да будетъ имя Твое благословенно! Ты Самъ сказалъ: **Блаженіи нищіи дѹхомъ, ѩкш тѣхъ ѥсть цáрствіе небесное.** (Матѳ. V. 3.) Что такое нищета духа, что Господь поставилъ въ награду ея царство небесное? Пройдите весь міръ, всѣ пространства земли, пройдите всѣ слои обществъ человѣческихъ; искайте нищихъ духомъ со свѣтилами, искайте ихъ просвѣщенными умами ученыхъ, премудростію премудрыхъ, ненайдете нигдѣ нищету духа въ такой неприкосновенной цѣлости, какъ въ невинныхъ сердцахъ дѣтей.

Ужели?

Если Создатель, мозгу человѣческому, недаровалъ больше воспріимчивости для вмѣстимости понятій, о существованіи которыхъ мы положительно знаемъ, что они должны существовати, равно такъ, какъ существуетъ надъ нами невидимо всевидящее Око Создателя, — и насколько справедливо то положеніе, что мы ограниченною — ничтожною мѣрою ума нашего — не въ состояніи измѣрити безпредѣльность вселенной: такъ безсомнѣнно то, что Сердцевѣдецъ поставилъ нищету духа надъ всѣми премудростями земнородныхъ.

Древній змѣй, завистникъ спасенія рода человѣческаго, въ самомъ началѣ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы духъ нашъ отравити гордостію; къ сожалѣнію, то ему удалося, и онъ грѣхомъ подвластилъ себѣ духъ, затемнилъ умъ несчастнаго въ паденіи человѣка, наклонилъ его къ самообожанію, и обожанію своихъ преступныхъ страстей. Но Спаситель своимъ смиреніемъ сокрушивъ власть змѣиную, первенцами своего царства сдѣлалъ нищихъ духомъ невинныхъ сердцемъ дѣтей, и тѣхъ, которые чистотою сердца своего подобны дѣтямъ. Счастливыя дѣти! ваше спасеніе извѣстно, межь тѣмъ и великіе праведники небыли извѣстны о своемъ избраніи, и благочестиваго житія подвижники въ послѣднія предсмертныя минуты были одержимы трепетомъ насчетъ другосвѣтней участи своей, и предстоящаго страшнаго суда.

Счастіе дѣтей мы должны высоко ставити надъ счастіемъ возрослыхъ, потому что они любезны предъ Богомъ; счастливы они и на землѣ, а когда умираютъ, тѣмъ не-то чтобы убавилося ихъ счастіе, но еще неизмѣримо увеличивается; они изъ менѣе счастливаго состоянія переходятъ

въ нескончаемое блаженство; изъ мѣста опаснаго на мѣсто, гдѣ ихъ болѣе неможетъ постигнути никакой опасности; изъ мѣста слезъ, печали, и болѣзней, на мѣсто безмятежной радости и неизреченныхъ веселій; изъ мѣста борьбы на мѣсто покоя; изъ мѣста безславія на мѣсто славы; изъ отчизны смерти въ отчизну безсмертія. Въ такомъ положеніи обстоятельствъ, представляется вопросъ: что болѣе благоразумно? оплакивати-ли смерть дѣтей? или благословити Господа, что Онъ одарилъ ихъ такимъ неисповѣдимымъ блаженствомъ? Можно-ли огорчатыся надъ тѣмъ, что любовь Отца небеснаго превосходитъ нашу земную родительскую любовь?

Нимало. Богъ даровалъ вамъ родители! любезное дитя, но вы добро знаете, что Онъ сдѣлалъ свой подарокъ съ соблюденіемъ своего Создательскаго права, вы могли наслаждатися имъ только при томъ условіи, что дитя останется Его собственностію и подъ тѣмъ временемъ, пока оно было предъ взоромъ вашимъ, и пока вы называли его своимъ. Теперь Отецъ небесный востребовалъ свое обратно; отчасти по той причинѣ, что для невиннаго дитяти далеко большее составляетъ счастіе блаженство небесное, чѣмъ муки земныя; отчасти по той причинѣ, чтобы испытати мѣру вашей преданности къ Нему, и смертію дитяти сердце ваше болѣе привязати къ Себѣ, и къ царству небесному. Если бы вы сіе посѣщеніе небесной благодати — теперь — подъ вліяніемъ вашей печали немогли почувствовати во всей полнотѣ, молите Его, чтобы открылъ вашъ взоръ духовный, для сознанія того: что Его премудрость, благоволеніе, и провидѣніе, высоко стоитъ надъ вашею естественною слабостію. Ваши слезы — дождь изъ того земнаго облака, который отдѣляетъ васъ отъ ангельскаго міра, гдѣ дитя ваше въ радости тмы-темъ ангеловъ принимаетъ участіе.

Слѣдовало бы на каждый дѣтскій гробъ, надъ каждою дѣтскою могилою, на крестѣ написати такую надпись: *Отверзтіе небесъ*, чтобы та надпись для возрослыхъ служила вѣчнымъ напоминаніемъ словъ Спасителевыхъ: **А҃мі́нь глаго́лю ва́мъ, а҃ще не ѡ҃братите́ся, и҃ бу҃дете я҃кѡ дѣ́ти, не вни́дете въ ца́рство небе́сное.** Аминь.

Конецъ перваго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Текущее число. Страница.

1. *По случаю смерти царя, во время заупокойной святой литургіи.*
   Тексты: Бо́га бойтесѧ, царя̀ чти́те. I. Петр. II. 17.
   Содержаніе: О сокровищахъ небесныхъ . . . 13.
2. *Надъ Епископомъ.*
   Тексты: Дх҃ъ свѧты́й поста́ви є҆пи́скопы пасти́ це́рковь Го҃спо́да и Бо́га, ѥ҆́же стяжа̀ кро́кію свое́ю. Дѣ҃ній апостол. XX. 28.
   Содержаніе: О церкви . . . . . 18.
3. *Надъ старшимъ священникомъ.*
   Тексты: Прослези́сѧ Іисх҃ъ. Глаго́лахѫ у҆́бѡ жи́дове: ви́ждь ка́кѡ люблѧ́ше є҆гѡ̀. Іоанн. XI. 35. 36.
   Содержаніе: Олицетвореніе добраго пастыря . . 24.
4. *Надъ семейнымъ священникомъ.*
   Тексты: Гдѣ̀ ста́до да́ное тебѣ́, ѡ҆́вцы сла́вы твоея̀? Что̀ рече́ши, є҆гда̀ посѣщ҃а́тъ?... Є҆гда̀ не ѡ҆́бимѫ́тъ тѧ̀ колѣ́зни, ѩ҆́кѡ жены́ родѧщ҃ю́ю? Іерем. XIII. 20. 21.
   Содержаніе: Пастырь и паства . . . . . 29.
5. *Надъ священникомъ, умершимъ вслѣдствіе, холеры, или другой напрасной смерти.*
   Тексты: Па́стырь до́брый дх҃ъ́ свою̀ полага́етъ за ѻ҆́вцы. Іоанн. X. 11.
   Содержаніе: О перстѣ Божіемъ . . . . . 34.
6. *Надъ молодымъ священникомъ.*
   Тексты: Гла́съ вопію́раго, возопі́й: и҆ реко́ѫ: что̀ возопію́? всѧ́ка плоть сѣ́но, и҆ всѧ́ка сла́ка человѣ́ча ѩ҆́кѡ цвѣ́тъ тра́внаго. Иса́ии XL. 6.
   Содержаніе: Жизнь умирающаго въ молодости священника равняется начатой, но неоконченной проповѣди . . . . . 39.

Текущее число. Страница.

7. *Надъ Іеромонахомъ.*
Текстъ: Нáше житіѣ на небесѣхъ ѣстъ. Філіп. III. 20.
Содержаніе: О жизни пустынниковъ . . . . . 44.

8. *Надъ инокинею.*
Текстъ: Ѣгóже возлюбѝ дш҃а мо҃я: оу҃держáхъ Ѣгò, и҆ неостáвихъ Ѣгò, дóндеже введóхъ Ѣгò въ дóмъ мáтере моеѧ. Пѣсни пѣсней. III. 4.
Содержаніе: Любовь тѣлесная, и любовь душевная 50.

9. *Надъ причетникомъ.*
Текстъ: Ѝзбрà нáсъ (Бóгъ) прéжде сложéніѧ мíра, бы́ти нáмъ свѧты́мъ и҆ непорóчнымъ предъ нíмъ въ любвѝ. Ефес. I. 4.
Содержаніе: О званіи и предъизбраніи . . . . . 56.

10. *Надъ ученымъ.*
Текстъ: Ѣгóже а҃ще дѣ́ло прекꙋ́детъ, ѣ́же назда́, мздꙋ́, прі́йметъ. А҆ ѣгóже дѣ́ло сгорúтъ сꙋ́тꙋщети́тсѧ: сáми же спасéтсѧ, тáкожде а҃коже сꙋ́гнемъ. I. Коринѳ. III. 14. 15.
Содержаніе: Ученость и вѣра . . . . . 61.

11. *Надъ знаменитымъ человѣкомъ.*
Текстъ: Ѣ́дино сіѣ́ да не оу҃та́йтсѧ вáсъ возлю́бленніи, а҃кѡ ѣ́динъ дéнь предъ Госпóдемъ а҃кѡ тысѧща лѣ́тъ, и҆ тысѧща лѣ́тъ а҃кѡ день ѣ́динъ. II. Петр. III. 8.
Содержаніе: О надгробныхъ памятникахъ . . . 67.

12. *Надъ вдовою священника.*
Текстъ: Сѣ́тнаѧ и҆стúннаѧ вдовúца и҆ оу҃единéна, оу҃повáлетъ на Бóга, и҆ пребывáетъ въ молúтвахъ и҆ молéніихъ дéнь и҆ нóщь. I. Тімоѳ. V. 5.
Содержаніе: О добромъ примѣрѣ . . . . . 73.

13. *Надъ супругою священника.*
Текстъ: Жена твоѧ а҃кѡ лоза плодовúта въ странáхъ дóмꙋ твоегѡ̀. Псал. CXXVII. 3.
Содержаніе: Согласіе сердецъ составляетъ вѣнецъ супружеской жизни . . . . . 79.

14. *Надъ старцемъ.*
Текстъ: Ны́нѣ сꙋ́тꙋщаеши раба́ твоегò, Влады́ко, по глаго́лꙋ твоемꙋ̀ съ мúромъ. Лѣк. II. 29.
Содержаніе: О воскресеніи . . . . . 85.

15. *Надъ умершимъ вслѣдствіе конечнаго изнеможенія, или надъ которымъ-нибудь мертвецомъ.*
Текстъ: Земліѧ ѣ́си, и҆ въ зéмлю сꙋ́тúдеши. Книга Бытіѧ III. 19.
Содержаніе: „Познай себе“ . . . . . 90.

Текущее число. Страница.

16. *Надъ мертвецомъ, при которомъ обыкло прочитываться евангеліе.*

Тексты: Въ дéнь скончáніа днéй живóта твоегѡ̀, и̂ во врéмя смéрти твоéя раздѣлѝ наслѣ́діе твоé. Книга премудрости Іисуса сына Сирахова XXXIII. 24.

Содержаніе: О завѣщаніи . . . . . 96.

17. *Надъ мертвецомъ, похороны котораго совершается въ церкви, или надъ умершимъ въ пути, или надъ которымъ-нибудь мертвецомъ.*

Тексты: Блаженни непорóчніи въ пу́ти, ходя́щіи въ законѣ̀ Господни. Псал. CXVIII. ст. 1.

Содержаніе: Путь къ небесному Іерусалиму . . 102.

18. *Надъ судіею, или надъ которымъ-нибудь мертвецомъ.*

Тексты: Вѝдите, что́ вы̀ творите́, не человѣ́ческій бо вы̀ су́дъ творите́, но Господе́нь, и̂ съ ва́ми словеса̀ су́дна. Книга Паралипоме́нонъ XIX. 6.

Содержаніе: Совѣсть судіи дѣлъ нашихъ . . . 107.

19. *Надъ воиномъ, или надъ которымъ-нибудь мертвецомъ.*

Тексты: Никто́же во́инъ бываа́ѡ̀бязу́ется ко́піями житéйскими, да воеводѣ̀ уго́дитъ. II. Тімоѳ. II. 4.

Содержаніе: О побѣдѣ надъ собою . . . . . 113.

20. *Надъ семейнымъ человѣкомъ.*

Тексты: Я̃ще бо и̂ пойдý посредѣ̀ сѣ́ни смéртныя, не́боюся зла, я̃кѡ ты̀ со мно́ю е̂сѝ: же́злъ твóй и̂ па́лица твоя̀ та̀ мя̀ уте́шиста. Псал. XXII. 4.

Содержаніе: О трехъ пріятеляхъ человѣка . . 119.

21. *Надъ долго хворавшимъ семейнымъ человѣкомъ.*

Тексты: Йго тя́жко на сынѣ́хъ Ада́млихъ, сѣ́хъ днѐ йсхо́да йзъ чре́ва ма́тере йхъ до днѐ погребе́нія въ ма́терь всѣ́хъ. Книга премудрости Іисуса сына Сира́хова XL. 1.

Содержаніе: а) Значеніе тѣлесныхъ недуговъ и тѣлесной смерти; б) значеніе душевныхъ недуговъ, и душевной смерти . . . . . 125.

22. *Надъ отцемъ или матерію, оставившими за собою сироты.*

Тексты: О̂тéцъ мóй и̂ ма́ти моя̀ ѡ̀ста́виста мя̀, Господь же воспріи́метъ мя̀. Псал. XXVI. 10.

Содержаніе: Утрату родителей земныхъ замѣняетъ Отецъ небесный своимъ попеченіемъ о сиротахъ . . . . . 132.

Текущее число. Страница.

23. *Для утѣшенія злополучныхъ.*
Текстъ: Йже хо҃щетъ по мнѣ ѝти, да сѡтве́ржетсѧ себѣ, и̑ во́зметъ крестъ свой, и̑ по мнѣ гра҃дётъ. Марк. VIII. 34. Матѳ. XVI. 24.
Содержаніе: О несеніи креста . . . . . 138.

24. *Надъ мужемъ.*
Текстъ: Йдѣ́же е̑стъ сокро́вище ва́ше, тꙋ̀ бꙋ́детъ и̑ се́рдце ва́ше. Матѳ. VI. 21.
Содержаніе: Что значитъ жити жизнію возлюбленнаго? . . . . . 143.

25. *Надъ женою.*
Текстъ: Сі́ нꙑнѣ ко́сть сѡ́тъ костей мои́хъ, и̑ пло́ть сѡ́тъ пло́ти мое҆ѧ. Бытіе II. 23.
Содержаніе: О настоящихъ украшеніяхъ доброй жены . . . . . 148.

26. *Надъ мужемъ или женою, жившими въ разводѣ.*
Текстъ: Ѡ҆женѝвшимсѧ завѣща́ю, не а҃зъ, но Госпо́дь, женѣ̀ сѡ́тъ мꙋ̀жа не разлꙋча́тисѧ: а҆́ще ли же разлꙋчи́тсѧ, да пребꙑва́етъ безбра́чна, и̑ли да смири́тсѧ съ мꙋ̀жемъ свои́мъ: и̑ мꙋ̀жъ жены̀ не сѡтꙋщра́ти. I. Кор. VII. 10. 11.
Содержаніе: О нерасторжимости брака . . . . 153.

27. *Надъ умершимъ скоропостижною смертію, какъ: пораженнымъ молніей, утопленникомъ, замерзшимъ, засыпаннымъ землею, погибшимъ въ пожарѣ, растерзаннымъ звѣрями, ужаленнымъ змѣемъ, и проч.*
Текстъ: Сі́ е̑стъ писа́ніе вчине́ное: Мани́, Θекелѳ́, Фа́ресъ. Данiил. V. 25.
Содержаніе: О скоропостижной смерти . . . . 159.

28. *Надъ убіеннымъ.*
Текстъ: Рече́ Госпо́дь: что҃ сотвори́лъ е̑сѝ сіѐ? гла́съ кро́ве бра́та твоегѡ̀ копіе́тъ ко мнѣ̀ сѡ́тъ землѝ. Книга Бытіе IV. 10.
Содержаніе: Не убій . . . . . 164.

29. *Надъ умершимъ въ плѣну, заточеніи, темницѣ, или надъ которымъ-нибудь мертвецомъ.*
Текстъ: Ѝзведѝ и̑зъ темни́цы дꙋ́шꙋ мою̀, и̑сповѣ́датисѧ и҃мени твоемꙋ̀. Псал. CXLI. ст. 8.
Содержаніе: О свободѣ . . . . . 169.

30. *Надъ слѣпцемъ.*
Текстъ: Сла́дко свѣ́тъ, и̑ бла́го сѡ́чима зрѣ́ти со́лнце. Еккlесіастъ XI. 7.
Содержаніе: О очахъ тѣлесныхъ и душевныхъ . . 175.
Письмо бл. Августина къ Евводію о врачѣ Геннадіи.

Текущее число. Страница.

31. *Надъ нѣмымъ.*
Текстъ: Кто̀ да́стъ мѝ во ѹ̑стà мо҃ѧ храни́лище, ѝ на ѹ̑стнѣ мои̯ печа́ть разѣ́мнѣ? да не падѣ́ѧ сѣ́тъ ни́хъ, ѝ ѩ҆зы́къ мои̯ да не погрѣ́ки́тъ мѧ̀. Кн. прем. Іисѹ́са сына Сі́р. XXII. 31.
Содержаніе: Значеніе языка въ нравственномъ мірѣ . . . . . 181.

32. *Надъ безумнымъ, или сумасшедшимъ.*
Текстъ: Ходи́те, до́ндеже свѣ́тъ ѝмате, до тма̀ ва́съ не ѝметъ, ѝ ходѧ́ѝ во тмѣ́ не вѣ́сть ка́мѡ ѝдетъ. Іоанн. XII. 35.
Содержаніе: Притча о золотомъ яблокѣ . . . . 187.

33. *Надъ молодою женою умершею въ родахъ, преимущественно умершею въ первыхъ родахъ.*
Текстъ: ѝ возвратѝ́ѧ къ нема̀ голѹ́бѝца къ ве́черѹ̀, ѝ ѝмѣ́ѧше свѣ́цѣ ма́сличны҃ѧ съ ли́ствіе́мѝ въ ѹ̑стѣ́хъ свои́хъ. Кн. Бытіѧ VIII. 11.
Содержаніе: Союзъ любви неразрывается смертію. Свиданіе за гробомъ . . . . . 192.

34. *Надъ сыномъ, по преимуществу единороднымъ.*
Текстъ: Пришѐлцы е҆́смы̀ предъ тобо́ю, ѝ пресѐльницы, ѩ҆́коже вси̑ сѣ́тцы̀ на́ши: дніе на́ши ѩ҆́кѡ сѣ́нь на землѝ, ѝ нѣ́сть посто́ѧнія. I. Паралипоменонъ XXIX. 15.
Содержаніе: Человѣкъ пришлецъ и пресельникъ на землѣ . . . . . 197.

35. *Надъ женихомъ, или невѣстою.*
Текстъ: Положи́лъ е҆́сѝ на главѣ́ е҆́гѡ̀ вѣ́нецъ ѿ҆́ камене че́стна. Псал. XX. 4.
Содержаніе: Что видитъ душа въ минуту освобожденія своего отъ тѣла? . . . . . 202.

36. *Надъ женихомъ.*
Текстъ: Госпо́дь ча́сть достоѧ́нія моего̀, ѝ ча́ши моеѧ̀: ты̀ е҆́сѝ ѹ̑строѧ́ѝ достоѧ́ніе моѐ мнѣ̀. Псал. XV. 5.
Содержаніе: О достояніи небесномъ . . . . . 208.
Притча объ юношѣ избравшемъ себѣ въ попечителя Христа.

37. *Надъ невѣстою.*
Текстъ: Ѡ҆ста́вите менѣ̀, да горцѣ́ воспла́чѹ̀ѧ: не належи́те ѹ̑тѣ́шѧ́ти мѧ̀ ѡ҆ сокрѹше́ніи дще́ре ро́да моего̀. Исаі́и XXII. 4.
Содержаніе: О земныхъ и небесныхъ надеждахъ 213.

Текущее число. Страница.

38. *Надъ младенцемъ 12—16-ти лѣтъ.*
Текстъ: Поймѝ сы́на твоегѡ̀ возлю́бленнаго, є҆гóже возлюбѝлъ є҆сѝ, Їсаа́ка, и҆ и҆ди́ на зе́млю высо́кѹ, и҆ вознесѝ є҆гѡ̀ тамѡ̀ во всесожже́нїе. Кн. Бытїѧ XXII. 3.
Содержанїе: О жертвѣ . . . . . 218.

39. *Надъ дѣвицею 12—16-ти лѣтъ.*
Текстъ: Человѣ́ка ѩ҆кѡ̀ трава́, днїе є҆гѡ̀ ѩ҆кѡ̀ цвѣ́тъ сел́ный, та́ко ѡ҆цвѣтѣ́тъ. Псал. CII. 15.
Содержанїе: Объ увяданїи цвѣтовъ и жизни . . 222.

40. *Надъ отрокомъ.*
Текстъ: А҆мі́нь глаго́лю ва́мъ, а҆ще не ѡ҆братите́сѧ, и҆ бу́дете ѩ҆кѡ̀ дѣ́ти, не вни́дете въ ца́рство небе́сное. Матѳ. XVIII. 3. . . . . 226.